

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

8
'95

**ВЫПУСК-
95**

НА БОЕВОМ ПОСТУ

8'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректор
БОГДАНОВА Е.А.

На первой
странице обложки
фото
А.АЛЕКСАНДРОВА

В номере:

Актуальное интервью	
НОВАК Н.: "Достоин исполнять свой долг"	2
Зона особого внимания	
КАРПОВ Б. Земляничная поляна, или Цена высоты 541,9	7
РОДНОВ А. "И снова, как в афганских кишлаках, мои друзья становятся мишенью..."	16
КИСЛЫЙ Ю. Тринадцать	23
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России.	31
В годы войны	
В предгорьях Главного Кавказского хребта	33
Как это делается "у них"	
ДРЕСВЯНИН С. Отряд "Дельта"	38
Ретроспектива	
КУЛИКОВ Е. Полководец Кутузов	42
КУЗЬМИН С. Волки преступного мира (документальное повествование, продолжение)	46
Войска и общество	
ЮДИН В. Обмануть нас можно, победить нельзя!	53
Проза. Поэзия	
Чеченские мотивы (подборка стихов)	58
ГАРВ Э. Пепел "Лоды" (приключенческая повесть, окончание)	59
КУЗЬМИЧЕВСКИЙ А. Березовый край (стихи)	72
Калейдоскоп интересов	
ГРУНТОВСКИЙ А. Русский бой удалый	73
Рыболовам и охотникам	76
Шахматный клуб	79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 011420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 26.06.1995 г. Подписано к печати 28.07.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1365 Тираж 5500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 6000 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 8000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, В-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Командующий
войсками
Сибирского округа
внутренних
войск МВД России
генерал-лейтенант
Николай НОВАК:**

“ДОСТОЙНО ИСПОЛНЯТЬ СВОЙ ДОЛГ”

— Товарищ генерал-лейтенант, без малого три года минуло с тех пор, как региональные управления внутренних войск были реорганизованы в округа. Наверное, можно уже подвести кое-какие итоги. В частности, насколько изменился стиль руководства подчиненными соединениями, частями и подразделениями? Какие позитивные сдвиги в организации жизни и деятельности личного состава произошли за это время? Или же практика выявила определенные минусы реформирования?

— Реформа наших оперативно-территориальных объединений была своевременной и необходимой. Она продиктована повышением роли внутренних войск в поддержании правопорядка, защите интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, участием военнослужащих в локализации межнациональных конфликтов, решении других задач при чрезвычайных обстоятель-

вах. В связи с этим возникла необходимость создания наиболее оптимальной структуры руководства частями и соединениями в регионах, совершенствования взаимодействия с Министерством обороны, другими силовыми ведомствами в целях обеспечения безопасности, территориальной целостности России. И накопленный за последние годы опыт, в том числе и у нас, в Сибири, дает полное основание утверждать: изменение статуса, расширение прав органов управления, повышение ответственности должностных лиц за состояние дел на порученных участках в комплексе с проведением целого ряда оргштатных мероприятий позволили добиться определенных успехов в реализации программы развития внутренних войск.

Так, разве не может не радовать тот факт, что у офицеров управления округа появилось больше возможности работать непосредственно на местах, оказывая по-

мощь командирам, специалистам различных служб, предметнее и целенаправленнее влиять на все стороны жизни и деятельности личного состава? И не только в пунктах постоянной дислокации. Наметившиеся сдвиги в стиле руководства подчиненными частями не замедлили сказаться при выполнении боевых задач, сопряженных с риском для жизни, в горячих точках страны.

В общем, есть что записать в актив.

Ну а теперь о минусах. На наш взгляд, пока не снята проблема с упорядочением структуры округа. Скажем, в краевом (областном) центре дислоцируются части двух, а то и трех соединений, что, с одной стороны, затрудняет управление ими, с другой — порождает ненужный параллелизм во взаимодействии командиров с органами УВД, ФСБ, главами администраций. Как решить эту проблему? Разумеется, учитывая предложения, созвучные концепции развития внутренних войск. Коль округ является территориальным объединением, стало быть, положенный в основу его организации принцип должен затрагивать и структуру тактических звеньев, и порядок их подчиненности.

Далее. Наши войска до сих пор продолжают выполнять функцию охраны исправительно-трудовых учреждений, и хотя сроки ее передачи ведомствам исполнения наказания, утвержденные в высоких инстанциях, что называется, поджимают, процесс этот идет с большими потугами...

— Понятно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...

— Дефицит финансов — вот вам и вся "сказка". Красноречивый пример: даже подразделения, на 90 — 100 (!) процентов укомплектованные контрактниками — а таких коллективов у нас более двадцати, — не можем перевести под крыло нового хозяина в лице СИД и СР (служба исправительных дел и социальной реабилитации). — **Ред.**

— Кстати, а каково отношение к организации служебно-боевой деятельности находящихся пока в составе округа конвойных частей? Взвизгают на них как на атавизм (с глаз долой — из сердца вон), обеспечивая по остаточному принципу? Или окружают заботой и вниманием, как в старые добрые времена?

— Несмотря на катастрофическую нехватку денежных средств, растущие как на дрожжах долги за коммунальные услуги

(счет идет на многие миллиарды рублей), командование округа делает все возможное для того, чтобы военнослужащие, занятые охраной ИТУ, в трудный период реформ не чувствовали себя пасынками рядом с войсковой, как теперь модно говорить, элитой. Их финансовое и материально-техническое снабжение осуществляется на общих основаниях с оперативными и специальными моторизованными воинскими частями. Не ослабляем внимания и к обеспечению надежной охраны объектов. По сравнению с прошлым годом значительно сократилось количество побегов осужденных — это ли не свидетельство заботы о нашем "атавизме"?

— Не менее сложная задача, вставшая ныне в полный рост перед войсками, — формирование полнокровных частей оперативного назначения на базе бывших конвойных. С каких позиций — оптимистических или пессимистических — расцениваете вы развитие этого процесса?

— Давайте исходить из того, что люди военные, настоящие патриоты Отечества, которым поручено решение задачи государственной важности, просто не имеют права поддаваться пессимистическим настроениям при столкновении с объективными трудностями. Да, процесс формирования новых частей, обладающих высокой боеготовностью и мобильностью, способных умело действовать при чрезвычайных обстоятельствах, защищая честь и достоинство граждан, идет очень непросто. При остром дефиците денежных средств проблема насаивается на проблему. Тем не менее даже в этих условиях благодаря различным формам сотрудничества с администрациями краев и областей, поддержке со стороны ГУКВВ находим ключи к решению нелегких задач структурной реформы. Поскорее бы залатать финансовые дыры, дабы прибавилось оптимизма в оценке перспектив развития новоиспеченных частей — вот о чем болит душа у офицеров округа.

— Согласитесь, Николай Васильевич: назвать конвойную часть оперативной, пусть даже в приказе, — еще не значит сделать ее таковой по сути. Для выполнения новых, не связанных с охраной колоний функций нужны подготовленные кадры. Так что подбор, расстановка, обучение, воспитание (в том числе и морально-психологической устойчивости и готовности к бою) людей — одна из узловых проблем. Что уже удалось сделать, что предстоит? Какие

вопросы из ряда многих вызывают особую сложность?

— Ответу кратко. В войсках сложилась стройная система подготовки офицерских кадров. Знания и навыки, приобретенные в училищах и академиях, совершенствуются в процессе командирской учебы, на сборах, учениях, во время обкатки в горячих командировках. Не изобретая велосипед, будем стараться эффективно использовать эти формы обучения командиров и специалистов с учетом накопленного боевого опыта.

— Наверное, ни для кого не секрет — сообщениями об этом пестрят страницы многих газет и журналов, что с началом активных боевых действий в Чечне определенная часть офицеров пожелала расстаться со службой по ряду причин. Не станем их анализировать, вольному воля. Да и говорят, что свято место пусто не бывает... Или бывает? Велики ли кадровые бреши в строю сибиряков?

— Должен с гордостью отметить: офицерский состав частей, посланных в зону боевых действий, воспринял с высокой ответственностью и пониманием проведение специальной операции по разоружению бандформирований и восстановлению конституционного порядка в Чечне. Дрогнули, проявили малодушие всего шестеро офицеров — с ними мы расстались, в войсках не место людям, которые в годину суровых испытаний, образно выражаясь, прячутся в кусты, отказываясь выполнять присягу и воинский долг.

Вместе с тем нельзя всех стричь под одну гребенку, увязывая поведенческие мотивы с чеченским кризисом. Скажем, в последнее время часть офицеров перешли в СИД и СР. И, конечно же, было бы в высшей степени несправедливо осуждать их за это, обвинять в предательстве интересов войск. Они специалисты в области охраны ИТУ, имеют опыт работы в конвойных подразделениях. И коль решили поменять ведомственную принадлежность, чтобы не расставаться с привычным делом, — в добрый путь. Ведь в принципе не суть важно, где служить Родине, важно — как.

Многие офицеры, к великому сожалению, покидают войска из-за бытовой неустроенности, низкого денежного содержания, непомерных служебных нагрузок, вызванных дефицитом кадров, особенно в ротном звене. И стройными рядами уходят в органы безопасности, охранные структуры, где их принимают с распро-

стертыми объятиями, гарантируя несопоставимые с войсковыми оклады и льготы. Как там поется в песне? "Кто-то теряет, а кто-то находит"... Обидно, досадно: теряем мы, причем лучшими — тех, кто мог бы великолепно проявить себя на ниве ратной и в боевой, и в мирной обстановке. Так что бреши в офицерском строю округа, скрывать не стану, очень велики. И о том, чтобы в ближайшее время полностью закрыть их, приходится только мечтать. Раньше, как известно, главным источником пополнения кадров были военные училища. Сегодня поступление выпускников в войска резко сократилось: пожинаем плоды разрушительной антиармейской кампании. Следовательно, надо использовать резервы на местах — свято место в строю пустовать не должно. Призыв офицеров запаса через военкоматы, подготовка лейтенантов с помощью экстерната — на этом и сосредоточены основные усилия по укомплектованию вакантных должностей. Ну и, конечно, кропотливая работа с выпускниками, оказание им всесторонней помощи в профессиональном становлении, бытоустройстве...

— Хочется верить, процесс этот будет идти по нарастающей. Какими резервами располагаете вы для решения жилищных и иных социально-бытовых вопросов, дабы надежно закрепить кадры, обеспечить офицерам прочный тыл?

— Вначале — цифры, чтобы очертить масштабы одной из наших острейших социальных проблем. На сегодня 574 семьи военнослужащих не имеют собственной крыши над головой, 616 — нуждаются в улучшении жилищных условий. В течение 1994 года и в первом квартале 95-го частями округа получено 1511 квадратных метров жилья — 26 квартир. Нетрудно посчитать, в каком году следующего века отпразднуют новоселье офицеры и прапорщики, замыкающие списки очередников, если такие темпы сохранятся и впредь.

А теперь оптимистическая нота: недавно в округе сформировано отделение капитального строительства с правами заказчика. Это позволит нам решать жилищный вопрос собственными силами, хватило б только денег. От выделяемых средств будет зависеть также возможность закупки квартир, участия в долевым строительстве...

— Вы говорите о перспективе, Николай Васильевич. А хотелось бы узнать, что можно сделать уже сегодня для со-

кращения списка, извините за выражение, бомжей в погонах.

— В соединениях и частях изыскиваются возможности для создания общежитий и гостиниц. Эта мера, конечно же, не панацея от всех бед, порожденных бытовой неустроенностью людей, но, согласитесь, она хоть в какой-то степени снимает остроту жилищной проблемы.

— Бесспорно, главный войсковой капитал — кадры. Однако боееспособные мобильные части — это не только люди, это и техника, и вооружение, и оснащение, и обеспечение, адекватные стоящим перед личным составом новым служебно-боевым задачам. Прочно ли, на ваш взгляд, материальная база реорганизованных частей? Есть ли все необходимое для плодотворной учебы и успешной боевой работы? Что еще планируется сделать в ближайшее время?

— Очень серьезный и, поверьте, глубоко волнующий наших офицеров вопрос. Действительно, без адекватного, как вы говорите, материального обеспечения служебно-боевой деятельности просто немыслимо нормальное функционирование вновь формируемых частей оперативного назначения. Необходимо укомплектовать их современной техникой, средствами ремонта и обслуживания, реконструировать учебно-материальную и складскую базу.

По всем этим направлениям идет напряженная работа. Приводится в готовность к выполнению боевых задач получаемая с баз Сибирского военного округа бронетехника. Строится склад вооружения. Решен вопрос об использовании армейских учебных объектов для всесторонней подготовки личного состава. Нарастиваем усилия и по совершенствованию собственной базы. Короче говоря, и командиры, и должностные лица органов управления трудятся не покладая рук, заботясь об оснащении воинских коллективов всем необходимым.

— Товарищ генерал-лейтенант, мне кажется, укомплектовать подразделения людьми и получить боевую технику и оружие — это полдела. А как и где разместить личный состав согласно уставным канонам, ведь большую часть военных городков мы потеряли, как наладить быт военнослужащих, как оборудовать хорошие парки для автобронетехники при хронической нехватке финансовых средств?

— Действительно, пятнадцать военных городков передано СИД и СР. Они числились на балансе ИТК, и мы, освободившись от функции охраны, вернули их законным владельцам. Но жалеть об этом не стоит, так как все "конвойные" городки были рассчитаны на размещение малочисленных удаленных друг от друга подразделений и для расквартирования оперативных частей, которые должны дислоцироваться в пределах гарнизонов, не приспособлены.

Учитывая новые потребности, продиктованные структурной реформой, войска нашего округа приобрели пять городков, принадлежавших ранее армейцам и военным строителям. Но беда в том, что все они находятся в плачевном состоянии, поскольку длительное время не эксплуатировались. Только в один городок нужно вложить около двух миллиардов рублей для приведения его в надлежащий порядок: отремонтировать размороженную систему отопления, построить автопарк, подновить складские помещения и т.д.

Естественно, ремонтом проблема не ограничивается. Впереди — колоссальный объем работы по расширению военных городков оперативных частей, обеспечению нормального бытоустройства личного состава. Отделение капитального строительства уже начинает вплотную заниматься ликвидацией болевых точек на основе плана, рассчитанного до 2005 года с учетом концепции развития внутренних войск. Ну а что касается дефицита финансовых средств, то это не является непреодолимым препятствием для реализации намеченного. Будем поддерживать режим строгой экономии, обращаться за помощью к главам местных администраций и хозяйственным руководителям, использовать другие возможности, чтобы выйти из трудной ситуации. Безвыходных положений не существует. Было бы желание работать. Да и, надеюсь, проблема с финансированием войск в конце концов отойдет в область горьких воспоминаний. Нельзя бесконечно испытывать терпение военных. Люди, честно, мужественно исполняющие свой долг, нередко рискуя здоровьем и жизнью, вправе рассчитывать на ответную заботу государства.

— Товарищ генерал-лейтенант, какие выводы сделали руководство округа и лично вы из боевых действий ваших подчиненных на Кавказе?

— Вывод один: нужна качественная подготовка личного состава к выполнению служебно-боевых задач в экстремальных

условиях. Находясь в Чечне, воины специальных моторизованных частей прошли суровую ратную школу. Им пришлось действовать в непривычной обстановке, используя бронетехнику, различные виды стрелкового и противотанкового оружия, защищать мирных жителей от бандитов, ставить заслон проникновению на охраняемую территорию оружия и боеприпасов, проводить разведывательно-поисковые мероприятия. Солдаты и многие офицеры такую боевую работу выполняли впервые, и кое-чему жизнь заставила их поучиться непосредственно в зоне особого внимания: все ж таки патрульно-постовая служба на улицах мирных городов и действия подразделений на войне (будем называть вещи своими именами) — что небо и земля. Приобретенный опыт помог извлечь серьезные уроки и командованию округа.

Если говорить более конкретно, то фронтовая обстановка еще раз привлекла внимание к вопросу о технической оснащенности специальных моторизованных и оперативных частей. Для выполнения задач в нештатных ситуациях надо иметь достаточное количество вооружения, колесных, а при необходимости, и гусеничных бронесредств, приборов ночного видения, переносных инженерных заграждений. Само собой разумеется, техника, оружие должны находиться в надежных руках, отсюда логически вытекает требование о повышении результативности боевой учебы на зимних квартирах, строгом соблюдении мер безопасности на стрельбищах, полигонах и при несении службы. С другой стороны, необходимо больше внимания уделять физической и морально-психологической подготовке военнослужащих, воспитанию у них высоких волевых и нравственных качеств. Победа в бою, успех в спецоперации зависят не только от тактического мастерства командиров, умелого применения оружия личным составом; важнейшую роль играет также духовный фактор — старая истина, которая с новой силой напомнила о себе во время пребывания наших воинов на территории Чеченской Республики.

— Подводя итоги года минувшего, командующий внутренними войсками России отметил, что в Сибирском округе пока еще низок уровень подготовки командиров подразделений, и потребовал (цитирую) “сосредоточить основные усилия на формировании у офицеров-руководителей... высокой требовательности к подчиненным, ува-

жения их достоинства, соблюдения морально-этических норм во взаимоотношениях”. Прошло более полугода. Скажите, пожалуйста, что уже сделано в округе по реализации указания командующего?

— Да, такая задача есть, и поставлена она перед нами вполне обоснованно, так как в работе по воспитанию руководящих офицерских кадров имеются еще недостатки и упущения. Мы это осознаем, понимаем и делаем все необходимое для того, чтобы командир, офицер-руководитель был высокопрофессиональным военным человеком, пользовался уважением подчиненных. По данному вопросу состоялся предметный, обстоятельный разговор на заседании военного совета округа и научно-практической конференции “Проблемы и пути совершенствования профессиональных навыков, морально-психологических и нравственных качеств офицеров”, материалы которых легли в основу плана работы по повышению авторитета офицерских кадров, формированию у них чести и достоинства, верности долгу.

В целях совершенствования стиля, качества руководства практикуем регулярные заслушивания командиров соединений и частей на совещаниях командования и заседаниях военного совета округа. Используем такие формы воздействия, как обращения к руководящим кадрам, направление писем отдельным командирам. Повышением контроля, спроса за осуществление предъявленных требований, конкретной индивидуальной работой помогаем многим избавиться от недостатков, подрывающих авторитет офицера-руководителя.

Думаю, что так будет продолжаться и впредь.

— Товарищ генерал-лейтенант, что бы вы хотели пожелать своим подчиненным в это беспокойное, жаркое время, когда реформирование войск идет параллельно с выполнением сложнейших миротворческих функций в горячих точках страны?

— Не прельщаясь ложными ценностями, дорожить званием военнослужащего, наперекор трудностям достойно исполнять свой долг. Больше терпения и выдержки!

Вела беседу
прапорщик Евг. БУТОРИНА.

Фото Р. КАРАПЕТЯНА.

Специально для журнала “На боевом посту”.

29

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА, или

ЦЕНА ВЫСОТЫ

541,9

Бои в Чечне: ощущения и размышления

“**К** машине!” — приговорно-непре-
рекаемая команда прошибла броню. Под-
чиняемся нашему ротному, белобрысому
взъерошенному лейтенанту Володе Не-
свиту. Сначала надо перешагнуть через
толкающееся в бронезилете неровное
сердце. Потом пролезть в верхний люк —
удобный боковой, с подножкой-трапом,
открывать-закрывать нет времени. Подо-
шва ботинок еще не погрузилась в пыль
горной дороги, когда по каске, плечам и
спине прошуршали серо-коричневые
комья обожженной земли. “Сюда!” — Ка-
питан Игорь Демкин дернул за рукав, мот-
нул головой вправо. Обегая спереди наш
254-й, который тут же уходит из-под огня
вниз. В несколько скачков сбежав с доро-
ги, падаем в воронку. Горячая язва на теле
высоты — метр в диаметре и с полметра
глубиной. Свернулись улиткой. Отдыша-
лись. Можно высунуть усы, взглядеться на
несколько ближайших мгновений в буду-

щее. Солнечную перспективу то и дело
завешивала дымно-пыльная пелена. В
промежутке между взрывами все же реши-
ли оптимистически-справедливо, что вы-
брали убежище хоть и тесное, но на сей
момент самое надежное. Всякий, даже из
штатских, знает, что снаряд не попадает
дважды в одну точку.

Бойцы нашего третьего батальона рас-
сыпаны по высоте: вдоль дороги, по ее
обочинам и закраинам “зеленки”. Метрах
в пяти из травы торчит “сфера”. “Эй, друг,
ползи сюда!” У пулеметчика на шее кровь
— осколочек содрал кожу, второй вспорол
матерчатый чехол титанового шлема, тре-
тий чиркнул по бронированной спине ка-
питана. Боец большой, втроем в воронке
стало совсем тесно. Но в тесноте, как из-
вестно, не в обиде. Тем более что “оби-
жаться” можно было лишь на противника,
который мочил по высоте из минометов.

Впрочем, наши тоже не дремали, направили танковый хобот куда надо, пару раз он плюнул в сторону бандитских позиций. Минометы дудаевцев замолчали. Отдышавшись, взвешиваем на ладони горячие осколки. На сувениры они не годятся — тяжелые и колючие, в кармане не потаскаешь.

Стихло. После минометной "мочилки" дальняя автоматная трескотня волновала не очень. Из близкой "зеленки" умиротворяюще щебечут птички. Совсем успокоились, увидев торчащий из "зеленки" камуфлированный нос бэтра: с красного кругляша на нас прыгала родная пантера. Можно вылезать из теплой воронки. А вот и наш комбат-3 майор Кубышкин — всклокоченный и запыленный, будто коротенькой шпажкой, тычет антенной радиостанции то в одну, то в другую сторону, собирая технику и людей на высоте. Окончен бой...

Было жарко. Очень. Солнце палило всюду, а воронки еще дымились. Полк занимает указанный район. Бойцы перекуривают на опушке леса, наслаждаясь короткой передышкой перед самой противной работой — предстояло в который раз братья за лопаты и окапываться...

Осматриваем оставленные боевиками позиции: аккуратная глубокая яма, только только отрытая под укрытие, ящики с про-

тивотанковыми минами, боеприпасами для 82-миллиметрового миномета, подготовленными к ведению огня... Брошенный на землю хлеб, винтовочные патроны калибра 7,62, солдатские ботинки. На окровавленной рубашке одного из бандитов рассыпаны игральные карты — их короли и тузы сегодня биты. У нас безвозвратных потерь сегодня нет. Ранено четверо: рядовой Евгений Старостин — огнестрельный перелом бедра, рядовой Алексей Головин — то же самое, рядовой Сергей Гутиков — ранение грудной клетки и перелом правой ключицы, лейтенант Андрей Волошин — слепое осколочное ранение левого плеча. Эх, Андрюха, в ночь перед боем чаевничали мы с тобой при свете керосиновой лампы, и балагурил ты беззаботно, не подзревая, что наутро придется заскрипеть зубами не столько от боли, сколько от досады — дурацкий этот осколок вывел из строя, когда нужно было командовать ротой!

Бойцы отряда "Витязь" везут на броне завернутое в одеяло тело — три дня назад на этой высоте погиб в бою авианаводчик капитан Иван Зотин. Это везут его, истекшего кровью, с почерплым неузнаваемым лицом...

Мы возвращаемся на базу, ощутив взятие высоты, увидев ее — совсем не высокая, так себе, сопка, перекрещенная нака-

танными дорогами вдоль и поперек. Везем с собой непроявленные еще черно-белые пленки, нерасшифрованные еще пыльно-хриплые диктофонные записи. Везем тело погибшего капитана, еще незацинкованное. Разворачиваю его карту, которую надо передать в штаб, и вижу карандашный абрис вокруг черной точки с цифрами 541,9. Капитан разве думал, что отметит на карте последнюю точку в своей жизни? Его цена высоты...

Не успели умыться и откашлять пыльно-табачный нагар, как пришлось встречать еще двух "двухсотых" из нашего полка. На носилках у медсанбата — человеческих размеров и очертаний обугленная головешка и труп русоволосого парня, к которому приложена оторванная по плечо горевшая рука. На перепачканном кровью и гарью мертвом лице — безмятежность, смирение. В КамАЗ с боеприпасами попала граната, пущенная из АГС, из "зеленки", куда ушли выбитые со своего опорного пункта бандиты. Кольнула мысль о том, что вчера вечером мы ехали в расположение полка именно в кабине КамАЗа с боеприпасами. Радовались комфорту, разглядывали окрестности, шутили. А теперь в блокноте появляются еще две фамилии: младший сержант Михалев, рядовой Курилкин. Страшный счет — цена высоты...

Три дня назад генерал Свиридов нас туда не пустил. Кто-то из главковских офицеров, хорошо знавший генерала по боевым командировкам, говорил мне об обостренном чутье Вячеслава Викторовича, выработанном годами кавказских вой! "Вот скажет, что не надо направлять колонну по этому маршруту, и точно — обнаружим там засаду. Скажет, что обстрел будет в пять-шесть часов, и непременно в полшестого начнут мочить". Мы прилетели с генералом в его тактическую группировку на востоке вечером накануне планируемой операции. В завтрашний бой идти он нам не разрешил, сказав по-товарищески мягко, совсем не в командирском тоне: "Там много неясного. Может быть слишком круто для журналистов. Оглянитесь сначала, вращайте в обстановку. Завтра советую быть со мной на КП. А новоявиться еще успеете". С генералом, хоть он и старый добрый знакомый, не очень-то поспоришь. Вот и пришлось, прежде чем подняться в боевых порядках войск на высоту с отметкой 541,9, наблюдать ее в окуляр стереотрубы и отслеживать ход боя по радиопереговорам, по командам, по репликам-комментариям.

Разбудили нас в полчетвертого. Но первые строки в блокноте появились в шесть:

"Авиация, которая должна работать с 4.00, ожидается в 6.15 — 6.30. Наш КП на вы-

ступе границы между Дагестаном и Чечней. Граница по р.Аксай. Прямо перед нами село Ишхой-Юрт. Бандиты "работают" ночью, днем отсыпаются в селе. Их силы: 4 танка, 3 БМП, артиллерия (наводчик якобы майор — либо пленный, либо наемник). Здесь погибла разведка бригады оперативного назначения ВВ, здесь же попала в засаду разведка одного из полков ОДОНа. С Гудермесского хребта была атакована вчера и колонна того же полка...

9.50. Ждем авиацию.

10.20. Отработали ракетами по "зеленке" — "отлично", по зеленому "языку". Генералы довольны. Ждут еще пару "Грачей". Потом начнет артиллерия. Из леса вышел один мужик.

10.50. По хребту отработала еще одна пара. "Артиллерия, к бою!"

11.00. Артподготовка: залп "Града", потом САУ. Одна внеплановая цель — наблюдательный пункт боевиков на хребте. Комдив дает своим команду: "Вперед!".

Там, на склонах хребта, уже шел бой. Не учебный, самый настоящий, который запротолировать никак невозможно, ведь не посадишь наблюдателя-хронометриста у каждого бойца и командира, не проследишь за каждой перебежкой и переползанием своих и чужих, не увидишь все траектории, по которым летят над высотой пули, гранаты, снаряды. Тем более не

поставишь датчик под бронезиловым воюющего бойца, не снимешь запись с мозга-компьютера командира...

"13.26."Бронированную группу — к лесу! 85-й — к 86-му!" Подбита БМП. Отряд могут окружить. Обнаружили опорный пункт бандитов.

13.55. Пытаемся отсечь артиллерией бандитов. Боимся ударить по своим."Дальше 500! Нет, дальше 600!"

14.13. У буровой вышки на гребне хребта замечен танк, его закапывают — готовятся к стрельбе. "Надо бы ударить "Градом", — говорит комдив,— а то по нам звезданут".

14.34. У вышки скопление бронетехники — накрываем артиллерией. 86-й встретил группу боевиков.

16.00. Комдив принимает доклад:"Четверо убитых, восемь раненых.Одного недосчитались, якобы его, раненого авианаводчика, грузили в БТР..."

Рачштаба отряда "Витязь" отпустил за долгий чеченский поход окладистую бороду. Сбрил ее сразу после того самого боя, где потерял четверых своих братишек. Почему решил побриться впервые за многие месяцы? Чтобы избавиться от еще одного напоминания о Чечне? Чтобы разделить свою затянувшуюся командировку на "до высоты 541,9" и "после

высоты"? Не знаю. У спецназа свои приемы, свои традиции, свой взгляд буквально на все. Мы беседовали с подполковником, склонившись над картой, он подытожил рассказ, начатый восьмеркой своих бойцов-контрактников. Те поначалу были железно-сдержанны, но потом их позавчерашние воспоминания, свежие, кровоточащие, еще не зажившие, стали бить автоматными очередями и взрывами гранат: "Там дорога, поле и вокруг лес. И слева от меня дорога шла наверх в лес. Послали посмотреть, дорога куда выходит. Пошли. Мои заметили там одного сначала, потом еще трех. Выстрелы начались. Мне команду дали к ним выдвигаться. И здесь, как раз с моей стороны, я только начал выдвигаться, с моей стороны БТР подбили. Я поехал. Если б я не поехал, меня б убили. Вот. Еду, еду, смотрю — справа три человека бегут. Я: "Ага, влипли!" Начал их обстреливать. Они из РПГ ответили в нас. Ну ладно! Мы все прыгнули, а там, до той бээмпэшки метров тридцать, наверное, осталось. Я говорю: "Ты давай, туда наверх". Это я "рулю" своему говорю. Мы — к своим пацанам: "Че случилось?". Они: "Да вон они, там, с трех сторон". Ну ладно! Сначала все в одну сторону ушли, сначала слева сразу же отстрелялись. Теперь, думаем, не подойдут. Давай справа теперь работать будем — там их много было, там у них БТР был, СПГ были... Потом из СПГ нас чуть

не накрыли. Два выстрела сделали: один — недолет, а другой — перелет. Я говорю: "Третий точно будет, давайте че-то делать!". И не мог сказать команду, чтобы бээмпэшка уезжала, потому что у меня под гусеницами... Несли и не успели донести, легли все там, выстрелы начались, чуть-чуть осталось, как раз под гусеницами. Бээмпэшка стояла. "Руль" говорит: "Мне надо ехать!" Я говорю: "Подожди, сейчас мы закинем всех". Вот. Потом забросили как-то, наконец-то. И бээмпэшка ушла. Потом пацаны все пришли, помогли нам и ушли все нормально".

"У меня ровно два года службы, еще год остался. Завтра домой собрался ехать — настрелялся, хватит уже. Уже не "прикалывается" стрелять. Мы из автоматов, они — из "граников" нас. Мы — из "граников", они — из СПГ. А у нас нету СПГ-то! Надоело все уже. Отдохнуть надо съездить. Навидался, как выстрелы бьют: как косой — шух, шух, шух! Трава, так вообще, красиво так горит. Когда отходили, гранатометчик впереди сидел, а я его не видел. Стрельнул, короче, из гранатомета, и волна пошла назад. Деревяшка какая-то мне прямо в лобешник прилетела".

Контрактник Андрей смеется, подкидывает мне совсем уж скоморошистую концовку нашей беседы: "С сентября месяца здесь уже, в командировке. Нормально так, весело. Дураками маленько уже все

стали, но ничего, все смеются. На бэтре едешь и орешь. Посмотреть нормальному со стороны, так, наверное, все дураки здесь. Вот так".

Кто из наших солдат ли, офицеров ли, а то и генералов не бросал в сердцах хотя бы однажды: "На этой войне точно дураком станешь!" Но нет, эти ребята далеко не глупы.

Суровый энша, он же врио командира "Витязя", оценил контрактника Андрюху совсем по-другому: "...А танком стрелять не стал, потому что не знал, где еще наши. В этот момент Андрей, умница он у меня, конечно, так вот он в этот момент... Я говорю, это кульминация всего боя была. Нам было бы гораздо хуже, если бы не эта его одна фраза. Он говорит: "Все, командир, мы сосредоточились в левой "зеленке", будем отходить по ней". Ну мне тогда проще — и танк начал лупить по правой "зеленке". Довольно плотно начал, а их тут много было. Он подавил ряд огневых точек, потому что по нему СПГ начал уже бить".

Подполковник водил карандашом по карте, приближаясь отточенным грифелем к высоте с отметкой 541,9, за которую войска уже расплачивались кровью, но которая еще оставалась в руках дудаевских боевиков.

"По замыслу полк должен был тремя батальонами занять три высоты. Для того, чтобы он занял их без проблем, нужно было прикрыть правый фланг, потому что

вот здесь идет Гудермесский хребет, где сосредоточена значительная группировка противника. А ниже здесь Аллерой, Центорой, где тоже группировка... Задумка-то была у нас все сделать на рассвете — элемент внезапности для противника. Один батальон должен был сесть на высоту в пять утра, а мы должны были сесть в 5.40 сюда. А мы начали движение только в одиннадцать. Потому что, видите ли, авиаторы самостоятельно перенесли своим решением авиационный удар с четырех на шесть, потом с шести — на восемь, с восьми — на одиннадцать и так далее, и тому подобное. Эффективность от этого удара — ноль! Я ее лично наблюдал — ни одной воронки, хотя они там должны были все сровнять с землей. Ковровое бомбометание называется, будь оно неладно!"

Злополучную высоту предстояло брать завтра. В сумерках накануне мы "внедряемся" в офицерский коллектив одного из полков ОДОНа, где, к радости и удивлению моему, обнаруживаем кучу старых знакомых из... Владикавказского училища внутренних войск. Двадцать три человека воюют в Чечне в качестве командиров и самых разных замов. Штатные либо выбиты, либо на отдыхе. Войска латают прорехи за счет училищных офицеров. Владикавказцы (да не обидятся на меня питерцы, новосибирцы, пермяки и саратовцы — и о них расскажем) варятся

в кавказском котле давно, а потому в большинстве своем народ опытный, из теоретиков разных наук стали уже фронтовиками-практиками, многие мужики храбры до бесшабашности, что иногда порицается генералами, но всегда одобряется солдатами. В полках, батальонах, ротах их признают своими после первых же серьезных переделок.

Сели за ужин с молодыми офицерами третьего батальона, а комбат майор Евгений Кубышкин отправился на получение задачи. Сидим в недостроенном саманном доме, на чердаке которого еще недавно было гнездо снайпера-чеченца, травим байки на военно-полевую тему. "Я в Москву приехал в отпуск, — рассказывает один, — смотрю, что-то не то. Потом дошло — е-мое, свет в домах горит!" Второй лейтенант: "А я еду с женой в автобусе, он встал под светофором, а я "рулю" уже хотел кричать: "Ну че стоишь? Вон, по "зеленке" справа объезжай!" Это я цветничок свободный увидел". Вот такой у нас юмор цвета хаки...

Вернулся комбат. Шутки в сторону вместе с чайными чашками. На столе, освещенном керосиновой лампой, разложена карта. Майор чертит на бумаге боевой порядок своего батальона, разясняя, где пойдет приданный "танчок", как должна маневрировать каждая "коробочка". Кубышкин — штатный замкомбата по работе с личным составом, по-старому замполит. Вот она, думаю, нынешняя политработа

офицера внутренних войск в Чечне. Учимся воевать. Завтра предстоит конкретный общевойсковой бой за конкретную высоту, хоть напридумывали малопонятных формулировок вроде "разоружение незаконных вооруженных формирований" или "операция по установлению конституционного строя". В формулировках — сплошь туманная политика, в жизни — война, которая для военных должна быть всегда и вполне конкретной: вот противник, вот рубежи, которые надо занять, вот силы и средства. Командуйте, командиры!

Забегая вперед, скажем, что майор Кубышкин окажется на высоте и в прямом, и в переносном смысле. А ведь были и другие примеры. Однажды колонна одного из полков попала в засаду дудаевцев. Один из комбатов только и сообщил по станции: "Принимаю бой!". Потом похвастал: "Я так стрелял, что ствол автомата раскалился, даже руки обжег". Но вместо похвалы услышал от командира полка прямое и злое: "Ты лучше б голову свою обжег, чтоб лучше соображать. Твое дело в бою — людьми руководить".

В тот день каждый командир руководил своими людьми расчетливо, грамотно, напористо. Командирская умная энергия, строго дозированно разливаясь, невидимая глазу, в боевых порядках наступающего войска, питала каждого, как аккумулятор, свежезаряженный за ночь на короткий промежуток — на часы и минуты боя.

Вопрос еще в том, чтобы не дали утечки этой энергии "переходники" между звеньями: КП тактической группировки — дивизия — полк — батальон — рота — взвод — отделение — солдат. А еще "отводы" к приданным танкистам, артиллеристам, которые рядом, к авиации, которая то за горами, то за облаками. Три дня назад, когда пошли "витязи" на высоту, растеклась войсковая энергия по склонам Гудермесского хребта, кровью наших бойцов ушла в горячую землю.

События сегодняшние, с рассвета до полудня, можно сжать до размеров двухстороннего донесения, похожего на пружину, которую войска держали в нечеловеческом усилии мышц, сухожилий, воли и отваги. А потом пружина разжалась и ударила:

"С 4.45 до 4.56 согласно плану по опорным пунктам противника нанесены удары фронтовой авиации.

С 5.00 до 5.33 артиллерией ОДОНа проведена артподготовка атаки.

В 5.35 бронегруппа N1 начала выдвижение по намеченному маршруту. В районе МТФ бронегруппа была обстреляна группой боевиков до 10 человек из стрелкового оружия.

В 6.10 в районе полевой дороги бронегруппа вышла на минное поле.

В 6.38 фронтовая авиация нанесла удар по выявленным разведкой объектам противника в районе лесного массива.

С 6.45 бронегруппа приступила к эвакуации раненых.

В 7.36 дивизионная артиллерия подавила выявленного разведкой противника в районе опушки леса.

В 7.50 в районе высоты с отм. 541,9 нанесен удар по передвигающемуся противнику на северных скатах высоты.

С 8.00 бронегруппа N2 приступила к разведке маршрута выдвижения.

В 8.30 наблюдателями бронегруппы N1 обнаружена база боевиков в районе лесного массива. С 8.33 до 8.38 по базе нанесен удар артиллерии.

В 8.40 бронегруппа N1 приступила к разминированию минного поля. Саперами БГ N1 обезврежено около 30 мин.

В 9.35 дивизионная артиллерия нанесла удар в интересах наступающей на аллейском направлении бригады оперативного назначения ВВ.

В 9.58 БГ N2 захватила ОП противника на высоте с отм. 541,9. Противник покинул ОП после короткого огневого сопротивления. Командир БГ N2 приступил к разведке местности в районе ОП противника и организации круговой обороны. БГ N1 обстреляна группой боевиков до 15 человек из стрелкового оружия.

В 10.10 командир ОДОНа приказал командиру БГ N1 переместиться на высоту с отм. 541,9 по маршруту выдвижения БГ N2. В 11.00 бронегруппа N1 вышла на высоту с отм. 541,9. С целью пресечь выдвижение резервов противника из района н.п. Ножай-Юрт, Балансу в направлении высоты с отм. 541,9 с 11.15 до 11.20 фронтовая авиация нанесла удары по маршрутам их движения.

В 11.30 противник обстрелял из минометов бронегруппы N1,2 из района лесного массива. Потерь в личном составе и бронетехнике не понесли.

В 11.40 артиллерия дивизии сосредоточенным огнем подавила минометы противника.

На высоте с отм. 541,9 было найдено тело авианаводчика капитана Зотина Ивана Александровича, погибшего в бою за высоту 24.05.95 г."

"Мораторий" в переводе с латыни означает "замедление". Замедление войны однозначно сыграло на руку боевикам Дудаева. Наши войска, при всей недостаточности их вооружения и снабжения (это только кликушествующие умники называют их "упакованными и откормленными полками ВВ"), накопили изрядный боевой опыт и набрали хороший темп в занятии важных стратегических и тактических позиций. И вдруг — мораторий. "Не стрелять! Стоять!"

На Гудермесский хребет подтянулись спецназовцы департамента госбезопасности дудаевской Чечни, отряд Гелисханова, батальон Шамиля Басаева. Диверсионно-террористические группы стали совершать нападения на колонны, двигавшиеся по магистральной дороге. В Ножай-Юртовском районе насчитывалось до двух тысяч боевиков. На вооружении они имели 10-15 ПЗРК для поражения воздушных целей, около десятка 85-мм орудий, минометы, около 30 единиц бронетехники (танков насчитали 7-8 единиц, то есть столько же, сколько было придано войсковой группировке), были зенитные установки, пулеметы ДШК. Генерал, прекрасно знающий здешний расклад сил, отметил особо, что и "людской материал" чеченцев был подготовлен посильнее нашего — их тридцатилетние мужики прошли Абхазию, Карабах, Приднестровье. Они и не скрывали, что в состоянии "работать". Взабдывали себя и идеей газавата, и долларами, и наркотиками (один из местных жителей сказал военным, что Гудермесский хребет до осени бандиты не отдадут. По-

чему до осени? Да потому что с плантациями опиумного мака надо урожай собрать). Образчик же пропаганды и агитации дудаевцев мы видели в числе трофеев, взятых на бандитской базе — на зеленом флаге был пришит клочок бумаги с надписью, которую привожу дословно: "Российские салдаты и наемники стали накалены перед Чиченскими Баевиками. грачев эта скотник а ельцин пастух. Вы не можете никогда заваевать Чечню. патамушто вы трусы и слабаки перед Чеченскими Баевиками. АПЛАХУ АКБАР". В общем, когда было принято решение о проведении специальной операции, фактически мы имели перед собой хорошо подготовленную оборону. Операция по взятию высоты 541,9 показала, по признанию генерала, что противника мы несколько недооценили. Но все же далеко не слабаками проявили себя бойцы внутренних войск, а командиры, действуя нестандартно, перехитрили противника, который отошел, понеся потери. Ключевая высота осталась за войсками, что позволило взять под контроль одно из важных направлений на Гудермесском хребте.

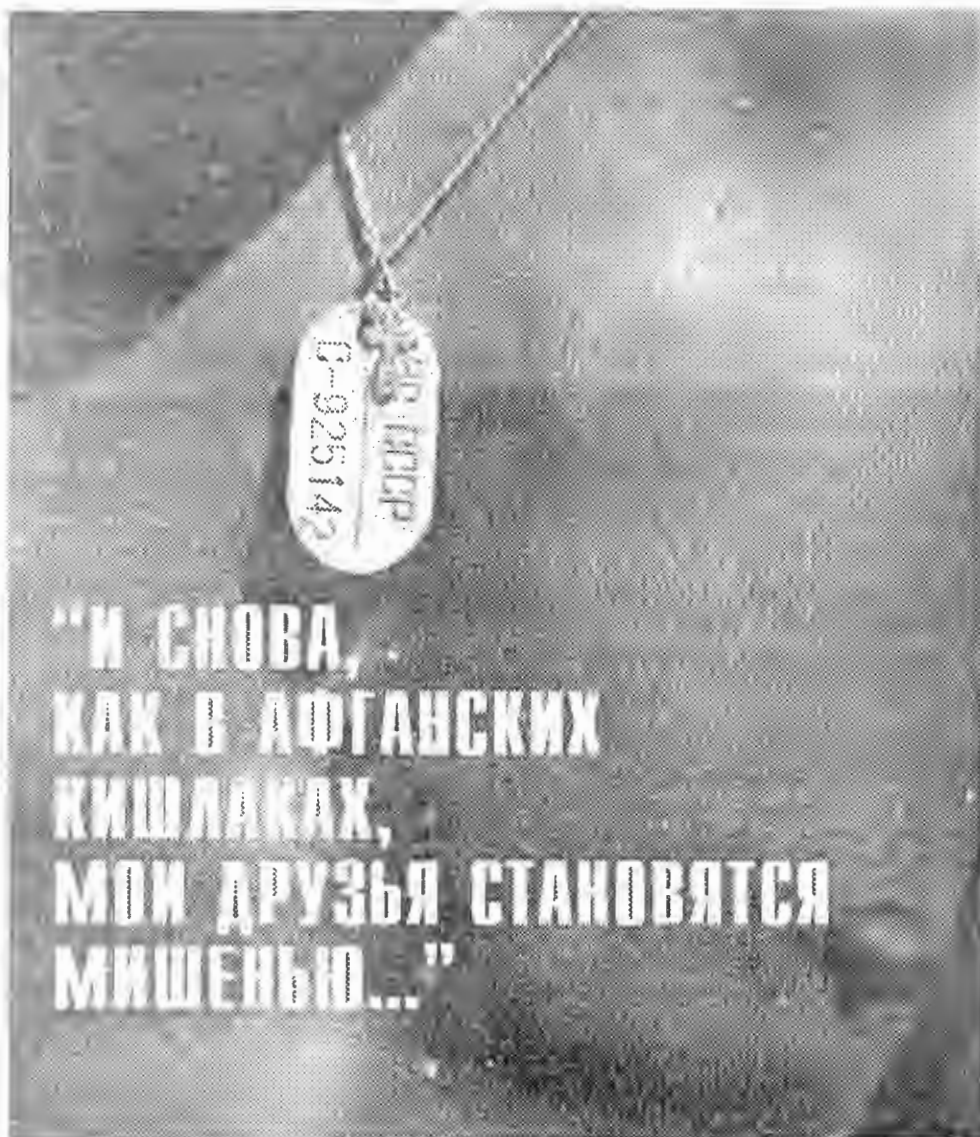
“Орогой ценой досталась нам эта высота...” — генерал Свиридов крепко мял в больших кулаках свой камуфлированный берет и смотрел мимо палаток в сторону высоты, в которую вгрызлись его бойцы, брошенные туда вчера пружиной боя. Через час нам с генералом предстояло лететь на запад. Сидим на затянутом маскировочной сеткой земляном капонири, говорим о событиях на "восточном фронте" чеченской войны. Чувствую, что внутренняя пружина в моем собеседнике еще не разжалась, что он страшно устал на этой войне. Устал платить по чужим счетам...

Вчера около полудня, когда комбат-3 собрал своих бойцов и командиров на опушке леса у занятого опорного пункта противника, каждый вспоминал самые-самые моменты боя. Смеясь, лейтенант рассказывал: "Смотрю, боец лежит под обстрелом и ягоды ест — на земляничную поляну попали. Я ему говорю: как бы живот не расстроился, ягода-то еще неспелая". Он в ответ: "Живы будем — не помрем. А ягода вкусная уже".

Полковник Б.КАРПОВ.

Фото О.СМИРНОВА.

Чечня. Восточная группировка.

“И СНОВА,
КАК В АФГАНСКИХ
КИШЛЯКАХ,
МОИ ДРУЗЬЯ СТАНОВЯТСЯ
МИШЕНЬЮ...”

*Мы братьев теряли, мы там сиротели
Без лучших друзей.
Нас плавило солнце, а мы каменели
От боли своей.
Мы в цинк одевали безусых мальчишек,
В трофейный мундир,
И плакал беззвучно над каждым
погибшим*

*Седой командир.
Кто видел, как плачут от горя мужчины,
Без стонов и слез,
Поймет, как достались нам наши седины
И третий наш тост...*

Марианна ЗАХАРОВА.

Жизнь и смерть в одной упряжке

Война беспощадна. Ко всем. Каленый металл не разбирает, сколько у вас звездочек на погонах. И какого они калибра. Жалит, проникает в тело так, чтобы скальпель самого искусного хирурга не помог, будто спешит остыть и успокоиться навеки вместе со своей жертвой в матушке-земле...

Вот и генералу досталось крепко: осколки мины впелись в голову, плечо, руку,

Некоторые фамилии в материале изменены.

живот. И все-таки ему повезло: чудом остался в живых. Смерть выбрала других — старшего сержанта Олега Филатова и рядового Николая Плаксу. Олешка от той проклятой шальной мины, выпущенной из чеченской "базуки", скончался на месте. Коля же, стоявший на посту у генеральской "кашээмки", еще дышал, когда его несли к медицинской палатке.

В темноте кто-то осветил солдата фонариком. И сразу бросились в глаза две небольшие кровавые ранки на левой стороне груди. Надо же, осколки на этом не самом маленьком теле выбрали именно сердечко. Где-то глубоко в сознании понимая, что парень — уже не жилец, так захотелось обмануться, поверить: он обязательно выкарабкается. Помочь хотя бы надеждой... Надежда умерла, когда через две-три минуты его тело вынесли из палатки. На медицинском языке такие ранения называются несовместимыми с жизнью. В этот момент меня неожиданно посетила страшная в своей безысходности мысль: мальчики только что покинули этот неласковый мир, а их мамы думают, вспоминают о сыновьях как о живых, молят Бога, чтоб невредимыми вернулись из чеченского пекла... Или все-таки материнское сердце не обманешь? Сожмется, затрепещет от боли, уколотое тяжким предчувствием?

Носилки отставили в сторону, накрыли чем-то голову. Времени оплакивать мертвых не было, все усилия медиков сосредоточились на уцелевшем генерале. Иван Григорьевич Чернышов только накануне принял командование Западной группировкой, а сейчас, окровавленный, с надеждой отдал свою жизнь в руки врачей.

Его быстро перевязали, утолили боль промедолом. На вертолетной площадке уже раскрутила винты дежурная "вертушка". Тусклые фары "таблетки" облили светом бойца, упавшего на колени перед Колькиным телом. Парень гладил трясущимися руками лицо друга, сдавленно-глухо рыдал.

Вместе с майором медицинской службы Александром Хмелевским погрузили носилки с раненым на борт Ми-8. "Вертушка" взяла курс на Владикавказ...

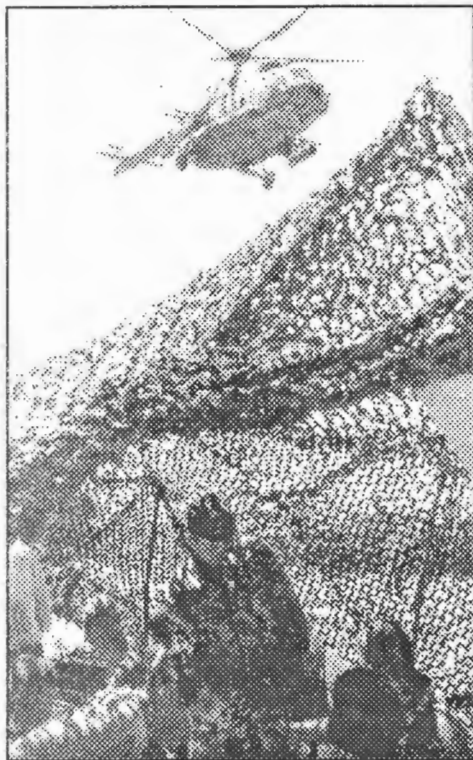
"Глаза на веревочках"

Когда еще в первый день командировки летел вертолетом на "западный фронт", решил: обязательно напишу о героическом — не боюсь этого слова — труде летчиков на войне. И вот случай представился.

Авиагруппа внутренних войск, базирующаяся на территории Северной Осетии, только в течение двадцати суток совершила 393 боевых вылета, перебросила по воздуху около полутора тысяч военнослужащих, доставила в район боевых действий более 54 тонн грузов. Пилоты вывезли с передовой 80 раненых и 10 убитых.

— Готов низко поклониться своим ребятам за их труд, — скажет мне позднее командир группы подполковник Виктор Артемов, которого подчиненные ласково-уважительно величают Пальчем. — Полеты здесь очень опасные. А большинство наших летных законов писаны для мирного времени. Кто предполагал, например, что летать придется на высотах в 5-10 метров, на предельной скорости уворачиваясь от линий электропередачи и птиц, проскальзывая впритирку между холмами? "Вертушка" идет вся нараспашку — с открытыми иллюминаторами и дверью, оцетинившись стволками с передернутыми затворами. Ночью к тому же — без бортовых огней, в полной темноте. Только так и можно спастись от зениток и "стингеров". С последними сталкиваться, слава Богу, пока не приходилось. Но недооценка противника здесь — верная смерть. И на предельно малой высоте можно нарваться на автоматные и пулеметные очереди. Такое в моей группе уже было. С экипажем Саши Витюкова. Еще в январе по ним крепко саданули с фермы в районе Самашек. Хоть и стараемся от греха подальше обходить селения и отдельные постройки стороной, но разве угадаешь, где найдет тебя пуля? В тот раз очередь прошла кабину и левый борт вертолета, задев троих бойцов. У Сани на приборной доске лежала шапка, так ее пробило в двух местах...

Думаю, остальные ребята на меня не обидятся, но скажу так: экипаж Витюкова у нас сейчас лучший. Летают, как боги. В прошлом году Сане и его штурману Вите

Петренко пришлось перевозить террористов, которые захватили автобус с заложниками в Минводах. Как тогда за них переживал борттехник Юра Векулин, оставленный по требованию боевиков на земле! Хватили тогда лиха, и редко, даже когда кто-то сильно просит, вспоминают тот "рейс".

А вообще, вся моя группа — прекрасные ребята. Все как на подбор, дело свое знают отлично. И бывает так обидно, когда пытаемся поддержать людей хотя бы морально (о деньгах уже никто и не вспоминает, семьи дома кое-как перебиваются), а все представления к наградам оседают непонятно где. Хорошо хоть на 9 Мая всеми правдами и неправдами удалось выбить шесть знаков "За отличие в службе" еще старого образца. Хоть что-то... Но ох и стыдно, поверь, смотреть в эти "глаза на веревочках"!

Почему "на веревочках"? Да шутят у нас так. После бессонного дежурства на передовой, ночных полетов с ранеными и "двухсотыми" глаза становятся красными, воспаленными — вот-вот, кажется, выскочат наружу.

Пилоты рассказывали, в январе к ним в руки попали листовки, подписанные: "Тигры Кавказа". Боевики грозились за каждого своего убитого "порезать в теплых постелях" семь летчиков. Выходит, работают наши отменно, коли бандюги удостоили такой "чести".

"Я пять солдат завалил..."

...В вертолете генерал все время находился в сознании. Майор Хмелевский то и дело наклонялся к нему, освещая лицо фонариком: "Иван Григорьевич, как самочувствие?". В ответ — чуть заметный кивок перебинтованной головой: живем, доктор...

Минут через двадцать сели в Беслане, где уже ждала санитарная машина. Перенесли в нее генерала. На предельной скорости помчались во владикавказский госпиталь.

— Состояние удовлетворительное. Привезли вовремя, — констатировали врачи из дежурной бригады, осмотрев раненого.

Чтобы перевести дух, я вышел из пропахшего лекарствами здания, побрел по дорожкам. Чарующий аромат цветущих южных кустарников, такая непривычная после грохота "Града" тишина... Недаром прошедшие дорогами войны рассказывали: тишина может оглушать. В Чечне по этому поводу даже шутка родилась: "Вот вернемся домой и заставим жен по ночам в тапки бить, чтобы спать спокойно".

Медленно шагая с невеселыми мыслями, увидел на асфальте что-то большое и бесформенное. Подошел ближе, и глазам своим не поверил. Передо мной, по-детски свернувшись клубочком, лежал парень, из всей одежды на нем были только солдатские брюки-хэбэ. Мертвецки пьяный. Встретив на обратном пути санитаров, попросил позаботиться о нем.

Все объяснил мне дежурный хирург подполковник Топоров. Солдатик, на которого я случайно наткнулся, состоит в "команде-200". День-деньской — с трупами. От работы своей жуткой пьет, несмотря на жесткий контроль со стороны офицеров "за этим делом"...

Ненамного легче санитарам, медсестрам, врачам. За время боевых действий в Чечне только через владикавказский госпиталь прошло свыше тысячи раненых.

О многих страшных вещах услышал от хирурга. Но больше всего поразил меня случай с чеченским мальчиком. Одиннадцатилетнего пацана привезли к ним без сознания, с травмой головы. Кое-как откачали. А он, очухавшись (видимо, не сразу понял, где находится), похвастался: "Я пять солдат завалил и еще смогу".

Золотые мальчики

На этой войне оперативную часть из Нальчика бросают туда, где очень горячо. Такая боевая судьба. После Грозного — Чечен-Аул, Аргун, Гудермес, Самашки, трижды проклятый Бамут. В двадцатых числах апреля встали лагерем на территории бывшей птицефабрики под Ачхой-Мартаном. Рядом — Орехово, Старый Ачхой, Бамут...

Встретиться с нальчикцами мне посоветовал подполковник Валерий Иванов — замкомандующего Западной группировкой по работе с личным составом. "Обязательно напиши о них! Там недавно солдатик-сапер Слава Куницын бойца спас. Тот на растяжке повис, и сапер зубами проволоку рвал. Да и вообще все ребята что надо, не пожалеешь. Вон как раз сюда их "замполит" топают", — кивком головы показал Валерий Васильевич на невысокого с аккуратной бородкой офицера в потрепанном камуфляже.

Познакомились. "Замполит" части капитан Сергей Панаморский окончил Новосибирское военно-политическое и, почитай, с самого выпуска воюет, мотаясь по горячим точкам. В прошлом году поступил на заочное отделение Санкт-Петербургского юридического института МВД. А тут как на грех полыхнуло в Чечне — прощай, учеба. Попробуй-ка совместить сессии с войной при нынешнем-то дефиците офицерских кадров на "передке".

— Поехали, корреспондент. Поглядишь на наше фронтовое житье-бытье!

Заброшенная птицефабрика. Неказистый, обшарпанный домик. В прежние времена скорее всего — вотчина бухгалте-

ров. Сидели они себе спокойно, считали яйца и кур, пока война не приключилась. Что теперь считают — одному аллаху ведомо. Только бы не патроны.

В бывшей конторе — три комнатенки. В одной из них и разместились офицеры. Поставили несколько кроватей, печку-буржуйку; стол и пара стульев — "трофеи" от прежних хозяев — вот и вся роскошь. Заметив мой любопытный взгляд и, видимо, приняв его за оценивающий, капитан улыбнулся:

— Живем, можно сказать, сказочно. Никогда раньше, как попали в эту мясорубку, с таким комфортом не спали. Все больше в землянках, машинах, бэтэрах дремать приходилось. Да и то редко: только глаза сомкнешь, так "духи" долбить начинают. "Подъем!". Неделями форму не снимали. А здесь можно нырнуть с головой под одеяло и хоть на несколько минут, а то и часов забыться. Как будто — дома, вот-вот будильник зазвенит... Но часто забываться-расслабляться себе дороже: в любой момент что-то другое может зазвенеть. Вот тут одно время авиация активно по позициям боевиков в районе Бамута работала. А мы от них — недалеко. Попробуй тут усни... Земля дрожит, в голову дурные мысли лезут, а ну как у летунов прицел собьется ... Один у нас сначала разделся, а потом слышим, в темноте вроде

одевается. Спрашиваем, мол, куда собрался? А он так с неохотой и говорит: "Если по нам залепят, не хочу, чтобы из-под плит без штанов вытаскивали, родственники потом не поймут. Скажут, что и помереть не мог нормально". Ладно, это все фигня, не принимай всерьез. Солдатам на позициях в сто раз тяжелее. Да сам увидишь, сейчас слетаем к ним. Сергей Геннадьевич, командир наш, как раз туда собирается.

Заскочили на броню, "полетели", обьехав разбитую, почерневшую от огня "коробочку".

— Под Бамутом, в апреле... — заиграл желваками Сергей. — Прямое попадание. Погиб водитель рядовой Александр Кармаков. Я обгоревшее сиденье оттуда снял. Выберемся из этого дерьма — поместим в комнату боевой славы части. Пусть молодые солдаты знают, как мы воевали.

— Да, многие говорят, что крепким орешком оказался Бамут...

— "Этот долбаный Бамут нам внушает всем уют". Потеряли там шестнадцать убитыми и более тридцати ранеными. А в какой-то газете прочитали недавно, что Бамут уже взят! Взят — ну так пусть эти умники туда сунутся, пообщаются с "мирными жителями"...

Первая застава — в пяти минутах езды от птицефабрики, проскочили ее, обдав окопы облаком въедливой пыли. От этой пыли, как только появляется возможность урвать где-то воды, всеми силами стараешься освободиться. Какое-то время чувствуешь себя человеком, но очень скоро бэтээр, "вертушка" или простой ветерок окатывают тебя очередной порцией серой муки, и ты понимаешь всю тщетность попыток быть чистеньким. На войне, в такой крови и грязи, не до чистоты.

На второй заставе, расположенной на северной окраине Старого Ачхоя, сделали остановку.

— Как у вас дела? — спросил командир у ротного.

— Сейчас нормально, а полчаса назад снайпер "работал". У соседей, на третьей, снова из "зеленки" пуляют. Туда, товарищ командир, лучше пока не ездить, переждите. Сейчас чайку заварим.

— Ты за меня не беспокойся. Бог не выдаст... — концовка фразы утонула в реве двигателя: командир поехал смотреть третью, а заодно и проведать соседей-софринцев.

Мы же с "замполитом" пошли к окопам.

— Экскурсия — в сорок первый год! — съязвил Сергей.

"Если не в четырнадцатый! А то и в двенадцатый — прошлого столетия", — подумал про себя, нырнув в убогую землянку. Бревенчатый потолок, стены, обшитые крышками от ящиков, под ногами — несколько досок, усталых замызганными одеялами...

— Вот так и живем, — грустно произнес "замполит". — Если бы всей стране тяжело было, то еще можно бы все это дерьмо молча сносить. Но ведь кто-то жирует, на "мерсах" катается, туалеты деньгами обклеивает. А у нас здесь и с хлебом перебои случаются, солдаты на овсе и горохе сидят, о допитании и говорить не приходится. Наша часть еще в октябре из Нальчика снялась. Стояли в Куртате, Назрани, потом Моздок и — Чечня. Уже восемь месяцев службу тащим. И за все это время на всех выдали сто комплектов формы. А ведь здесь она каждый день рвется. Офицеры и прапорщики себе еще где-то достают. Солдаты же, сам видел, в каких обносках ходят. А солдаты здесь... Раздетые, разутые, уставшие, как черти, досыта давно уже не ели. Солнце жарит, воды мало, легкие пылью покрылись... А ведь никто не скулит. Золотые мальчишки! Только улыбаются редко. Не до смеха здесь.

— Да, как в песне, "а в России домой провожают ребята невест"...

— Умные провожают, а дураки здесь воюют, получается. Ты знаешь, как тошно смотреть по телевизору, в газетах читать, будто каким-то избранным противопоканзано служить в армии. Видите ли, генофонд нации истощится за полтора-два года. Да здесь сейчас генофонд России гибнет, вот эти золотые мальчишки и есть наш генофонд! Ладно, что болтать попусту, пошли чай пить.

Через близлежащие кусты вышли на поляну. Под невысоким навесом был оборудован стол со скамейками. Шагах в десяти солдат возился около костра, что-то готовил. Увидев нас, он начал наполнять круж-

306

ки кипятком из огромного медного самовара. Неплохо гостей встречают. За столом уже сидели двое. Познакомились, оба оказались моими тезками. Лейтенант Андрей только два года назад окончил Саратовское училище, а сейчас уже комбат: на войне нередко случается такое стремительное продвижение по службе. Второй оказался штатным зампотехом роты, временно (кто-то сказал, что нет ничего более постоянного, чем временное) исполняющим обязанности ротного.

— Ты, брат, если надумаешь о нас писать, сам выдумай какие-нибудь фамилии. Бояться не боимся, но лишним не будет. Говорят, нохчи (чеченцы. — А.Р.) бригаде нашей газават объявили, отомстить обещались. Хоть своих мы в Бамуте много оставили, но и этим гадам тоже ввалили крепко. Сейчас мы тебе творческую встречу организуем. Здесь как раз есть бойцы, которые были в Бамуте.

Пока ждали бойцов, зампотех сказал "за свое":

— Ты напиши, что у нас здесь бронетехника из строя выходит, а за ремонт двигателя бэтэра пятнадцать "лимонов" платить надо. Во война! А еще напиши, как Андрея в январе в Грозном контузило. Провалился он в госпитале, потом сдуру за страховкой пошел, а ему от ворот пово-

рот. Говорят, что денег нет, из Москвы не получили...

— Да че ты, Андрюха, плачешься? — перебил его комбат. — Ну напишет он, да что толку? Кому мы нужны? Есть, видно, проблемы и поважнее. Они там власть поделить не могут, а мы здесь, как хочешь — так и вой.

Невеселые мысли вслух прервал солдат, который во время нашего разговора как-то незаметно подошел к столу и стоял в нерешительности: зачем вызвали?

— А, вот и Лопух пришел. Ну-ка, расскажи корреспонденту, как вы в Бамуте воевали. Да не бойся, этот свой, из журнала "На боевом посту", — подбодрил парня комбат.

Лопух была кличка, а звали его Сергеем. Фамилия, конечно, Лопухов. Механик-водитель БМД.

— А че говорить-то? — смутился Серега. — Я был в штурмовой группе... Ну, которая первой входила в Бамут. Нас тогда было 51 человек. Вошли спокойно, без стрельбы. Вроде село как село, большое. Но мне там как-то сразу не понравилось: больно этот Бамут вытянутый, какой-то узкий, горы кругом, а мы как в мешке. И точно — только втянулись, начали по нам долбить из домов, школы, мечети и со стороны гор, конечно... Они нас почти окружили и расстреливали. Короче, мало не показалось. После боя из нашей

группы в строю осталось девятнадцать, остальные — убитые и раненые. Что еще сказать? Бой, как мы потом узнали, длился три с половиной часа, а я помню только какие-то моменты. Помню, как зарулил на сопку. Как влупили в нас из гранатомета несколько раз. Не попали. Мы с Андрюхой, наводчиком, по ним тоже мочили, весь БК расстреляли. Помню, как эти суки — ой, простите, товарищ капитан, вырвалось — наш танк семьдесятдвойку подожгли. Он уже сильно горел, а старший лейтенант Кубынин, раненый, залез на броню и открыл огонь из "Утеса". Крикнул пацанам, чтоб отступали, а сам прикрывал. Погиб героически. Да все мужики там молодцами держались. Сержант вон, Хамиль Банулов, был ранен в лицо и контужен, но продолжал вести бой. И остальные — не дрейфили... Че еще? Все...

Сергей поскромничал, поэтому офицеры дополнили его скупой бесхитростный рассказ.

Башню, оказывается, во время боя постоянно заклинивало, и он под пулями несколько раз вылетал из машины, чтобы ее освободить. Маневрировал машиной. Стрелял. Оporожнив пулеметные ленты и автоматные рожки, вылез на броню и ухнул сначала из "Мухи", потом и "Шмель" пригодился. Вот вам и Лопух!

Некоторые подробности рассказал и подошедший чуть позже наводчик того БМД рядовой Андрей Николашин:

— Мы с механиком двух боевиков точно положили. Там дом стоял рядом, оттуда стрелял кто-то. Ну я из пушки и долбанул по чердаку. Смотрю, чеченец оттуда вышел. Шатался он, а потом упал и на чем-то повис. Еще один выбежал, с ним уже Серега разобрался.

— А Славу Кубынина представили к Герою, — вступил в разговор "замполит". — Пожертвовал собой ради них, пацанов. Окружив, добились его абреки. В затылок... Тяжко вспоминать о погибших товарищах... Из Бамута нескольких наших убитых так и не смогли вытащить. Тела их потом обменяли на чеченских пленных. Нохчи сами признались: дорогой ценой они им достались. Рядовой Акбар Ахмедов "духов" двадцать из РПК положил... Не удалось выяснить, то ли рядовой Герасименко, то ли Цепух, сержант, врукопашную бился. Патроны кончились, так он прикладом чеченцу голову разбил...

Вечером на базе поминали ребят, погибших девять дней назад. В период действия так называемого моратория. Бэтээр подорвался на mine. Посекло ребят страшно.

Пятеро умерли на месте, еще трое — в госпитале. Только два человека и остались в живых.

После третьего тоста один из сидевших в тесном кругу, прапорщик Сергей из группы спецназа, взял со стола мой блокнот.

— Можно на память журналисту несколько строк черкнуть?

Цитирую их:

"Андрей, брат, напиши обязательно о спецоружии: где оно и куда уходит? Воюем здесь старыми стволами. А новое только показывают на выставках в Эмиратах. Где К-50 (вертолеты), где БМП-3? Всего этого нету. Как воевать? Где зарплата?"

Мы люди русские! А это значит, что слишком гуманные. Если идет война, то она должна быть войной. А ведь такое происходит, как будто это разборки мафии. Но мы — люди военные, если мы шли служить — значит готовы нести потери за Россию. Но?! Где оно, государство российское? Где?! Печаль за Россию-мать. Американцы за одного своего убитого рейнджера выводят весь флот и морскую пехоту туда, где он погиб. Все молчат. А Россия наводит порядок — сразу кричат: "Почему?".

Вообще, Андрей, жалко пацанов, ребят. Говорить еще много можно, но от этого река назад не потечет. Если я погибну, на этом война не закончится. Ну а если закончится, то я рад. Фамилию мою называй!!! Я этого не боюсь. Таких, как я, по стране — тысячи. Счастливо тебе. Будь здоров. И всегда помни нас, а именно ГСН, то есть группу специального назначения в/ч ... и лично меня, прапорщика ..."

Он назвал свою фамилию, я вместо нее ставлю отточие. Как говорят здесь, лишним не будет.

Утром следующего дня, когда прощался с ребятами, "замполит" сказал мне:

— Посмотри, как в других частях воюют, а потом приезжай к нам. Мы сейчас меняем позиции, будем где-то за Гехи...

Через месяц после кровавого штурма Бамута, во время смены позиций, нальчикцы потеряли двоих убитыми и десять ранеными. В бою погибли рядовые Роман Лешоко и Дмитрий Утюганов. Было это под Гехи...

Старший лейтенант А.РОДНОВ.

Фото О.СМИРНОВА.

Чечня. Западная группировка.

Служим Отечеству

ТРИНАДЦАТЬ

Тематический профиль военно-публицистического журнала предполагает всестороннее освещение деятельности различных категорий военнослужащих. В том числе и представителей главного руководящего органа войск. А они, что греха таить, были обделены журналистским вниманием. Незаслуженно. Ведь у многих офицеров и генералов ГУКВВ МВД России интересные биографии и судьбы, богатейший жизненный и боевой опыт. Горячие точки за плечами. А теперь — и дороги жестокой, кровопролитной войны. И, без сомнения, мы поступим справедливо, рассказав о тех, кто прошел через грозный январь. Не в Москве — в городе Грозном...

Неред Днем Победы они впервые за много дней собрались вместе, почти в том же составе, в каком представляли звено войскового управления объединенной группировки МВД на начальном, самом трудном этапе трагической грозненской эпопеи. Собрались на кладбище, у могилы подполковника Александра Клинова — отдать дань памяти погибшему в том пекле товарищу.

Он не вернулся с рекогносцировки 7 января, в светлый праздник Рождества Христова. Разорвавшийся у его ног сна-

ряд унес еще несколько жизней... Вспоминая о потерях, офицеры выпили по горькому глотку, долго хранили молчание, терзаясь тяжкими воспоминаниями и неизъяснимым чувством вины: говорят, человек на войне зачастую бессилен перед роковым стечением обстоятельств — коли написано на роду погибнуть в бою, ничто не может спасти ни от пули, ни от судьбы, и все же, все же, все же... Грохочущая смерть остановила свой выбор именно на нем, Клинове, бесстрашном, мужественном разведчике, пощадив остальных, волею все той же военной судьбы брошенных на линию огня управлять многотрудной боевой работой. Впрочем, каждому из них могла достаться жертвенная доля, потому как под пулями и осколками на этой войне одинаково рискуют и рядовой, и офицер, и генерал...

Они, тринадцать офицеров ГУКВВ, вступили в полосу смертельного риска утром, когда бронеколонна внутренних войск остановилась на перевале в пяти километрах от окраины Грозного, готовясь совершить бросок к пункту сосредоточения спецподразделений МВД, составлявших второй эшелон федеральных сил. После совещания на подвижном КП армейского корпуса начальник штаба полковник Владимир Мамонтов собрал офицеров главка для уточнения задач. И в этот момент поступил тревожный радиосигнал: согласно нашим разведанным, противник собира-

Некоторые фамилии в материале изменены.

ется нанести по колонне артиллерийский удар.

Мгновенное решение: на максимальной скорости выдвигаться в указанный район: с "Градом" шутки плохи, влепит — мало не покажется.

Если верить радиоперехвату, в запасе — считанные минуты, узенький зазор между жизнью и смертью. Будь под прицелом реактивных систем небольшая бронегруппа, дружно взять с места в карьер — нет проблем. А вот попробуй-ка синхронно привести в движение восемьдесят три выстроенных в "ленточку" бэтэзера — да под нервным-то напрягом... Эх, "путь-дорожка фронтовая"! Поневоле задерживаешься, покрываясь испариной от одной только мысли: снаряды "Градов", перед которыми ты бессилен, как перед валом цунами, вот-вот накроют не успевшие набрать обороты "коробочки", смешают с землей покоренную броню и людей, и второй эшелон останется без колес. И без экипажей боевых машин...

Но Мамонтов, к счастью, из той плеяды бывалых мужчин, для которых сигнал тревоги — мобилизующий фактор, помогающий бороться с крутыми обстоятельствами, руководить подчиненными в ритме боя, не допуская суеты и дерготни. Благодаря ему колонна, мгновенно слитая системой связи в единый организм, быстро покинула опасный участок. Олицетворением хладнокровия и выдержки в той критической ситуации были также полковники Дмитрий Челноков, Василий Симонов, Георгий Гришин, Сергей Жуков, подполковники Александр Матвеев, Сергей Голиков (ныне полковник), майор (ныне подполковник) Роман Носков и другие офицеры Главного управления командующего внутренними войсками. Многие из них по ноздри хлебнули лиха в стреляющих регионах, суровую прозу войны со всеми ее драматическими коллизиями проходили не по учебникам — словом, привыкли решать неожиданные боевые вводные в режиме наименьшего благоприятствования. Челнокову, к примеру, однажды пришлось вести по горной дороге колонну специального моторизованного батальона под плотным огнем карабахских фидаинов. Может, промелькнул в памяти Дмитрия Дмитриевича, ассоциируясь с угрозой обстрела, тот давний эпизод? Нет, едва ли. Офицер главка в бэтэзере не пассажир, тем более когда обстановка — боевая. Ему, старшему руководителю, что называ-

ется, все карты в руки — и в прямом, и в переносном смысле: какие тут, к дьяволу, воспоминания!

— Однако не дремлет дудаевская разведка, в момент засекли "ленточку" на перевале, — невольное вырвалось у автора этих заметок, когда колонна стремительно вышла из квадрата смерти, на котором, кстати, не прозвучало ни одного взрыва (то ли тревога была ложной, то ли у боевиков что-то не заладилось, а скорее всего вражеские артиллеристы, узнав от соглядатаев, что войсковая группа оперативно среагировала на радиосигнал, отменили запланированный огневой налет).

— Пятерка не по адресу, — возразил сидевший рядом подполковник Клинов. — Таковую колонну, как наша, только слепой не засек бы. Главное, упредить противника, своевременно собрав разведанные о его намерениях, — вот где настоящее искусство...

Спорить с Александром бессмысленно. В своем деле он специалист экстра-класса (пишу о Саше Клинове в настоящем времени: применительно к нему слово "был" никак не ложится в строку). Так что его мнение относительно работы в той ситуации одного из главных видов боевого обеспечения — прочный узелок на память.

Что касается войсковой колонны, то она как объект вражеской разведки (и нашего управления) действительно была весьма уязвима. Совершая ночной марш по маршруту Моздок — Грозный, бронированная "ленточка" растянулась почти на шесть (!) километров. Плюс к тому — водители были на пределе. Бронегруппу лепили наспех сроки поджимали) силами трех частей, а из пунктов постоянной дислокации до Моздока путь не близкий, без малого сутки рулили солдаты, а затем без роздыха — еще целую ночь за баранками, до столицы Чечни. Не смыкали глаз и офицеры ГУКВВ — на них легла основная тяжесть работы по подготовке и обеспечению марша: оказывали всестороннюю помощь командирам, подбадривали измотанных "шоферов" ("Сейчас вы здесь самые главные, парни!"), держали связь, "вели" головную походную заставу, предвидя возможность засад и диверсий, следили за соблюдением правил светомаскировки, подтягивали отставших, собирали заехавших "не туда" (простительно: темень — хоть глаза выколи), организовывали отбуксировку на базу

308

двух безнадежно заглохших машин... По словам энша, в ночном походе к району боевых действий добрую службу сослужил опыт полковников Василия Симонова, Сергея Жукова, подполковника Владимира Молчанова; на высоте оказался руководивший техническим замыканием представитель автослужбы гвардии подполковник Сергей Бурцев. Без них и других управленцев продираться через многочисленные тернии маршрута офицерам частей было бы намного сложнее. А дружно, как говорится, — не грузно. Так — за верстой верста — совместными усилиями трудяг-водителей, командиров и старших начальников, то спотыкаясь, то ускоряя движение, успешно довели колонну до пункта сосредоточения спецподразделений МВД. Без опоздания и с минимальными техническими потерями...

В другом контексте подпереть бы этот абзац восклицательным знаком: так и просится победоносно стать во фронт. Но вместо него, будто рядок пулевых пробоя, сама собой выстраивается триада отточия... Ибо речь не об учебном маршруте — о дороге на войну. А в конце фронтовых путей-дорожек служивых людей, как известно, ждут бои или непродолжительные паузы перед кровавыми сшибками, исход которых далеко не всегда предсказуем. Особенно при штурме опорных пунктов и узлов сопротивления в городе. Вот и в тот час не до победных реляций об итогах уникального и, по большому счету, успешно проведенного марша было полковнику Мамонтову. Предстояла сложнейшая операция по "зачистке" кварталов на улице Лермонтова, освобожденной армейцами от дудаевских "волков". Времени на подготовку — в обрез: части Российской армии уже вели ожесточенные бои на подступах к президентскому дворцу, теперь очередь за вторым эшелонам федеральных сил...

Если бы существовал прибор для измерения накала штабной работы, наверняка зашкалил бы в атмосфере, царившей на передовом КП перед последним рывком брони на Грозный. В кратчайший срок развернуть узел связи, произвести необходимые тактические расчеты, поставить на конвейер боепитание, распределить спецподразделения МВД по войсковым машинам, "нарезать" боевые задачи командирам, организовать между ними взаимодействие — даже на учениях эти вопросы в масштабах группировки решают-

ся не просто, а тут фронтовая обстановка, стрелки часов неумолимо приближают время "Ч". Нервы словно проводники под током высокого напряжения. Хорошо еще, что система управления силами ОМОНа, СОБРа, спецназа ГУИНа непосредственно замыкалась на первых лиц главков, находившихся в боевых порядках своих отрядов, — иначе утонули бы в неразберихе, сколачивая сводную группу "чистильщиков" из разнородных структур МВД, которые не имеют опыта совместных действий в составе единого формирования. Плюс к тому — офицеры внутренних войск полковники Сергей Жуков, Александр Портнов, Анатолий Камышенков, подполковники Сергей Голиков, Владимир Молчанов, Александр Матвеев (ныне полковник) и их коллеги при подготовке операции работали на одном дыхании, с полуслова понимая друг друга. И сделали в той суматошно-нервной обстановке все, что могли. Даже больше: за троих ведь каждому пришлось пахать.

А что не успели расставить все точки над "i", обеспечивая проведение подготовительных мероприятий, не их вина. Как минимум сутки, а то и двое, по канонам оперативного искусства, иметь бы в резерве для того, чтобы привести силы и средства группировки к нормальному бою, согласовать на всех уровнях управления планы МВД и МО. Но сверху торопили: приступить к операции на своем участке ответственности. И противник не сидел сложа руки, подбрасывал сюрприз за сюрпризом, заставляя корректировать проработанный в штабе замысел.

Короче говоря, на войне как на войне...

Только пригодились к движению — стреножила радиоинформация, поступившая с ПКП армейского корпуса: мост через Нефтянку взорван, выходите на запасной маршрут. Легко сказать. Окольная дорога к Грозному — это не забытый проселок в безобидной и безлюдной российской глубинке, где приходится воевать лишь с колдобинами да непролазной грязью. Здесь иные опасности на каждом шагу подстерегают пешего и конного: и в капкан минный угодить, и на бородастых соловьев-разбойников с противотанковыми "трубами" нарваться недолго... Стало быть, вперед, разведка!

На бэтре, с вооруженным механиком-водителем да наводчиком, без десанта за броней, как жечь, беззащитной перед бронебойными "кеглями", "сфотографиро-

вали", отследили весь маршрут, поминутно сверяясь с картой, два подполковника, два Александра — Клинов и Майоров, начальник разведки оперативной бригады ВВ. Сказать: рисковали смертельно на пустынной, утонувшей в тумане дороге — значит ничего не сказать. Хотя что такое риск для профессионального разведчика? Привычное дело! Работа...

Другой вопрос: им ли, офицерам ГУКВВ и управления соединения, выполнять работу, которая по силам — и по рангу — командиру разведвзвода?..

Эх, впору тут самому себе возразить: а сержантику вести в грозненское пекло боевую группу из десяти "коробочек" — по рангу? Глазам своим не поверил, увидев при постановке задач в строю офицеров — командиров подразделений — мальчишку, сержанта срочной службы; держался он перед полковниками из главка солидно, уверенно, словно матерый ветеран горячих точек. А главное, в деле, на решающей боевой проверке, показал себя парнишка наилучшим образом.

А по чину ли генералу, старшему в группировке МВД, и заместителю начальника штаба (речь о генерал-майоре милиции Викторе Воробьеве и полковнике Дмитрие Челнокове подставлять головы, возглавляя передовую группу спецназа? Или командиру армейского корпуса поднимать в атаку бойцов (легендарный эпизод с генерал-лейтенантом Львом Рохлиным)? Или заместителю командующего внутренними войсками предлагать себя в заложники для спасения плененных под Хасавюртом солдат и офицеров (не менее известный случай с генерал-лейтенантом Станиславом Кавуном)?

Все смешалось на этой кавказской войне, как в сложной шахматной партии, где нередко главные фигуры, жертвуя собой, прикрывают рядовую пешку, а та, преодолев заслоны, сражается в качестве ферзя. И, пожалуй, в этом нет ничего удивительного. Фронтная обстановка иногда заставляет пересматривать правила, определяющие роль и место различных должностных лиц в боевых порядках, в зависимости от непредвиденных обстоятельств требует использовать служебные полномочия представителей руководящих органов, делая акцент не на привилегиях, а на высочайшей ответственности, компетентности, профессиональной чести офицера управления. Так что прозвучавший вопрос — как говорится, не

укора ради, а похвалы для — отнесем к разряду риторических. Такие, как Александр Клинов, Дмитрий Челноков и их сослуживцы из ГУКВВ, никогда не спрашивают себя: а позволительно ли рисковать полковнику на опаснейшем участке боевой работы, когда каждый из них вправе послать туда окопного лейтенанта или прапорщика? Риск в их понимании сполна окупается достигнутым результатом, от которого зависит выполнение поставленной задачи: грамотная оценка обстановки, свежая информация о действиях противника, своевременно отданное распоряжение в, казалось бы, безвыходной ситуации... Ради него и балансируют на "лезвии бритвы", вырываются вперед на "лихом коне", компенсируя дефицит опыта молодых командиров, страхуя их от роковых ошибок, старшие товарищи.

Помню, подполковник Клинов выезжал из Моздока в новеньком непромокаемом камуфляже, а спустя сутки черно-серый узор на его брюках исчез под толстым слоем грязи — как будто по болоту, проваливаясь до самого пояса, бродил Александр Николаевич, выискивая дичь. Во всяком случае, руководя разведкой из бэтэра или "кашэмки", боевые доспехи при всем желании так не разукрасишь.

...лизились сумерки, когда колонна начала движение по разведанному маршруту. Чтобы через несколько часов, вопреки замыслу операции, вернуться... в исходный район. С тремя ранеными на броне...

Из дневника Романа Носкова:

...В Грозном возникла опасность взаимного поражения сил МВД и частей Российской армии, которые оказались в квадрате, указанном для работы нам. Принято решение в связи с отсутствием взаимодействия, единой системы опознавания, целеуказания и управления вывести подразделения для перегруппировки и координации усилий с армейцами.

Листаю страницы измятой тетрадки — черновика журнала учета боевых действий, который майор Носков как офицер по сбору информации вел с первого до последнего дня пребывания группировки в столице Чечни. Здесь все: факты, беспристрастная статистика, эмоции, которые

309

затем растворятся в сухих лаконичных формулировках служебного документа. Этим и интересен дневник Романа Олеговича. Кажется, будто торопливые, с прыгающими буквами строки источают запахи пороха, гари, отзываются эхом очередей и взрывов, будоража и без того израненную впечатлениями память...

В тот вечер колонна МВД с десантом за броней и на "крышах" боевых машин могла оказаться под двойным огнем: мало того, что недобитые боевики, воспользовавшись задержкой в движении, открыли плотный огонь из окон, так еще и от своих в неразберихе более весомый гостинчик получили бы, не отведи генерал Воробьев колонну на базу. За этим, само собой, последовал суровый разнос от старшего начальника. В расчет не принималось, что военные и бойцы спецподразделений, отходя, пожинали плоды спешки, что при жестком лимите времени, отведенного на подготовку, тактические возможности вступили в противоречие со стратегической необходимостью и людей просто обрели на неудачу. Известное дело: в таких случаях прав обычно тот, у кого больше прав.

Ладно, с кем не бывает — первый блин всегда получается комом, зато следующий в штабной кухне испекли как надо. Бодрствуя вторые сутки, Мамонтов, Челноков, Жуков, Портнов, Голиков проанализировали допущенные ошибки, на основе новых расчетов организовали перегруппировку сил и средств, и уже к полуночи несколько подразделений МВД, соединившись с армейцами, приступили к несению службы на блок-постах. А к вечеру 1 января колонна бэтээров без потерь прорвалась к консервному заводу. И начались напряженные, полные опасностей грозненские будни...

Нервные боевые распоряжения командирам подразделений СОБРа и ГУИНа: выставить восемь застав.

Время готовности 8.00.

Издали доносились звуки зловещей симфонии войны: ни на минуту не умолкала артиллерийская канонада; гулко, упруго долбили крупнокалиберные пулеметы.

Люди издерганы страшно, напряжены — и бойцы, и командиры, и офицеры управления. Одни — от ожидания смертельно опасного дела, другие — от сумасшедшего груза ответственности, необходимости малыми силами решать множество запла-

нированных и внезапно возникающих организационных задач. Вытянуть из узкого пространства между производственными зданиями десятки бэтээров, выстроить их в колонны, рассадить по машинам боевые группы, наладить связь... И все это под угрозой минометного обстрела, под аккомпанемент тревожных радиосигналов. Накаленная, как пулеметный ствол после долгой стрельбы, обстановка накладывает отпечаток на восприятие реальности: со стороны неуклюже маневрирующие "коробочки" и снующие между ними люди напоминают растревоженный муравейник в очаге пожара.

Олицетворение неимоверного напряжения — полковник Портнов, ответственный за учет сил и средств, предназначенных для выполнения боевых задач. Количество и состав спецподразделений и экипажей пофамильно, номера их бэтээров, участки работы, позывные командиров — быстро систематизировать, упорядочить эту информацию, чрезвычайно важную для четкого бесперебойного управления, и с компьютером мудрено, а в распоряжении Александра Константиновича лишь блокнот да собственная память, которая, увы, подводит оттого, что за трое суток ни разу ни вздремнуть, ни перекусить не удалось. Глядя на осунувшееся лицо, воспаленные до красноты, слипающиеся глаза полковника, невольно поражался: откуда берутся силы у него, немолодого уже офицера, как он сохраняет работоспособность в этой бешеной круговерти, мотаясь от машины к машине, выстраивая колонны, напоминая водителя маршруты движения. Напрягая голосовые связки в реве двигателей, нестройном хоре уставных команд и соленых неуставных выражений. Нервничая и переживая за каждый прокол в системе подготовки к боевым действиям.

Проколов хоть и не густо (работали ночь напролет, не щадя себя), но все как один чреватые поистине роковыми последствиями...

Вот характерный эпизод.

Вытягиваются у ворот завода в "ленточку" перед выездом на "блоки" несколько бэтээров с омовцами. Последнее уточнение задач, вопросы по связи, взаимодействию — и Портнов, неожиданно загордив дорогу головной броне, протестующе скрещивает поднятые над головой руки:

— Стоп! Нам еще камикадзе не хватало!
— И взволнованно — с докладом к подо-

спевшему Мамонтову: — Собрались, как на прогулку! У старших милицейских нарядов об организации связи никакого понятия. Случись беда — пропадут же, не зная радиоданных!

Крутой разговор с командирами. Инструктаж. Доучивание на ходу... И облегченные вздохи: хорошо, что наряды у ворот проверяет придирчивый "учетчик". Без него в этой суматохе наломали бы дров.

Вроде не зеленые новички омовцы, мужики бывалые, а о главном перед выездом на службу не позаботились. С другой стороны, что толку "наезжать" с упреками: ОМОН и СОБР создавались для борьбы с преступностью в мирных условиях, воевать на броне в разрушенном городе с вооруженными до зубов бандформированиями они не спецы. Не случайно милицейские начальники на первом этапе грозненской операции все бразды управления передали войсковым офицерам, целиком полагаясь на их боевой опыт. Стало быть, надо больше внимания уделять организации контроля за подготовкой коллег к выполнению возложенных задач. Благо бойцы спецназа быстро извлекают уроки из собственных ошибок, им не придется, как солдатам-новобранцам, об одном и том же напоминать по десять раз подряд.

Выпустив изрядно потрепанную нервы бронегруппу, полковник Портнов на минуту отвлекся от своих забот.

— Сейчас бы пожевать чего-нибудь. Да вот, видишь, некогда. И нечего. Спасибо родным тыловикам, удружили. Как они там, в Моздоке, планировали обеспечить питание офицеров главка — ума не приложу. Даже консервов в дорогу не выдали...

Консервами, как выяснится позже, был забит временный склад в пункте сосредоточения спецподразделений МВД. Но хозяева продовольственной базы — сотрудники окружного управления материально-технического и военного снабжения, очевидно, поставили войска в списке довольствующихся на последнее место. Лишь четвертого января будет разгружена машина с сухпаем, а горячую пищу начнут готовить аж на седьмой день с начала грозненской операции. Спасибо солдатам, которых в частях догадались снабдить недельной нормой сухого пайка: не

дали пропасть с голоду, взяли над штабом продовольственное шефство.

Впрочем, о тыловых просчетах офицеры вспоминали редко. Не о том заставляла думать крутая обстановка. Вот и Портнов, припечатав крепким, выразительным словом нерасторопных снабженцев, тут же забыл о них — озабоченный тревожным сообщением по рации...

Из дневника Романа Носкова:

2 января. С этого дня берет начало список боевых потерь.

На улице Лермонтова колонна попала под минометный огонь противника. Есть убитые и раненые.

В районе кладбища дудаевцы подбили два бэтэзэра, замыкавших автоколонну. Погиб наводчик. Оставшиеся в живых вступили в бой. К ним на помощь направлена группа в сопровождении двух армейских БМП.

Возле горящих машин обнаружено тело рядового Павлова. Ни внутри бэтэзэров, ни поблизости людей нет. Ушли? Захвачены в плен? Пока не завершён поиск, эти вопросы остаются без ответа. Проводя совещание, полковник Мамонтов предложил временно считать напоровшихся на засаду военнослужащих пропавшими без вести. Среди них офицер ГУКВВ подполковник Бурцев...

Потом на суровую "производственную" тему омовский бард напишет песню, которую подхватит вся милицейская гвардия:

*Мы брали этот проклятый завод,
И наш парнишка получил раненье,
Но все равно мы шли на пулемет —
Ведь с нами Бог и чуточку везенья...*

До песен ли было в тот вечер, умноживший счет наших утренних потерь?

Ожидая возвращения поисковой группы, у ворот кучкуются бойцы и офицеры из войсковой пехоты и спецназа, смертельно уставшие после работы в кварталах и зданиях. Откашливаясь, смолят вонючие пайковые папиросы. Нещадно матерят "духов". Вспоминают события минувшего дня:

— Сашка Дьячков — мужик. По впереди идущему бэтэзэру чечен лупанул из окна. Мимо: двоечник оказался. Саня сзади ехал. Водиле: "Тормози!". И стал ждать. Только абрек в окне нарисовался — повто-

ритель выстрел, Дьячков его и загасил из башенного пулемета.

— Повезло: точно, двоечник. Настоящий профессионал сразу поменял бы позицию. Так большинство из них и воюет — грамотно, дерзко. Вон как наши "коробочки" раздолбали, шакалы...

Лязгая траками, из густой чернильной темноты выныривают БМП.

Полковник Челноков чуть не бегом — навстречу.

— Ну что?

— Прочесали часть кладбища и окрестности: пусто. Дальше углубляться не рискнули, душманы — мастера устраивать заставы. — В ровном бесстрастном голосе старшего группы подполковника Майорова пульсируют ускользящие от слуха волны командирской муки. Их можно уловить лишь страдающим сердцем.

Щелкнув зажигалкой, Челноков нервно закусил фильтр.

— Это я виноват. Как чувствовал... Надо было поменяться с Бурцевым машинами и самому возглавить тыловое замыкание. Они ведь чаще всего нападают на арьергард, чтобы успеть смыться до подхода других бэтээров.

— Не казните себя, товарищ полковник. Могли поджечь и головную броню, а потом расстрелять заблокированную колонну. Тут как судьба повернет...

Военная судьба пощадила пропавших без вести. В десятом часу на связь вышел командир одной из подбитых "коробочек". Сообщил: удалось оторваться от преследовавших боевиков, проплутав по "зеленке", вышли на позиции армейцев...

И тогда, чего уж там скрывать, как-то сама собой возникла бутылка водки, потеснив развернутую карту. Полковник Мамонтов, непримиримый к питию в боевой обстановке, самолично наполнил офицерам кружки. Хотя "наполнил" не то слово. Каждому хватило лишь усы обмочить. А больше и не надо. Мы и так были пьяны своим мужским фронтовым счастьем.

— За спасение пропавших без вести!

И на войне бывают праздники.

На следующий день их встречали как героев, узнав, что под бандитским огнем все держались достойно, отходили без паники, уничтожили в перестрелке троих боевиков, сумели вынести истекающих кровью товарищей. Верный долгу офицера, управление боем взял на себя подпол-

ковник Сергей Бурцев. Несмотря на то, что сам был контужен и ранен. Он же, идя впереди группы, вывел ее к своим.

После этого эпизода неизмеримо возрос авторитет войсковых управленцев в глазах бойцов милицейского спецназа. Крутые омовцы и собровцы лишней раз убедились, что руководить их работой прислали не кабинетных чиновников, а настоящему боевых мужиков, способных и умное распоряжение отдать, и показать пример храбрости, отваги в экстремальной ситуации. У представителей взаимодействующих главков МВД тоже было немало поводов к тому, чтобы дать высокую оценку профессиональной подготовке коллег из ГУКВВ.

Из дневника Романа Носкова:

Силами СОБРа при поддержке бронетехники и артиллерии Российской армии проведена успешная операция по захвату исключительно важного объекта на подступах к президентскому дворцу: шестнадцатизэтажному дому-"свечке". До этого, наступая на здание, десантники потеряли более восьмидесяти человек. У собровцев потерь нет. Активное участие в организации штурма приняли полковники Жуков, Челноков, Портнов, подполковник Клинов.

Рассказывая мне об уникальной операции, полковник Мамонтов заострил внимание на одной детали. Командиры СОБРа поначалу категорически отказывались привлекать к штурму солдат внутренних войск: захватить высотное здание под силу только профессионалам, молодые неопытные парни и дело завалят, и себя погубят. Согласившись с этим аргументом, офицеры ГУКВВ все же настояли на том, чтобы при огневой подготовке атаки использовать войсковые расчеты АГС-17 и стрелков, вооруженных ручными противотанковыми гранатометами. Как показал бой, это было мудрое решение. Наши воины подавили несколько огневых точек противника, способствовал стремительному продвижению атакующих к ошетилившейся стволами "свечке".

"Свечка", "свечечка"... С ней, искалеченной взрывами, поклеванной пулями, изрытой осколками, память увязывает особо яркий штрих в обобщенном психологическом портрете тринадцати офицеров управления, переживших самые трудные

дни и ночи грозненского ада. Штрих, отражающий боевое качество, которое проявили в трудный час полковник Челноков и подполковник Клинов. Вместе с генералом Воробьевым они пошли через простреливаемый проспект к захваченному зданию, чтобы оттуда как можно быстрее провести рекогносцировку перед очередной операцией. Эту задачу могли бы выполнить и командиры подразделений, однако чувство высокой ответственности не позволило старшим офицерам остаться в бункере, когда требовалась помощь опытных специалистов военного дела. Мужественный порыв Воробьеву и Клинову стоил жизни. Челноков, прикрывавший рекогносцировочную группу от огня снайпера, получил тяжелую контузию...

Слова в диктофон полковника В.МАМОНТОВА:

— Да, чувство ответственности и было тем объединяющим началом, которое сплотило группу управления, помогло преодолеть тяготы войны и выполнить поставленные командованием задачи. Все офицеры ГУКВВ работали не жалея себя, буквально на пределе физических возможностей. Хочу отметить оперативные, решительные действия полковника Портнова в организации службы, подготовке боевых операций. Проявляли инициативу, настойчивость, давали дельные советы, обеспечивая взаимодействие войсковых подразделений с Российской армией и спецотрядами МВД полковники Челноков, Бикинин, Камышенков (офицер из Приволжского округа, был прикомандирован к группе главка), подполковник Голиков. Находясь на ПКП генерала Рохлина, умело корректировал огонь артиллерии при вытеснении боевиков с участков нашей ответственности полковник Симонов. Благодаря подполковнику Матвееву не было проблем с боепитанием. Полковник Жуков и майор Носков, занимаясь сбором и анализом информации, оказывали большую помощь в выработке предложений по использованию сил и средств группировки. Авторитет бесстрашного, высокопрофессионального офицера завоевал себе подполковник Клинов как главный организатор разведывательных мероприятий, земля ему

пухом. В качестве коменданта ПКП много полезного сделал полковник Гришин: охрана завода, где дислоцировались наши подразделения, проведение ночных рейдов, система обнаружения противника на подступах к базе — на решение этих и многих других вопросов была направлена его поистине неисчерпаемая энергия. Огромная нагрузка в начале грозненской операции легла на плечи начальника связи подполковника Молчанова: достаточно сказать о том, что он неоднократно попадал под минометные обстрелы, восстанавливая поврежденные осколками линии. Не раз выполняли поручения, связанные с риском для жизни, Челноков, Портнов, Бикинин, Носков, другие товарищи. Чудом вырвался из засады подполковник Бурцев. И хотя ему не довелось из-за ранения поработать в городе, в списке тринадцати офицеров ГУКВВ, посланных в Грозный, он занимает достойное место.

Со временем полку управленцев пришло. Решили тыловые проблемы, наладили нехитрый фронтной быт, и стало чуть легче тащить наш крест...

Через месяц подвели первые итоги. По-моему, они достаточно красноречиво характеризуют уровень управленческой и боевой работы. Обезврежено 442 боевика, захвачено более 400 стволов, 8 единиц бронетехники, свыше ста килограммов наркотиков, уничтожено 23 склада с боеприпасами, сопровождено 55 колонн Российской армии, эвакуировано около тысячи беженцев...

ПОСТСКРИПТУМ.

После окончания горячей командировки несколько офицеров из числа тринадцати подали рапорта на увольнение. Кто по состоянию здоровья, а кто от обостренного войной ощущения социальной уязвимости человека в погонах, вопиющей несправедливости в оценке державой его труда... Впрочем, не будем сыпать соль на раны. Главное — там, на "передке", они не дрогнули, держались до конца. Как герои старого фильма, которые в пустыне стойко сражались с бандой басмачей. Помните?

Подполковник Ю.КИСЛЫЙ.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

В последние дни июня список безвозвратных потерь внутренних войск, принимающих участие в восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике, пополнился новыми именами. В ходе обстрелов боевиками позиций наших частей и подразделений погибли старший лейтенант **Юрий БАЛЫХ**, сержант **Александр МОСИН**, младший сержант **Вячеслав КОНОВАЛОВ**, рядовые **Алексей КОЛЕСНИКОВ**, **Сергей ГОРВАТ**, **Алексей ОКороков**, **Павел САВЕЛЬЕВ**, **Евгений ТКАЧЕВ**.

1 июля несмотря на достигнутые договоренности о прекращении огня, на всей территории Чечни продолжались вооруженные столкновения и перестрелки между боевиками и федеральными войсками. Наибольшую активность незаконные вооруженные формирования проявляли на юго-западном направлении. Со стороны лесных массивов и населенных пунктов Бамут, Орехово, Рошни-Чу неоднократно были обстреляны пункты временной дислокации частей и подразделений внутренних войск. Получили смертельные ранения младший сержант **Олег МИТЮГИН** и рядовой **Александр МУТОВКИН**.

Командование НВФ использует мораторий на применение вооруженной силы в своих целях — для перегруппировки сил и средств, восстановления системы управления отрядами и группами боевиков, пополнения материальных запасов и проведения инженерного оборудования опорных пунктов.

2 июля во время проведения специальной операции одним из подразделений внутренних войск севернее н.п. Элистанжи было обнаружено несколько крупных складов, где боевики хранят значительное количество боеприпасов, в т.ч. 400 танковых снарядов, 220 снарядов к БМ-21, более 1000 инженерных боеприпасов, большое количество патронов к стрелковому оружию. Там же обнаружено свыше полутора тонн продовольствия.

Во второй половине дня из минометов боевиками были обстреляны позиции одной из частей ОДОНА.

Ночью пятнадцать раз были обстреляны комендатуры и комендантские участки Ленинского и Старопромысловского районов чеченской столицы.

Большая часть населения Чечни напряженно следит за ходом переговоров в Грозном между федеральными властями и представителями Д.Дудаева. У здания ОБСЕ ежедневно собираются большие группы людей, ожидающие результатов переговоров. Внутренние войска справляются с задачей не допустить во время

стихийных митингов провокаций и беспорядков.

3 июля. Используя мораторий на применение вооруженной силы в своих целях, НВФ взяли под контроль ряд важных объектов. Они контролируют часть дороги Грозный - Шатой, а также мост через реку Аргун в полутора километрах севернее н.п. Нихалой.

Отряды НВФ сосредоточиваются в районе населенных пунктов Бамут, Орехово, Беной. Несколько десятков разрозненных групп боевиков находится и в Грозном. Командование НВФ проводит активную работу по их сплочению и координации деятельности.

В результате обстрелов дудаевцами КПП и блок-постов получили ранения трое военнослужащих внутренних войск.

4 июля штабом НВФ в зоны сопротивления федеральным войскам включены Сунженский район Республики Ингушетия, Хасавюртский и Новолакский районы Дагестана.

В столицу Чечни по приказу Д.Дудаева направлено несколько групп боевиков для проведения диверсионных и террористических актов.

Комендатуры Ленинского, Старопромысловского, Заводского, Октябрьского районов Грозного, городов Гудермес, Аргун и Шали во взаимодействии с СМВЧ и ОМОНОм выполняли задачи комендантской службы, осуществляли прием населения, разминирование объектов, проводили разведывательно-поисковые мероприятия в районах ответственности, ночью отражали нападения боевиков на комендатуры Старопромысловского, Ленинского и Октябрьского районов чеченской столицы.

В ходе проведения специальных операций в течение дня подразделениями внутренних войск было изъято 259 артиллерийских снарядов, 92 гранаты, 151 минно-взрывное устройство, 1300 патронов к стрелковому оружию, 4 автомата, 5 кг взрывчатых веществ. Взято в плен 7 боевиков.

5 июля. Отряды НВФ стремятся избежать прямых столкновений с федеральными войсками, но продолжают вести огонь по позициям подразделений внутренних войск, в частности со стороны н.п. Бамут. Не прекращаются ночные огневые налеты боевиков на комендантские участки в Грозном.

6 июля. Боевики активизируют попытки морально-психологического воздействия на личный состав внутренних войск. Повсеместно изымаются листовки с угрозами расправы, призывами к дезертирству.

Части и подразделения внутренних войск во взаимодействии с ОМОНОм и пограничными

войсками осуществляли охрану и оборону гидроузла на реке Терек, Гребенского моста, несли службу на КПП.

Во время обстрела боевиками позиций одной из частей внутренних войск был смертельно ранен **рядовой Юрий КАРАСЕВ**. Еще восемь военнослужащих получили ранения.

7 июля особенно интенсивному обстрелу подвергались комендатуры и комендантские участки в Грозном. Внутренние войска соблюдали мораторий на ведение боевых действий и ответный огонь не открывали.

Некоторые отряды боевиков, базирующиеся в районах, где нет федеральных войск, переходят на легальное положение, выдавая себя за "силы самообороны". Несколько таких отрядов располагаются в Веденском районе. На вооружении боевики имеют стрелковое оружие, гранатометы, тяжелое вооружение.

8 июля. Ночью произошли столкновения и перестрелки бандформирований и подразделений внутренних войск в районе населенных пунктов Борзой, Бачи-Юрт и Майртуп. Активизировали боевики свои действия в Грозном, где резко возросло количество обстрелов комендатур, комендантских участков и блок-постов.

9 июля. Не прекращаются огневые налеты боевиков на пункты временной дислокации и места несения службы внутренних войск.

Погибли **младший сержант Алексей ЧЕЛПАНОВ** и **рядовой Евгений ВЛАСОВ**. От полученных ранений скончался в госпитале **рядовой Сергей ЗЕМЛЯНОЙ**. Еще четырнадцать военнослужащих внутренних войск получили ранения.

10 июля. В течение суток не прекращались обстрелы пунктов временной дислокации подразделений внутренних войск, КПП и блок-постов, комендатур и комендантских участков. Продолжались нападения боевиков на охраняемые войсками объекты. В ходе отражения одного из таких нападений погибли **рядовые Сергей ЖУК** и **Карим КАСУМОВ**.

12 июля. Части и подразделения внутренних войск вели активную разведку в зонах ответственности и обеспечивали охрану общественно-порядка в Грозном.

В 13.50 в районе н.п. Джалка подвергся обстрелу БТР одной из частей внутренних войск. Погиб **младший сержант Петр ПАНЬКО**, еще четверо военнослужащих получили ранения.

В 14.05 на помощь сослуживцам в отражении нападения боевиков вышли три БТРа с десантом на броне. В ходе скоротечного боя дудаевцы были уничтожены. К сожалению, список потерь внутренних войск пополнился еще одним именем — погиб **рядовой Владимир ЛОМАЧЕНКО**.

Подверглись вооруженному нападению подразделения внутренних войск северо-западнее н.п. Старый Ачхой. Непокойной была обстановка и в самом Грозном. Всего за сутки было совершено более двадцати налетов на позиции внутренних войск.

13 июля группировка федеральных войск продолжала блокирование населенных пунктов Шали, Дачу-Борзой, Агишты, Сержень-Юрт, Ведено, Харачой, Шатой, Махкеты, Новые Атаги, препятствуя выходу боевиков из горных районов на равнину.

Ночью пункты временной дислокации, блокпосты и КПП внутренних войск были обстреляны из стрелкового оружия, гранатометов и минометов свыше десяти раз. Потерь среди военнослужащих нет.

16 июля. Продолжались акции по дестабилизации обстановки в регионе. В н.п. Наурская проходил митинг в поддержку Д. Дудаева, в котором участвовало около 100 человек. Подобные митинги проводились в населенных пунктах Новогрозненский, Кошкельды, Герзель-Аул, возле здания миссии ОБСЕ в Грозном.

В тактике НВФ произошли изменения — их нападения на федеральные войска стали выборочными, с сосредоточением усилий на определенных участках и объектах, в первую очередь командных пунктах, узлах связи, комендатурах.

17 июля. Отряды боевиков, вышедшие из-под контроля руководства НВФ, прилагают все усилия для эскалации конфликта и продолжают обстреливать районы расположения федеральных войск. За прошедшие сутки боевики обстреляли пункты временной дислокации и места несения службы внутренних войск в районе населенных пунктов Старый Ачхой, Бамут, Новогрозненский. Не прекращаются нападения на российские автоколонны в тылу федеральных войск. В Грозном подверглась нападению боевиков комендатура Старопромысловского района.

В 19.20 от пули снайпера погиб на боевом посту **рядовой Алексей РЯБОВ**.

19 июля боевиками совершено более двадцати обстрелов позиций внутренних войск. Всю ночь гремел бой возле комендатуры Старопромысловского района. Нападение боевиков было отбито. Ранено трое военнослужащих внутренних войск.

20 — 25 июля продолжались провокационные действия в отношении федеральных войск со стороны полевых командиров, не подчиняющихся руководству незаконных вооруженных формирований. Ежедневно позиции наших войск подвергались огневому воздействию и нападениям боевиков. **21 июля** во время обстрела взводного опорного пункта погиб **рядовой Руслан АЖЕТЕНОВ**.

Неспокойно и в чеченской столице. Каждую ночь звучат в Грозном выстрелы. Наиболее интенсивному обстрелу подвергались блокпосты, КПП и комендатуры в Заводском, Ленинском и Старопромысловском районах. **24 июля** во время отражения нападения боевиков погиб **ефрейтор Баясан ПАНАНОВ**.

Всего с начала введения в Чечню федеральных сил погиб 331 и ранено 1504 военнослужащих внутренних войск.

Подборку подготовил
подполковник Сергей КОЛЕСНИК.

А было так...

В ПРЕДГОРЬЯХ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

**Войска НКВД в системе обороны Северного Кавказа
(1942 — 1943гг.)**

Разгром немецко-фашистских войск на юге страны стоит в ряду крупных операций Великой Отечественной войны. Битва за Кавказ, как и проходившее одновременно сражение на Волге, внесла значительный вклад в общую победу над врагом.

Боевые действия проходили в неимоверно трудных условиях. Численно превосходящие силы противника рвались к предгорьям Главного Кавказского хребта и черноморскому побережью. Как и части Красной Армии, войска НКВД оказались изолированными от центральных баз и были лишены возможности в кратчайшие сроки снабжаться вооружением и продовольствием.

Для более оперативного руководства войсками на Северном Кавказе 8 августа 1942 года создается Северная группа войск Закавказского фронта под командованием генерал-лейтенанта И. Масленни-

кова. В ее составе находились представители около 40 национальностей и народностей нашей страны, в некоторых частях количество бойцов и командиров нерусской национальности превышало 40 процентов, в боевых порядках действовали 8 национальных дивизий и ряд других воинских формирований горских народов. Перед войсками ставилась задача максимально изматывать противника, пресекая его усилия по продвижению вперед, и параллельно в кратчайшие сроки оборудовать мощный оборонительный рубеж в предгорьях центральной части Главного Кавказского хребта.

В этот сложный период боевых действий И. Сталин направил на Кавказский фронт представителем Ставки Л. Берия. После поверхностного изучения обстановки он в директиве от 28 августа 1942 года всю ответственность за неудачи обо-

роняющихся войск возложил на командование 46-й армии. Пользуясь безграничной властью, он потребовал от генерала армии И. Тюленева согласовать с ним все действия по руководству обороной Северного Кавказа. С этого момента все документы штаба фронта представлялись лично Л. Берии для принятия окончательного решения, что означало фактическое подчинение штаба фронта представителю Ставки. Это волонтаристское, ничем не оправданное решение еще более осложнило оперативное-тактическое управление войсками. Стало правилом, когда Берия и его помощники отдавали распоряжения обороняющимся войскам, минуя штаб Северной группы войск. Такая практика вносила разобщенность в действия воинских формирований и не давала возможности генерал-лейтенанту И. Масленникову эффективно использовать усилия обороняющихся частей по отражению наступления противника. Однако командующий группой войск, а в недавнем прошлом — заместитель Л. Берии, хорошо изучивший норы своего бывшего шефа, даже и не пытался воспрепятствовать решениям, принимаемым наркомом внутренних дел.

Анализ архивных документов дает основания полагать, что одной из предпосылок личного участия Берии в руководстве боевыми действиями на Северном Кавказе и в организации системы обороны перевалов Главного Кавказского хребта явилось стремление высшего руководства ни в коем случае не допустить прорыва немецко-фашистских войск через горные перевалы в Закавказье, на родину "всемогущих властителей". Для достижения этих целей нарком, кроме безграничной власти, имел достаточно средств и для поощрения, в том числе и материального. Награждали жителей Сванетии за борьбу с фашистами в горах и деньгами. Приказом Л. Берии было выделено 200 тысяч рублей, в нем же указывалась конкретная сумма за взятого в плен или убитого фашиста.

Непосредственное руководство оборонной 175 перевалов Главного Кавказского хребта осуществляла созданная по приказу наркома внутренних дел оперативная группа войск НКВД под руководством генерал-майора И. Петрова. Для обороны каждого горного прохода назначались командиры оперативно-чекистских групп, которые являлись главными оперативными начальниками данного района, им же подчинялись все действующие на этом участке войсковые части и соединения. Таким образом, штаб Северной группы войск Закавказского фронта фактически был отстранен от руководства обороной

горных районов Главного Кавказского хребта.

В череде волонтаристских решений были проблески и рационального, продиктованные предшествующей деятельностью шефа чекистов. В целях недопущения дальнейшей конфронтации в структуре управления, объединения усилий обороняющихся войск на самых ответственных участках был установлен порядок взаимодействия частей Красной Армии и войск НКВД. В директиве командующего Северной группой войск Закавказского фронта от 23 августа 1942 года определялись задачи всем обороняющимся частям по отражению наступления врага в центральной части предгорных районов Северного Кавказа.

Для создания дополнительных укреплений по рекам Терек, Урух 25 августа 1942 года были образованы Владикавказский, Грозненский и Махачкалинский особые оборонительные районы. Отдельно ставились задачи по созданию Нальчикского укрепрайона, который 8 августа 1942 года оказался в непосредственной близости от линии фронта. Учитывая важное стратегическое значение станции Гудермес, которая являлась ключевым звеном железнодорожной магистрали Грозный-Махачкала, город с его окрестностями был выведен из Грозненского района обороны в самостоятельный укрепрайон. Такая же участь постигла и город Дербент, находящийся в Махачкалинском оборонительном районе.

Основу их боевой мощи составили сформированные по приказу Л. Берии стрелковые дивизии войск НКВД: Орджоникидзевская (генерал-майор В. Киселев), Грозненская (генерал-майор Н. Никольский), Махачкалинская (генерал-майор В. Хоменко, а с 5 октября полковник М. Титков). Оборона Нальчикского укрепрайона была возложена на части 11-й стрелковой дивизии внутренних войск. Гудермесский укрепрайон обороняла 19-я дивизия войск НКВД (полковник Н. Подоляко).

Попытка генерала армии И. Тюленева получить у Л. Берии разрешение на подчинение войск НКВД штабу Северной группы войск Закавказского фронта оказалась неудачной. Нарком внутренних дел не пожелал разделить лавры за защиту родины вождя всех времен и народов с армейским командованием. Угрожая командующему фронтом за непослушание более жесткими мерами, запретил передачу внутренних и пограничных войск и отдал приказ, в котором войскам НКВД отводилась решающая роль в защите особых районов обороны. Начальниками, на которых Л. Берия и возложил всю ответст-

венность за подготовку укрепрайонов к обороне, были назначены командиры стрелковых дивизий. Численность войск НКВД особых районов обороны Северного Кавказа составляла около 80 тысяч человек, они имели возможность пополняться с десяти тысячным резервом.

Образование параллельной структуры управления войсками во многом предопределило нерешительность генерала армии И. Тюленева и генерал-лейтенанта И. Масленникова — что на первых порах создавало трудности и приводило к разобщенности в действиях командиров при принятии коллективного решения и организации взаимодействия.

Л. Берия умело использовал в своих целях ошибки и просчеты генералов в руководстве полевыми войсками и дал понять, что в случае дальнейшего противодействия к ним будут применены репрессивные меры, маховик которых крутился в то время в полную силу.

Заняв оборону, войска не имели права отходить без особого на то распоряжения Л. Берии. Запрещалось использовать их и в боевых порядках действующей армии. Представитель Ставки всячески выпячивал перед руководством страны исключительно важную роль свою и войск своего ведомства на этом плацдарме.

В случае отхода полевых войск в особые оборонительные районы они должны были отводиться на фланги укрепрайонов и составлять 2, 3-й эшелоны обороны с задачей совместно с частями войск НКВД уничтожить противника.

Для усиления боеспособности особых укрепрайонов в оперативное подчинение

командирам дивизий войск НКВД из состава Северной группы войск и резерва Закавказского фронта было передано около 34 соединений, частей и подразделений Красной Армии. Это позволило Л. Берии в каждом районе обороны создать силы, равные армейской группировке. Пополнение численности обороняющихся войск шло как за счет ополчения, так и из резерва войск НКВД и отходящих частей. Большую помощь в доукомплектовании войск оказали комитеты обороны горских национальных республик. В составе обороняющихся войск находились оперативные, горно-стрелковые и другие формирования горцев, около 95 партизанских, разведывательно-поисковых и горно-вьючных отрядов, 80 бригад содействия, более 45 групп подрывников и охраны.

Командиры соединений войск НКВД в короткий срок установили железный порядок в прифронтовой полосе и в укрепрайонах, повысили дисциплину и организованность подчиненных им частей, тем самым создали необходимые предпосылки успешной работы по возведению мощных оборонительных сооружений. Немаловажная роль в наведении прифронтового порядка отводилась войскам НКВД по охране тыла укрепрайонов. При активной помощи добровольческих формирований горцев за 2 месяца в укрепрайонах они задержали около 1450 дезертиров и 1650 бандитов.

По решению национальных комитетов обороны республик Северного Кавказа около 120 тысяч человек трудоспособного населения, в том числе значительная часть беженцев, были мобилизованы на

работы в укрепрайонах. Сейчас известно, что нередко при этом применялись меры принуждения. За период создания оборонительных сооружений всеми видами служебных нарядов войск НКВД было задержано 9410 уклонистов, бежавших с объектов работ, которые большей частью возвращались обратно.

Каждый укрепрайон состоял из трех рубежей обороны, включал в себя систему узлов сопротивления, опорных пунктов и передовых огневых участков, минных и проволочных заграждений. Мощные укрепления возводились на всем протяжении Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог. К началу боевых действий оборонительные работы в укрепрайонах, за исключением Нальчикского, где создание инженерных сооружений считалось второстепенным, были выполнены на 95 процентов.

Позднее, в 1944 году, на выставке в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева наряду с боевыми документами Сталинградской и Курской битв демонстрировались рабочие карты и схемы обороны Орджоникидзевого и Грозненского особых оборонительных укрепрайонов, которым военные специалисты дали высокую оценку.

Значительные мероприятия были проведены по доукомплектованию войск техникой и вооружением, созданию необходимых запасов продовольствия и вещевого имущества. Важную роль в материально-техническом оснащении обороняющихся войск сыграли заводы горских национальных республик. Меры, предпринятые штабом Северной группы войск и комитетами обороны по повышению боеспособности укрепрайонов, позволили обеспечить соотношение сил на Орджоникидзевском и Грозненском направлениях в пользу наших частей (исключая танковые части и авиацию).

Несколько иная обстановка сложилась в Нальчикском укрепрайоне, который защищали малочисленные по составу части 11-й стрелковой дивизии войск НКВД и находившиеся в их оперативном подчинении подразделения Красной Армии. Это явилось следствием грубых просчетов командования 37-й армии, считавшего направление второстепенным. Да и штаб армии, расположенный здесь, охранялся незначительными силами войск прикрытия.

В подобной ситуации 11-я стрелковая дивизия войск НКВД уже находилась в августе 1942 года, когда воины-чекисты заняли неподготовленный для обороны район Минводы — Эссентуки, где им пришлось отбивать первые атаки превосхо-

дящих сил противника. В дивизии имелось всего 8 орудий и не было ни одного миномета, противотанкового ружья, но отважные воины в течение трех дней удерживали занимаемые позиции. В донесении об итогах боев указывалось, что накануне и в период сражений продолжалась межведомственная борьба за подчиненность обороняющихся войск. Необходимость одновременно выполнять несогласованные приказы НКВД и штаба армии приводила к большим потерям и снижала эффективность боевых действий. Однако мужество и храбрость воинов все-таки позволили на несколько дней задержать продвижение противника.

Важные задачи выполняла 11-я стрелковая дивизия войск НКВД и по обороне г. Нальчика. Отдельные ее полки защищали г. Алагир, Военно-Осетинскую дорогу. Несмотря на значительное превосходство противника в живой силе и технике, отважные воины-чекисты в течение трех дней вели ожесточенные бои в городе и окрестностях, оборонялись до последней возможности. "Многие красноармейцы проявили исключительное упорство и мужество в бою", — указывалось в докладе командующего 37-й армией генерала П. Козлова штабу фронта.

Преодолев оборону Нальчикского укрепрайона, немецко-фашистские войска вышли к внешнему обводу Орджоникидзевого особого оборонительного района, система круговой обороны которого представляла собой "огневой диск". В ее создании был использован опыт генерал-майора В. Киселева, накопленный им в ходе боев с фашистами при обороне испанского города Альмерия.

В районе Орджоникидзе, на участке по фронту не более 12-15 километров, немецко-фашистские стратеги сосредоточили значительные силы: две танковые и две горно-стрелковые дивизии, мотоциклетный, пехотный полки и другие части. В течение четырех дней войска вермахта безуспешно пытались овладеть Орджоникидзе и выйти к Военно-Грузинской дороге. Этому не суждено было сбыться.

6 ноября 1942 года части 10-го и 11-го стрелковых корпусов действующей армии нанесли мощный фланговый контрудар по Гизельской группировке противника и вынудили его перейти к обороне.

На следующий день подразделения войск НКВД, во взаимодействии с частями Красной Армии, перешли в решительное наступление и 10 ноября захватили Гизель. В непрерывных боях 11-я дивизия показала себя боевым, сплоченным соединением. "Бойцы проявили героизм, отвагу и мужество," — отмечалось в докладе

председателя комитета обороны Н. Мазина. За стойкость и мужество в боях на ближайших подступах к Орджоникидзе 72 человека были удостоены государственных наград.

Разгром ударной группировки противника в районе Гизели явился чрезвычайно важным этапом битвы за Кавказ, после которого гитлеровцы окончательно утратили инициативу в боевых действиях. Началось мощное наступление частей Красной Армии на Северном Кавказе. В их составе героически сражались Сухумская, 1-я отдельная стрелковые дивизии и другие части войск НКВД.

В боевых действиях многие бойцы-чекисты являли собой образцы мужества и героизма. Из 12 воспитанников внутренних войск, закрывших грудью амбразуры вражеских дзотов, П. Барбашев и П. Гужвин этот подвиг совершили в боях с фашистами на Северном Кавказе, за что им было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. За мужество и отвагу в боях с захватчиками на Кубани этого звания удостоился сержант 26-го полка войск НКВД П. Таран. За умелое руководство штурмовыми группами по овладению восточным берегом Керченского полуострова майору И. Воронкову было присвоено звание Героя Советского Союза. В сражениях на Кубани этого звания удостоен рядовой В. Лазаренко. В ходе наступательных боев под Орджоникидзе пал смертью храбрых выпускник Орджоникидзевского военного училища войск НКВД А. Климашевский, который закрыл собой капитана Г. Алейникова.

Массовый героизм при прорыве обороны Голубой линии противника проявили бойцы 290-го полка войск НКВД, которому впоследствии было присвоено наименование Новороссийского, а командир полка подполковник И. Пискарев удостоен звания Героя Советского Союза.

В ходе боевых действий на Северном Кавказе воины-чекисты показали способность в трудных условиях сдерживать наступление противника и совместно с частями Красной Армии наносить ему поражение. Из более полумиллиона человек, награжденных медалью "За оборону Кавказа", около 120 тысяч были бойцами войск НКВД. Их роль в разгроме немецко-фашистских войск на Северном Кавказе очевидна и неоспорима.

Подполковник милиции В. СИДОРЕНКО,
кандидат исторических наук.

Фото из фондов Центрального музея
внутренних войск МВД России.

Календарь

Август в истории войск

1864

Упразднен Отдельный корпус внутренней стражи. На базе частей внутренней стражи сформированы местные войска.

1923

В войсках ГПУ сформированы автоброне-дивизионы.

1939

Введено в действие Положение об исторических формулярах частей и соединений войск НКВД.

1941

Присвоено звание Героя Советского Союза санинструктору А.А.Кокорину (посмертно) и старшему политруку Н.М.Руденко (14-й Краснознаменный мотострелковый полк войск НКВД), совершившим подвиг в районе ст. Хиитола.

1942

Сформированы Орджоникидзевская, Грозненская и Махачкалинская стрелковые дивизии войск НКВД, предназначенные для обороны Военно-Грузинской дороги, городов Орджоникидзе (ныне Владикавказ), Грозного, Махачкалы и Дербента.

1944

Сформировано двадцать полков конвойных войск НКВД с задачей: эвакуация военнопленных из прифронтовой полосы, охрана лагерей военнопленных и вывод их на работу.

1945

Создана Сортавальская школа усовершенствования офицерского состава войск НКВД (с 1951 г. — Сортавальское военное училище внутренних войск МГБ). Расформирована в 1953 г.

1970

Части внутренних войск приняли участие в проведении карантинных мероприятий во время вспышки холеры в Астраханской области.

1971

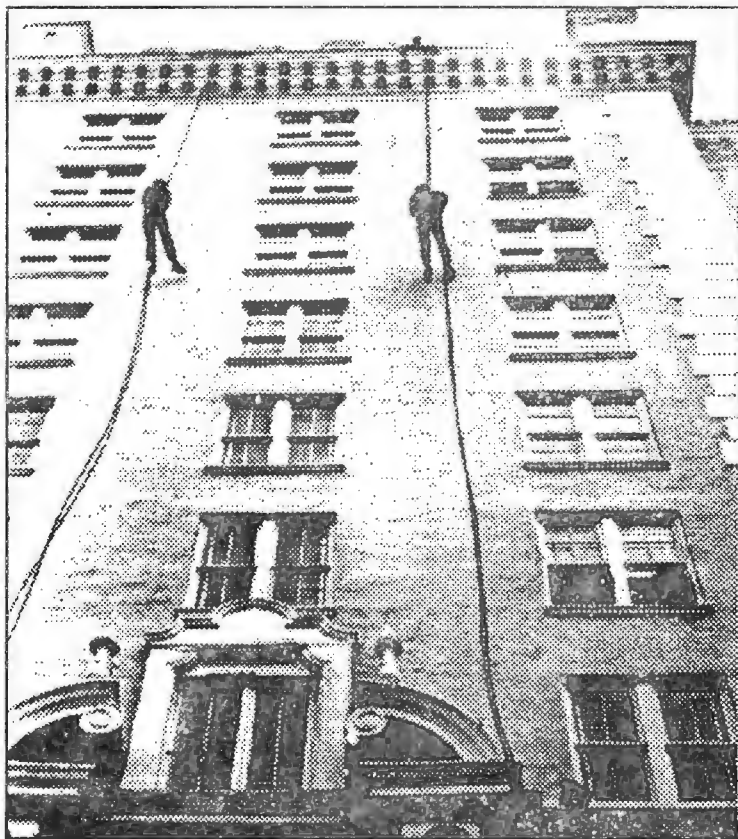
Утверждено Положение о военном совете внутренних войск МВД СССР.

1991

Президентом РСФСР подписан Указ "О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР".

Информация предоставлена
Центральным музеем
внутренних войск МВД России

ОТРЯД "ДЕЛЬТА"

"Спецназ может добиваться стратегических результатов, если будет руководствоваться творческой безжалостностью".

Фельдмаршал СЛИМ
(Англия).

Уместно напомнить, что история одного из лучших в мире спецподразделений — группы "Дельта" неразрывно связана с именем ее "крестного отца" полковника Чарльза Беквита: на таких энтузиастах, как правило, все и держится, они возвращают Землю. И потому, мне кажется, нелишним будет хотя бы кратко рассказать о нем. Его служебный путь к высокому чину, к признанию был столь же тернист и многотруден, сколь и деятельность по созданию "Дельты". Подобно Виктору Франкенштейну, он буквально вдохнул жизнь в свое детище, слепив по крохам. Потратив на это без малого пятнадцать лет. Впрочем, недаром: результат — налицо. Да и с самим Беквитом не поступили так, как в России с бывшим командиром "Альфы" генералом Карлухиным. А начал свою карьеру Чарли в красном берете офицера воздушно-десантных войск США. В знаменитой, старейшей, доблестной 82-й дивизии, гордо носящей девиз "По воздуху, только по воздуху!" и эмблему "кричащий орел". Через три года, в

пору становления "зеленых беретов", он перешел в спецназ. И весьма удачно. После того, как кресло президента Соединенных Штатов занял Джон Кеннеди, служба в спецназе из просто почетной превратилась в очень престижную: государство щедро жаловало людей добросовестных и честных, не скупилось ни на чины, ни на награды, ни на деньги.

В начале 60-х годов руководители американских "зеленых беретов" и английской САС — специальной авиадесантной службы заключили взаимовыгодный договор об обмене военнослужащими. В интересах дела, конечно. Каждая сторона направляла партнеру на год двух человек — офицера и сержанта. Первым посланцем-янки стал командир 7-й группы "зеленых беретов" полковник Эдвардс, вторым на берег туманного Альбиона ступил капитан Беквит. Познакомившись со службой в 22-м полку САС, Чарли был потрясен. Увиденное превзошло все его ожидания. Оно и понятно. Ведь, начиная с 1948 года, английские командос де-

сять лет вели боевые действия в джунглях Малайзии против партизан. И капитан Беквит вочию убедился и на собственной шкуре испытал, как британцы профессионально использовали свой опыт и умело извлекали полезные уроки из допущенных в прошлом горьких ошибок и просчетов. Разработанная ими надежная система отбора кандидатов и их последующего обучения позволяла за полтора года готовить настоящих "профи" (по критериям тех лет, разумеется). Продумано и предусмотрено было практически все, вплоть до мелочей, которые, между прочим, при ближайшем рассмотрении тоже приобретали особую значимость. К примеру, свой головной убор — зеленый берет — Беквит получил на складе в Форт-Браге. Вместе с другим положенным ему обмундированием. А в Англии он с удивлением узнал, что почетное право носить берет нужно заслужить потом и кровью. Вот вам и мелочь. Важная? Безусловно.

Несколько подробнее о содержании испытательной системы в САС, поскольку многое из нее взяли впоследствии на вооружение и американцы. В течение первого десятидневного этапа отбора новобранцев проверялись физические данные и умение ориентироваться на местности. Зато следующие десять суток не отличались особым разнообразием экзаменов и состояли исключительно из марш-бросков с контролем времени. Причем дистанция последовательно увеличивалась с 10 до 74 км, а вес снаряжения — с 23 до 32 кг. К началу заключительного теста (74 км плюс 32 кг) кандидаты уже полностью выдыхались. Даже подумать было страшно о том, что им еще предстоит. Да они и не ведали толком, какие сюрпризы припасли для них бывалые инструкторы. Как правило, маршрут проходил по горной местности, контрольные точки располагались на удалении 8-12 км одна от другой. На все про все отводилось 20 часов, но и эта информация держалась в секрете, поэтому никто не знал, с какой скоростью надо бежать, чтобы успеть к финишу вовремя. Разумеется, строгие и беспристрастные экзаменаторы понимали, что примерно через десять-двенадцать часов марш-броска силы бойца предельно истощаются, и тогда он неосознанно начинает искать возможность отдохнуть, замедлить темп. С одной стороны, это было совершенно естественно, но, с другой, именно подобные люди в САС и не попадали. Неоправданно жестко, зато жестко оправданно, ибо у оставшихся неожиданно выявлялись такие качества, о наличии которых они и сами раньше не догадывались. Кстати, едва начав службу в полку, капитан Беквит получил кличку Волдырь за то, что во время первого же марш-броска сбил ноги до кровавых мозолей. Однако выдюжил, не сошел с дистанции. Затем новичков подвергали проверке их будущие командиры и психологи. Предлагались далеко не простые вводные, например: "Ты — старший группы, тебе поручено взорвать нефтеперерабатывающий завод. По дороге к объекту вы внезапно

наткнулись на двух девчушек — четырнадцати и двенадцати лет: очевидный шанс провалить задание. Что предпринять? Убить? Взять с собой? Связать и оставить на месте?". Правильных ответов не было, а зачастую их и быть не могло, так как задачи в принципе не имели реального и сиюминутного решения, но офицеров больше интересовал не результат, а сам ход, логика мыслей кандидата.

Между командирами и подчиненными в полку складывались и культивировались довольно непривычные для американских спецназовцев взаимоотношения. Допустим, существовала традиция — каждую субботу пить пиво в сержантской столовой, где можно было честно, в глаза сказать офицеру все, что о нем думаешь. Не опасаясь нежелательных последствий. Однажды капитан Беквит замешкался по тревоге, его дозор вышел из лагеря последним и не выполнил контрольный норматив. Офицеры тогда вежливо промолчали, памятуя о законе гостеприимства, а вот не столь деликатные сержанты в ближайшую же субботу подошли с пивом к его столику и сказали: "Вы болван, Волдырь. В следующий раз пошевеливайтесь". Попробуйте спроецировать подобную ситуацию на российский спецназ и представить, что слегка захмелевший боец той же "Альфы" подойдет к офицеру и рубанет напрямки: "А вы, дядя, оказывается, недотепа и дилетант. Вчера по вашей милости чуть не угробили двух отличных парней". Всякий смельчак, безрассудно отважившийся на такое заявление, вылетит из элитарного подразделения, как пробка из бутылки, да еще и с волчьим билетом. Зато практикуется другое: уходит в отставку командир, и обязательно найдутся подчиненные (чаще из тех, кто прежде лебезил и поддакивал), которые плюнут ему вдогонку. Да не обвинят меня в непатриотизме, но английский вариант кажется мне более предпочтительным, нежели родимый, российский. Однако речь не об этом.

Особое внимание капитана Беквита привлекла организационная структура САС, идею которой выдвинул в годы второй мировой войны "крестный отец" бойцов САС командос майор Давид Стерлинг. Он предложил создать группы из 16 человек, достаточно гибкие, чтобы быть поделенными на 2 дозора по 8 человек, на 4 по 4 либо на 8 по 2. Кстати, не секрет, что во время войны во Вьетнаме британские "профи" приезжали к американцам для участия в боевых действиях. Даже известен случай, когда всего лишь пять (неполный дозор) бойцов САС в течение пяти (!) суток преследовали в джунглях своих же коллег из стана противника, причем явно превосходящих их количеством. Стало быть, не уступили пальму первенства и на чужой территории, воюя не числом, а умением. "Зеленые береты" по достоинству оценили золотое правило английского спецназа — оружие из рук в боевой обстановке не выпускать ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае не вешать автомат на плечо. Недаром же ружейный ремень в САС не был предусмотрен аж с 1948

года, когда поняли: считанные секунды на снятие оружия с плеча могут стать последними в жизни бойца. Наставления САС поразили Беквита лаконичностью и простотой: они легко заучивались наизусть. Не можешь запомнить — скатертью дорога, добровольцев, более понятливых и толковых, хоть отбавляй.

Вернувшись со "стажировки", инициативный американец сразу же попытался убедить руководство в необходимости создания в стратегических интересах США аналогичного формирования. Его поддержал начальник инструкторского отдела в Форт-Беннинге Джон Шаликашвили (сегодня он занимает высокий пост в Пентагоне, именно при его содействии и покровительстве грузинский спецназ Эдуарда Шеварднадзе прошел подготовку у "зеленых беретов" в Форт-Браге). Летом 1965 года Чарли в составе 5-й группы спецназа оказался во Вьетнаме, на базе в Ня-Транге, и возглавил отряд Б-52 "Дельта". Однако, когда он изложил свои требования к личному составу и сказал, что насильно никого не держит, из тридцати человек у него в подчинении осталось лишь семеро. Трудности всегда стимулировали, раззадоривали Беквита, и он, не теряя времени попусту, тут же направил в 90 подразделений спецназа свое "рекламное объявление": "Требуются добровольцы в "Дельту", гарантированы медали, гробы или то и другое". Заманчиво, не правда ли? И вскоре его свежеспеченный отряд из 40 командос, разбившись на группы по 4 человека (школа САС), уже выполнял боевые задачи, чаще всего — разведывательного характера. Война не щадила Беквита, да Бог милował: сначала он был тяжело ранен в живот, потом, излечившись, еще трижды падал в подбитых вертолетах, получая травмы и увечья. Но каждый раз быстро возвращался в строй.

В 1970 году Чарли со своими "зелеными беретами" принял участие в операции по освобождению военнопленных пилотов сбитых самолетов ВВС США. Готовились тщательно, но не лыком шитая вьетнамская разведка упредила эту акцию — лагерь оказался пуст. Однако накопленный опыт организации пригодился позднее, когда Беквит командовал спецподразделением, искавшим в Таиланде своих пленных соотечественников. Кстати сказать, крутые боевики "Пропавшие без вести" и "Подразделение "Дельта" довольно близко к действительности рассказывают об этих операциях. В 1974 году полковник Беквит возглавил учебную часть в школе спецназа в Форт-Браге, не отказавшись от заветной цели. Но пройдет еще долгих три года, пока руководство Пентагона примет решение о создании "Дельты". Сначала от полковника потребовали разработать проект, в котором "показать способности подразделения для освобождения заложников, возможности действовать при плохой видимости... и маскироваться". Потом возникли разногласия по структуре — то ли скопировать САС, то ли взять за образец собственных рейнджеров. Бойцы "Дельты" должны были научиться проникать в осажден-

ные здания и захваченные самолеты, быть снайперами, подрывниками, альпинистами, врачами, слесарями, водителями, электриками, владеть иностранными языками и в любой ситуации действовать быстро, решительно, самостоятельно. Главная цель — борьба с профессионалами, считающими террор делом своей жизни. Словом, 19 ноября 1977 года полковник Чарльз Беквит поздравил себя с успехом и "Дельту" с днем рождения.

Лагерь спецподразделения, окруженный двойным ограждением из колючей проволоки, разместили в Форт-Браге. И тут же хлынул поток заявлений от добровольцев. В первом списке оказалось 150 человек, почти все ветераны войны во Вьетнаме. По документам отобрали лишь 30 (по штату требовалось 60). И это было только начало. Кандидатов ждал жесткий экзамен по физической подготовке, состоящий из шести этапов, один другого сложнее. Среди прочих тестов парням предстояло, в частности, присесть 37 раз за минуту, проползти 36 метров за 25 секунд, отжаться в упоре лежа 33 раза за минуту, пробежать две мили за 16 с половиной минут и проплыть 100 метров в полной выкладке. Достаточно сказать, что после марш-броска на 18 миль осталась половина волонтеров. Им и "посчастливилось" испытать на себе то, через что прошел в молодости их шеф Беквит — отборочный курс по программе САС. И начался он опять же с марш-броска по лесам, горам и быстрым рекам, с картой, компасом и... двадцатипятикилограммовым рюкзаком. От одного пункта сбора к другому. Без передышек. И так — двое суток! С теми, кто выдержал, провели четырехчасовое собеседование. Затем подвергли их психологическим тестам, выявляя людей, обладающих волей, проявляющих инициативу, способных выживать в любой среде. Характерное обстоятельство: кандидат, убежденный в том, что он не имеет никаких слабостей и недостатков, безжалостно отсеивался. Короче говоря, к финишу отборочного марафона пришли всего 7 человек. Капля в море. Офицеры в поисках будущих "профи" объехали всю Америку и даже побывали в Европе у командира 10-й группы "зеленых беретов" (Бад-Тельц) Отара Шаликашвили, после чего провели второй проверочный курс: из шестидесяти добровольцев на этот раз осталось пятеро. Тоже не густо. Проанализировав ситуацию, Беквит сделал вывод, что на отбор, оценку, индивидуальное и групповое обучение "Дельте" потребуется еще, как минимум, полтора года. И ошибся: жизнь внесла свои существенные коррективы. Забегая вперед, скажу, что опыт подготовки российского спецназа свидетельствует о том, что оптимальный срок формирования и сколачивания боеспособного подразделения — пять лет. Именно столько и тренировались первые 30 бойцов-офицеров "Альфы" до действительно серьезного экзамена — штурма дворца Амина в Афганистане.

Слишком уж высокие требования предъявля-
ет к людям необходимость эффективного про-

тивостояния терроризму. "Профи" Беквита должны были иметь железную выдержку и безудержную агрессивность, действовать по приказам и без них, под жестким командованием и самостоятельно, выдерживать длительные физические нагрузки, уметь вести за собой и подчиняться, быстро перестраивать работу организма, нервной системы с дневного на ночной режим работы и уж, естественно, метко стрелять. К примеру, так, чтобы со ста ярдов тремя пулями поразить мишень размером с бычий глаз. И это, конечно же, далеко не полный перечень обязанностей сотрудников спецподразделения "Дельта". В "Черной книге" — своеобразном унифицированном уставе — бойцу отводится около 60 пунктов! Заучить их — и то непросто, а уж соответствовать каждому критерию и подавно. 3 ноября 1979 года на полигоне в Форт-Стевард отряд блестяще провел показательные учения по борьбе с террористами, заработав высший балл командования. Но порадоваться своему успеху не успели. Уже утром следующего дня Беквит узнал о захвате в Тегеране заложниками более полусотни американских граждан и понял, что наступил его час. Операцию, одобренную не только Пентагоном, но и лично президентом США Джимми Картером, назвали "Орлиный коготь", а сам полковник получил кодовое имя Орел (совсем другое дело, не то что Волдырь в далеком 1962 году в САС). Планировалось пролететь тысячу миль над территорией Ирана, рискуя быть сбитыми, затем в центре четырехмиллионного Тегерана с враждебно настроенным населением за 45 минут одновременно взять штурмом два объекта — усиленно охранявшееся посольство США, где находились 50 заложников, и МИД Ирана, где держали еще троих. Учитывая, что базу спецназа в Форт-Брагге постоянно контролировали советские спутники-шпионы, для тренировок использовался запасной лагерь. Изготовили подробный макет посольства, изучили план каждого этажа вплоть до подвала, расположение всех ста комнат. Вес бойца с экипировкой был тщательно рассчитан и составил 120 кг. Однако операция закончилась, едва успев начаться: удача изменила Орлу и его "орлятам". Два вертолета с авианосца "Нимиц", предназначенные для транспортировки бойцов "Дельты", попали в песчаную бурю и не долетели до места встречи, восемь пилотов погибли. И Беквит, произведя в уме нехитрые арифметические подсчеты, пришел к выводу, что если в ходе штурма будут сбиты (а это вполне реально) еще два борта, он просто не сможет эвакуировать из Тегерана всех людей. Слишком велик был риск, и операция отложили. Любопытный факт: на следующий день после совсем не триумфального возвращения спецназовцев посетил президент Картер, побеседовал с каждым бойцом и заявил: "Я очень сожалею, что не познакомился с людьми из "Дельты" ранее. На меня произвела большое впечатление встреча с ними. Не знаю, есть ли у нас еще люди, готовые принести

в жертву все ради интереса своей страны. Я горд тем, что мы имеем таких людей".

Поскольку основная тяжесть вины за провал операции "Орлиный коготь" легла на плечи вертолетчиков, Пентагон решил создать мобильную вертолетную часть, способную участвовать в любых тайных акциях. Сказано — сделано: и родилась оперативная группа "Ночные охотники" с девизом "Смерть приходит на рассвете" и задачей обеспечения боевых действий отряда "Дельта". Малоопытный, на первый взгляд, девиз объяснялся просто. Как правило, полеты проводились в темное время с приборами ночного видения. Не уложились — утро может стать последним: все вертолеты начинены взрывчаткой, чтобы при необходимости уничтожить улики одним лишь нажатием кнопки. Одежда гражданская, документов нет. Остался жив — выбирайся как можешь, полагаясь только на мачете, которое не нуждается в смазке и не ржавеет. Следует сказать, что в 1983 году "Ночные охотники" потеряли семнадцать пилотов, но тем не менее подразделению присвоили звание "Выдающийся отряд года". Именно тогда "Дельта" участвовала в событиях на Гренаде. Она скрытно десантировалась на остров за двое суток до начала вторжения с задачей захватить ключевые объекты и участки местности и обеспечить успешную высадку основных сил.

Сегодня в "Дельте" чуть более двухсот человек — добровольцы, лучшие из лучших, гордость американской армии. Главным отличием в подготовке крутых парней в сравнении с их предшественниками считается физическая и психологическая готовность убивать без малейших сомнений. Причем преимущество отдается выстрелу в голову. Это и "фирменный знак", и "визитная карточка "профи". Поэтому при отборе кандидатов инструкторы отдают предпочтение бойцам, которым уже довелось продемонстрировать, доказать свою жестокость в экстремальной ситуации. Арсенал приемов рукопашного боя относительно невелик — около трех десятков наиболее эффективных. Во время их разучивания парню дают одну-две "минуты ярости", когда он готов голыми руками развалить спортивный тренажер на мелкие куски. Однако, в отличие от своих российских коллег, умение метко стрелять они ценят намного выше навыков мордобития. Вот почему при стрельбе из снайперской винтовки "Ремингтон" с двенадцатикратно увеличивающим прицелом на дистанции 914 м допускается всего один промах, а по цели размером с бычий глаз с 550 м и вовсе мазать нельзя. Не случайно же на огневую подготовку уходит примерно четыре часа в день. Девиз "Дельты": "Быстрота — неожиданность — успех!". И, слава Богу, делить нам с ней нечего. Куда уж лучше сотрудничать. Тем паче что боевой работы на всех хватит.

Майор милиции
С. ДРЕСВЯНИН.

Великие военачальники России

ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ

К 250-летию со дня рождения

Жизнь и деятельность М.И. Кутузова протекала во второй половине XVIII и начале XIX века. Это было время больших перемен в сфере общественно-политических отношений, период длительных и кровопролитных войн, следовавших одна за другой. Кутузов участвовал во многих из них. И показал себя с самой лучшей стороны. С особой силой его военный гений проявился в годы борьбы с наполеоновской агрессией. В грозную пору 1812 года он возглавил вооруженные силы России. Под его руководством русская армия не только положила предел захватническим устремлениям Наполеона, остановив вражеское наступление, но и нанесла сокрушительное поражение противнику.

Теоретическое и практическое наследие Михаила Илларионовича огромно, а его заслуги перед Родиной неоспоримы. Как же формировался полководческий характер этого незаурядного человека?

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5 сентября 1745 года в Петербурге. Двойная фамилия его образовалась еще в XV веке, когда одного из Кутузовых прозвали в народе "Голенище". Отец полководца — Илларион Матвеевич был крупным военным инженером и разностронне образованным человеком. По его проектам и под его руковод-

М.И. КУТУЗОВ

*Портрет работы художника Дж. Доу. 1829.
Государственный Эрмитаж.
Санкт-Петербург.*

ством проводилось укрепление государственных границ и строительство крепостей. Начав военную службу при Петре I, Илларион Матвеевич пробыл на ней более 30 лет.

Михаила Кутузова готовили к военной деятельности с раннего возраста. В 12 лет его отдали в Инженерную школу, которая была основана в 1712 году Петром I. Это был центр инженерной мысли в России. Ее воспитанниками в разное время были военные инженеры А.Теляковский и Д.Карбышев, герой Порт-Артура Р.Кондратенко, писатель Ф.Достоевский, ученые И.Сеченов и П.Яблочков, композитор Ц.Кюи. Кутузов получил в школе основательную подготовку и закончил весь курс досрочно. Его оставили работать при школе, где он в 14 лет обучал кадетов математике. Однако энергичного и честолюбивого юношу вовсе не привлекала преподавательская работа, он мечтал поскорее познать боевую жизнь армии. Через полтора года он был произведен в прапорщики и направлен на строевую службу командиром роты в Астраханский пехотный полк под Петербургом.

В то время еще шла Семилетняя война (1756-1763 гг.), в которой принимали участие с одной стороны Англия и Пруссия, с другой — Франция, Австрия, Россия, Саксония и Швеция. Англия и Франция воевали из-за колоний, Пруссия стремилась захватить Саксонию, Чехию, Курляндию и оттеснить Россию от Балтийского моря. Австрия хотела полного разгрома Пруссии, а Россия намеревалась нанести поражение Пруссии и устранить угрозу своей западной границе. В этой войне прусская армия успешно воевала против французской и австрийской армий, которые вели боевые действия пассивно, рассчитывая на истощение противника путем маневрирования. Русская же армия наголову разгромила прусскую, предопределив окончательное поражение ее в Семилетней войне. Кутузов непосредственно не участвовал в этой войне, но живо интересовался ходом событий, тщательно следил за важнейшими сражениями. Так, он обратил внимание на построение пехотных колонн, их рассыпной строй, на использование новых боевых порядков.

Около года Кутузов командовал ротой, затем был назначен адъютантом к ревельскому генерал-губернатору принцу Гольштейн-Бекскому. Но адъютантская служба его не привлекала, и в 1764 году он уже был с русскими войсками в Польше.

Важным этапом в военной биографии Кутузова явилась русско-турецкая война

(1768-1774 гг.). В это время он был оберквартирмейстером корпуса в армии П.А.Румянцева и занимался разведкой, рекогносцировкой, организовывал марши. Примечательно, что его отец — Илларион Матвеевич также служил тогда в этой же армии, имея чин инженер-генерал-майора. В 1770 году Кутузов-младший непосредственно участвовал в боях при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле и других, за что получил высокую оценку командарма и был повышен в чине. 25-летний будущий полководец своим знанием военного дела, энергией и инициативой уже тогда выгодно отличался от многих офицеров. По заслугам и честь: в 1772 году он уже командует батальоном в Крыму. И как командует! По отзыву главнокомандующего Крымской армией генерала В.Долгорукова, солдаты Голенищева-Кутузова превосходили солдат других подразделений своими знаниями и навыками в военном деле, моральным духом. Примером для подражания для них был их командир. В одной из атак под Алуштой он был тяжело ранен в висок и правый глаз. По указанию Екатерины II его лечили за границей — в Германии, Англии и Австрии. Вернувшись на родину, он добился назначения в войска А.В.Суворова, где служил около 6 лет. По ходатайству Александра Васильевича Кутузов был произведен в полковники и назначен командиром полка.

В 1778 году Михаил Илларионович женится на дочери известного в то время генерала И.А.Бибикова — Екатерине. У них было 6 детей (сын и 5 дочерей). С одной из дочерей — Елизаветой был знаком А.С.Пушкин, который писал ей письма, посвящая стихи, рисовал портрет.

В 1787 году начались военные действия Турции против России. И вновь Кутузов в боевой работе доказывает свои блестящие командирские способности. Особенно эффективно сражался возглавляемый им корпус в ходе главных событий, развернувшихся вокруг крепости Очаков и при штурме крепости Измаил. Высокую оценку действий Кутузова и его шестой колонны дал командующий А.В.Суворов. В рапорте Г.А.Потемкину он писал: "Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрость, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и когда превосходящий неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов".

После измаильского штурма значитель-

но возросли известность и авторитет Кутузова. Он был назначен комендантом Измаила и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Участие М.И.Кутузова в многолетних войнах с Турцией имело важное значение в его военной деятельности. Он приобрел боевой опыт, выработал в себе отличные качества военачальника, познал военное дело во всех его деталях. Плодотворную роль в формировании его военных взглядов сыграли крупнейшие русские полководцы П.А.Румянцев и А.В.Суворов. От первого он воспринял одно из основных положений военного искусства: не числом, а умением даются победы. От второго унаследовал твердое убеждение, что главная сила русской армии в ее солдате. Проявляя заботу о солдате, завоевав его доверие и любовь, можно требовать от войск высшего напряжения на войне и побеждать в боях. Обращаясь к войскам, Кутузов говорил: "Пусть всякий помнит Суворова: он учил сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа".

С 1792 по 1794 год Кутузов — чрезвычайный и полномочный посол России в Турции. За это время отношения Турции с Россией значительно улучшились, поднялся авторитет русского государства в этом регионе.

По возвращении на родину его ждет новое назначение — главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, а через год он командующий и инспектор войск в Финляндии.

Позже Кутузов командует экспедиционным корпусом в Голландии, исполняет высокую должность генерал-губернатора в Литве. В данный период он много внимания уделяет укреплению пограничной службы. Все, казалось бы, идет блестяще. И вдруг...

В 1801 году на российский престол вступил Александр I, и вскоре, к великому изумлению многих, Кутузов был освобожден от всех должностей и уволен с военной службы. Дело в том, что молодому царю было тогда 28 лет. Ему хотелось быть не только правителем, но и полководцем. Примером был Наполеон. Однако в то тревожное для России время, когда одна война сменялась другой, царское правительство все же вынуждено было в последующем неоднократно обращаться к генералу от инфантерии М.И.Кутузову с просьбой возглавить русскую армию. Так было во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и в Отечественную войну 1812 года. Назначения эти разряжали крайнее напряжение в армии.

Драматично складывались для Кутузова события начального периода Отечественной войны. Тяжелая стратегическая обста-

новка, недостаток сил и отсутствие резервов заставили главнокомандующего отвести армии в глубь страны. Этим он подготавливал необходимые условия для последующего перехода к активным наступательным действиям. И здесь большое значение для дальнейшего хода войны имело знаменитое Бородинское сражение, в котором очень ярко раскрылось высокое полководческое искусство Кутузова (выбор места для сражения, строительство инженерных сетей, создание невыгодных условий для маневров противника, применение глубокого боевого порядка своих войск, использование резервов и т.д.).

Бородинское сражение 7 сентября 1812 года дорого обошлось Наполеону. Его армия потеряла 58 тысяч человек, в том числе 47 генералов. Это составило почти 50 процентов всех сил. Битва эта характерна тремя результатами. Первый — французской армии не удалось сломить сопротивление русских, разгромить их и открыть себе свободный путь к Москве. Второй — русская армия нанесла колоссальный урон противнику. Третий — у русских войск возросла уверенность в победе.

Для развития успеха русским войскам нужно было пополниться людскими резервами, техникой, конницей и вооружением. Получив из центра отказ, Кутузов принял решение: отступить, чтобы сохранить армию, собраться с силами, а затем перейти в контрнаступление. И когда отступающие войска подошли к Москве, встал вопрос: сражаться за Москву или сдать ее. Великий русский писатель Л.Н.Толстой писал: "Один страшный вопрос занимал Кутузова, и на него ни от кого он не слышал ответа. Вопрос для него состоял только в том: "Неужели это я допустил до Москвы Наполеона, и когда же я это сделал? Когда это решилось?... Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать приказание..." Он был убежден, что он один в этих трудных условиях мог держаться во главе армии, что он один был в состоянии знать своим противником непобедимого Наполеона; и он ужаснулся мысли о том приказании, которое он должен был дать".

В сложной обстановке собрался 13 сентября 1812 года в Филях военный совет. Обсуждался один вопрос: сражаться или оставить Москву без боя? Мнения были разные. Тогда Кутузов встал и произнес знаменитые слова: "С потерей Москвы не потеряна Россия...". Началось отступление. Уже 14 сентября русская армия была в 15 километрах восточнее Москвы в селе Панки. В тот же день армия Наполеона

вступила в Москву. В городе начались пожары, грабежи.

Русская армия за 5 дней совершила фланговый марш-маневр и остановилась в селе Тарутино Калужской губернии. Этот маневр не был замечен французами, так как он проводился скрытно, в ночное время. В результате открылись возможности пополнять армию людьми, лошадьми и всеми видами довольствия из южных областей России. Тарутинский маневр позволял готовить войска к наступлению, дать свободу действиям партизанских отрядов. В самом Тарутине была организована прочная оборона, проведена реорганизация армии, увеличена численность, созданы необходимые резервы, формировалось народное ополчение, активизировалось партизанское движение.

Находясь в Тарутинском лагере, русские войска нанесли поражение французскому авангарду И. Мюрата, а затем выступили на Малоярославец, чтобы преградить путь отступавшей из Москвы армии Наполеона на юг. Попытки французов пробиться в южные районы России закончились неудачей, и тогда они вынуждены были отступить по разоренной Смоленской дороге. Началось преследование неприятеля, и после ряда боев (под Вязьмой, Красным) главные силы его окончательно были разбиты на реке Березине.

Благодаря мудрой и гибкой стратегии Кутузова, русская армия одержала блестящую победу над сильным и опытным противником. Кутузов за свой подвиг получил звание князя Смоленского и был награжден высшим боевым орденом Святого Георгия 1-й степени. Высоко оценивая подвиг народа и армии в этой войне, он писал: "Каждый из вас есть спаситель Отечества, Россия приветствует вас сим именем... Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, предъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед".

В начале 1813 года началось освобождение западноевропейских стран от наполеоновского гнета.

Чрезмерное напряжение сил, широкий масштаб деятельности, непрерывная походная жизнь подорвали силы и здоровье полководца. 28 апреля 1813 года фельдмаршал скончался в Бунцлау. Его тело было забальзамировано и перевезено в Петербург, где похоронено в Казанском соборе.

Более 50 лет жизни М.И. Кутузов отдал службе в армии. Его военная деятельность была обширной и многообразной. Начав службу командиром роты, он прошел все ступени руководства войсками:

командовал батальоном, полком, дивизией, корпусом, армией. В Отечественной войне 1812 года стал главнокомандующим всей русской армией.

Полководческий путь М.И. Кутузова отмечен замечательными победами русского оружия. За последние 8 лет своей жизни он участвовал в четырех войнах как главнокомандующий армиями (с Францией в 1805 г., с Турцией в 1811 г., в Отечественной войне 1812 г., в походе на Западную Европу в 1813 г.). По своему характеру это были главным образом войны против агрессии, войны, связанные с защитой национальных интересов России.

М.И. Кутузов правильно понял справедливый, освободительный характер Отечественной войны 1812 года и вытекавшие из этого широкие возможности для дальнейшего развития военного искусства. Он считал, что войны, связанные с защитой Отечества, должны вестись не только армией, но и народом. В захватнических войнах нельзя рассчитывать на поддержку народа. На Западе Наполеон встречал сопротивление лишь армии противника. В России же он встретил не только армию, но и вооруженный народ в лице многочисленных партизанских отрядов и ополчения. Кутузов принадлежит разработка основных теоретических положений ведения партизанской войны, а также организационных форм ополчения и составление правил по его формированию и обучению. Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. наш народ широко использовал опыт партизанского движения 1812 года.

Представляют интерес высказывания М.И. Кутузова о значении морального духа народа и армии. Часто, обращаясь к солдатам, он указывал, что они "есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается", и напоминал о мужественном образе Суворова. Патриотические призывы Кутузова к войскам, населению проникнуты глубокой верой в силы и способности русского человека. Он называл русский народ храброй, честной и великодушной нацией, гордился тем, что предводительствует русскими войсками.

Современники единодушно отмечают исключительный ум, блестящие полководческие и дипломатические дарования, а также беззаветное служение Родине М.И. Кутузова. В память заслуг полководца во время Великой Отечественной войны в СССР был учрежден орден Кутузова 1, 2, 3-й степени. Этот орден и сейчас остался в России.

Е. КУЛИКОВ.

ВОЛКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Документальное повествование

В конце 20-х — начале 30-х годов перестраивалась не только тюремная система, но и воровская элита в местах лишения свободы. Все эти иваны, паханы и т.п., выплеснутые реформой 1930 года из колоний, домов заключения и изоляторов особого назначения в исправительно-трудовые лагеря, где силой, где наглостью, где хитростью заняли подобающее "высокое положение". Однако отлаженный еще с 23-го года уклад жизни Соловецкого лагеря никому не позволял уклониться от участия в "трудовых процессах", что никак не стыковалось с воровским кодексом чести. Внаглую отказаться от работ — опасно, выйти со сменой — поставить крест на воровской биографии.

Свисток и так уже отсидел 30 суток за невыход на работу. Правда, он мог бы купить норму выработки у нарядчика или плановика, но где взять деньги? Он искал и не находил выхода из сложившегося положения. Выручил его величество случай.

Известно, с какой стремительностью разносит тюремный телеграф новости, впрочем, не всегда затем подтверждающиеся. Но на этот раз он принес весть о том, что ожидается формирование этапа на материк в связи с началом строительства какого-то канала: не то Балтийского, не то Беломорского. Толком никто ничего не знал, поскольку изыскательские работы и первый этап строительства были тщательно засекречены.

И все же новость о возможном этапе обсуждалась на воровской сходке. Была выработана тактика действий и очерчен круг лиц из числа авторитетов, кому надлежало попасть в этапный список. К своему удивлению, среди 27 человек, назван-

ных Лимоном, Свисток услышал и свою кличку.

Впоследствии он узнает, как было повернуто дельце. Все оказалось довольно просто. У Жида в учетно-распределительном отделе завелся свой человек. Часть воров ему без труда удалось включить в список. Еще кое-кто попал в него после того, как одна из страниц уже подписанного документа была "случайно" залита чернилами. Последние двое попали на этап по замене "внезапно слегших" от расстройства желудка.

Уже через сутки большой этап прибыл на кемский пересыльный пункт, который хоть и относился к Соловкам, но был расположен на материке. Пересылка была внешне похожа на другие, какие Свистку довелось повидать. Огромную территорию опоясывал забор из колючей проволоки, а вдоль него стояли вышки, по своей конструкции чем-то напоминавшие скворечники. Каркас двустворчатых ворот тоже, как паутиной, был обтянут колючкой. Между воротами и калиткой стояла будка, застекленная со всех сторон, что позволяло охраннику вести осмотр вкруговую. В открытые ворота проходили пятерками, число которых помощник старосты фиксировал на белой деревянной дощечке.

Компания воров как шла по дороге сплошной группой, так и прошла ворота в числе первых. Независимый вид, развязная походка давали понять всем, что идут хозяева зоны.

После того как последних поглотили ворота, началась процедура сверки прибывших с личными делами. Рядом со столом, за которым восседал начальник учетно-распределительного отделения, стояли парусиновые мешки, доверху набитые

картонными папками. Помощник вынимал очередное личное дело, выкрикивал фамилию заключенного. Тот подходил к столу, называл свою фамилию, имя, отчество, а также статью судимости и полученный срок. Начальник сверялся с документами. С осужденными по 58-й статье все обстояло просто, поскольку в их делах имелись фотографии, чего уголовники в те годы не удостоивались.

Процедура, занявшая довольно много времени, подошла к концу. Заключенные поступили в распоряжение ротного старосты и по его команде устремились к бараку, выполнявшему роль карантинного отделения. Стремясь захватить местечко получше, народ суетился, и только компания воров по-прежнему никуда не спешила: на их места в самом конце барака никто не смел покуситься.

Барак был новый, в нем пахло смолюю. Масштабы строения впечатляли, к тому же не только вдоль стен, но и по центру тянулись сплошные ряды нар, забранные пока еще шершавой доской, которая со временем, как и везде, будет смотреться словно отполированная.

Минут через сорок староста барака начал партиями отводить заключенных в баню, причем со всеми их личными шмотками, подлежащими санобработке. Воровская братия и тут оказалась последней. Она сразу проследовала в парилку, где Свистку выпала обязанность новыми березовыми вениками обиходить толстые и худые, дряблые и еще довольно крепкие воровские спины.

После помывки их ждали два ведра с квасом, самовар и разные, в основном рыбные, закуски. В роли радушного хозяина выступал Хруст. Несколько человек, в том числе и Лимон, знавшие его и ранее, потянулись здороваться "за лапу".

Жизнь в карантине была не пыльная. На работы выводить отсюда не полагалось. Хозяйственная обслуга, держась за тепленькое местечко, обязанности выполняла энергично, правда, все больше руками этапированных. Впрочем, иные и сами, чтобы хоть как-то убить время, вызывались пилить и колоть дрова, таскать воду, протапливать печи. Полы же мыли по очереди, исключая, разумеется, воровскую головку.

Свисток изучал обстановку. Уже на следующий день он знал не только о том, что на пересылке есть свой штрафной изолятор и следственная тюрьма, но и сколько там сидит народу. Сделал он для себя и такое открытие: если за побег из тюрьмы или домзака судили и накручивали новый

срок, то за побег из лагеря грозила лишь отсидка в штрафном изоляторе от месяца до полугода. Чудеса, да и только! Чего ради гнить в лагере, если можно попытаться драпануть отсюда в теплые края, особо не опасаясь за последствия?

А на пересылке только и разговоров было, что о побегах удачных и неудачных. Бежать бежали, иное дело — не каждый мог решиться на такое: у основной массы — семья, дети... В основном пускались в бега преступники-профессионалы. Как только над ними зависал пролетарский молот перековки, они соскальзывали с лагерной наковальни и пускались кто куда. Хоть бежать из-под конвоя рискованно, этак можно напороться на пулю, но воровская профессия постепенно приучает к любому риску, без которого жизнь становится пресной.

Мысль о побеге начала исподволь все глубже проникать и в сознание Свистка. Он несколько раз порывался поговорить об этом со своим благодетелем — Лимонном, но что-то в последний момент удерживало от этого шага. А вскоре такая возможность и вообще исчезла: за несколько дней до окончания карантина на утренней проверке охрана недосчиталась четверых арестантов, в том числе и Лимона.

Отчего побег бывает удачным, Свисток понял не сразу. Но понял-таки, убедившись, что чекисты в основном ловят тех беглецов, которые надеются на авось. Истинные авторитеты уходят по отлаженной "тропе", имея в большинстве случаев документы прикрытия — справки об освобождении, которые добывают всеми правдами и неправдами.

Массу нового и непонятного привнес в лагерную жизнь новый 1931 год — год начала ударного строительства Беломоро-Балтийского канала. А началось все с того, что накануне армия уголовников была выплеснута из тюремных камер во вновь создаваемые лагеря: Беломоро-Балтийский, Свирский, Ухто-Печорский, Карагандинский, Темниковский, Дальневосточный. К руководству же этими учреждениями пришли в основном люди случайные, несведущие. Чтобы запустить весь громоздкий лагерный механизм, требовались специалисты. Но где их взять, тех, кто знает тюремные порядки хотя бы не хуже самих сидельцев?

В то же время поехали, поплыли, побрели по этапам судимые за контрреволюционные проявления. Эти в большинстве своем обладали необходимыми познаниями в различных сферах производст-

венно-хозяйственной деятельности, да к тому же еще и организаторскими способностями. Им — и карты в руки.

Бывшие военнотружущие, чекисты, милиционеры, тюремные служащие, осужденные за бытовые и хозяйственные преступления, организовывали самооборону. Парадокс, казалось бы: преступники охраняют преступников. Но там, наверху, видимо, и такое положение считалось нормальным на дороге к социализму.

Надо сказать, что в период массовой кампании по раскулачиванию в лагеря, как в сточную канаву, сбрасывались тысячи людей еще до вступления в силу приговоров. Встречались и такие, кому была изменена мера наказания, а то и вообще вынесен оправдательный приговор. Жизнь есть жизнь. Пока определение суда об освобождении тряслось в почтово-багажном вагоне на север, того, кому оно предназначалось, гнали по этапу на юг... Блуждая по запущенным учетам "передвижения контингента", казенная бумага порой годами искала адресата. Наконец прихлопнутая казенной печатью и очередным исходящим номером, она вроде бы отыскивала его след. Ан нет! По наряду тот уже выехал на Дальний Восток или Колыму, а навигация завершилась.

Скитаются документы, скитаются и сами люди по лагерным пунктам с короткой записью в личном деле: "Без приговора". И никому до этого дела нет, а все жалобы и обращения к местной администрации разбиваются о железобетонное: ждите!

Был бы человек, а приговор будет.

Для тех, кому не помогли родственники, единственной радостью в зоне оставались премиальные — от трех до десяти рублей. Зажмет заключенный их в кулаке и, если тут же не отберут урки, не один день думает: на что потратить? То ли в ларек снести, то ли отдать "писарю" на очередную жалобу. А на лагпунктах этих штатных "писарей" множество: всяк норочит содрать со своего же брата заключенного что только можно.

Свисток быстро смекнул, что на этом можно подрабатывать, и развил бурную деятельность. Он умел заговаривать зубы, умел убеждать простаков, что лучше пахана никто не знает, куда и кому писать. Только лагерным старожилам известно, что нужно сделать, чтобы жалоба и дошла, и привлечь внимание "ответственного товарища". А уж коль тот прочтет, значит, вникнет в суть просьбы, и успех гарантирован.

Свисток видел, что деньги лежат на дороге, и помогал пахану их поднимать, не

забывая, разумеется, и о себе. Для него приврать было пустяковым делом. Для пущей убедительности он всякий раз называл несколько фамилий тех, кто недавно освободился. Уличить в обмане его было практически невозможно. Оставалось верить, к тому же верить-то очень хотелось.

В январе 1932 года известный в тюремном мире пахан по кличке Барсук назначил съезд воровских делегатов Беломоро-Балтийского ИТЛ, избранных на отделенческих сходках. Среди делегатов, представлявших молодое поколение воров, присутствовал и Свисток, незадолго перед тем удостоившийся посвящения в воровские авторитеты (коронования).

Съезд на лагпункте "Звонкий ключ" собрали не случайно. Дело в том, что с начала тридцатых годов на глазах у осужденных многое стало меняться в стране. Менялись и сами люди. Часть воров стала осознавать, что можно жить иначе, жить честным трудом. Начался стихийный отход осужденных от воровского сообщества, и главари преступного мира, уловив эту тенденцию, забили тревогу. Повсеместно начали проходить сходки, на которых объявлялась беспощадная война отступникам. Свое отражение она нашла в тюремном эпосе. И по сей день в среде блатных можно услышать песню об одесском воре, приехавшем на Беломорканал, чтобы свести счеты с дружкой, ставшим ударником труда...

Съезд выработал и одобрил нормы поведения "истинных арестантов". В основе своей они сводились к тому, что вору запрещалось жить за счет своих собратьев, лгать им, заниматься общественно полезным трудом, состоять в любых общественных организациях, иметь семью и вести оседлый образ жизни, враждовать на национальной почве, признавать законы государства, стремиться к досрочному освобождению, вмешиваться в политическую жизнь страны, заниматься спекуляцией и коммерческим посредничеством, предъявлять претензии к другим без решения сходки, проводить "правилки" (суды чести) в нетрезвом состоянии, брать в руки оружие, не выполнять решений, принятых сходкой, вступать в контакты с правоохранительными органами, хулиганить.

Определены были и наказания для отступивших: публичная пощечина за мелкие провинности, исключение из сообще-

ства (битье "по ушам", перевод в разряд "мужиков") и, наконец, смерть.

Для укрепления авторитета элиты преступного сообщества и координации действий в масштабе всей системы лагерей стали избирать "центровых воров". Каждый такой "центральной" становился главным у себя в лагере, представляющим свой лагерь на воровских сходках. Практически каждый из них получал статус вора всесоюзного масштаба.

Женский барак на лагерном пункте — объект повышенного внимания. За женщинами охотились и днем и ночью. На почве ревности нередко возникали драки. Чтобы не пойти по рукам, женщины были вынуждены сожительствовать с кем-либо из заключенных. В наиболее выгодном положении оказывались обратившие на себя внимание кого-то из лагерной администрации или занимающего хлебное место старосты, нарядчика, фельдшера, повара, кладовщика. Престижным считалось крутить любовь и с воровскими авторитетами, чей быт заметно отличался от других.

Став вором, Свисток сразу ощутил эти преимущества. Перед ним лебезила молодежь, стараясь услужить. Нарядчик лагпункта лично следил за тем, чтобы нормы выработки у него ежедневно проставлялись стопроцентные. Отсюда шли премиальные, скашивался срок, полагались талоны, по которым и кормили лучше, и в ларьке привечали.

Свисток тоже завел себе зазнобу.

Как-то в мужской барак заскочила молодая девица. Двери за ней закрыли крепко, а за отказ ночевать стали бить. Вот тут-то и вмешался Свисток, вступился и, несмотря на недовольный ропот братвы, вывел ее из барака.

Стоял легкий морозец, снег слегка поскрипывал под ногами. Огромный диск луны, казалось, просвечивал тайгу насквозь.

Дорогой Лизавета рассказала, что два дня назад попросила земляка подточить портновские ножницы — единственное ее лагерное богатство — и вот сегодня он сказал ей, что ножницы кто-то украл. Для женщины, занимавшейся починкой одежды лагерников, это была трагедия. Поскольку взять инструмент, кроме обитающих в бараке, было некому, она решила на рискованный шаг: пристыдить мужиков. И хотя товарки предупреждали, что все это может плохо кончиться, не послушалась.

Свисток обещал отыскать пропажу. Сде-

лать это ему было нетрудно, поскольку именно для него крал эти ножницы молодой воришка...

Этот вечер положил начало новому лагерному роману, да вот только мало оказалось в нем страниц. Весной Свистка досрочно освободили. К тому же, несмотря на все тюремные препоны, разыскала его Катерина — старая любовь, такая же, как и он сам, беспризорница, с которой крутил амуры, будучи еще никаким не Свистком, а хорошим парнем Володькой Слепцовым.

С холщовой сумкой за спиной, в которой было собрано самое необходимое в дорогу, поутру на попутной подводе отправился Свисток на железную дорогу. Кроме справки об освобождении имел он при себе ксиву на воровскую "малину". Планов было много: наверстать потерянные в лагере денечки, установить необходимые связи, ну и навестить Катерину с сыном.

Неделя в "малине" показалась часом. Правда, вскоре ему намекнули, мол, пора и свою лепту вносить. В одиночку несколько дней подряд промышлял он на московских вокзалах, и безуспешно. Успел даже послать солидный перевод Лизавете и оставшемуся вместо него на лагпункте Клыкастому. Да только вскоре фортуна, как норовистая девка, отвернулась от него. На Савеловском вокзале Свистка замели. Обыскали в присутствии понятых и обнаружили при нем три аккредитива на разные фамилии и два паспорта. Да к тому же, как выяснилось, свитерок, пожертвованный ему в "малине", оказался со свежей кражи...

Одним словом, гэгэушники, чистившие первопрестольную, упекли его без суда и следствия на четыре года лагерей как СВЭ — социально вредного элемента.

От Савеловского до Бутырок рукой подать. Свистка провели в огромный зал, стены которого нашпигованы узкими боксами. В один из них, предварительно обыскав, и поместили. Часа через три вместе с десятком других сидельцев повели в баню, а оттуда в пересылку. Как только за ним захлопнулась дверь транзитной камеры, Свисток, ни к кому конкретно не обращаясь, задал вопрос: "Люди есть?". Из дальнего угла ему ответили: "Иди сюда". Толпившиеся в камере сразу обозначили проход, и Свисток направился туда, где обосновались авторитеты.

3. Ухтопечлаг.

Через два дня под стук колес столыпинского вагона он начал свое новое путешествие за казенный счет. От станции Коно-

ша двинулись на восток, и сразу обозначился конец маршрута — Ухтопечлаг. Старожилы популярно объяснили новичкам, что выгузят их в Котласе, так как дальше "железки" нет.

Котласская пересылка поразила своей пустотой и опрятностью. Территория подметена, в бараках, наполовину закопанных в землю, прямо-таки идеальный порядок. По всему было видно: крут здешний начальник.

Познакомиться с ним не довелось — вскорости на баржах отправились дальше. На всем протяжении пути партии заключенных высаживались на берег и растворялись в тайге. До последней пристани дошла только одна баржа, а в поселок Чибью и вообще доставили человек пятьдесят, не больше.

Всех направили на центральный лагерный пункт, что само по себе было не так уж и плохо.

В первый же вечер вместе с двумя сотоварищами по этапу Свисток был представлен местному пахану Амбалу — невысокого роста квадратному уголовнику. После взаимного "обнюхивания" новички были приняты в воровскую семью. Им оказали материальную помощь в виде талонов на питание, но не в общей столовой, а в специальной, предназначенной для вольнонаемных и административно-технического состава. Правда, пожировать довелось недолго. Месяца не прошло, как очередная гулаговская комиссия рекомендовала начальнику лагеря навести здесь порядок, что и было сделано. Плотники и каменщики в срочном порядке поделили помещения столовой на две части, негласно окрещенных в "зал ЧК" и "зал ЗК". Прихлебатели всех мастей были выдворены с наказом впредь нос сюда не совать.

Начальственный энтузиазм только этим, разумеется, не ограничился. Руководство лагеря повело борьбу за "использование всего контингента в трудовых процессах". Судя по всему, начальник лагеря хорошо знал воровские "примочки" (ухищрения). Подписанный им приказ определял обязанности не только бригадира, но и каждого члена бригады в отдельности. Доводя его заключенным, давили на то, что хозяйство лагеря ведется ими самими, тогда как роль вольнонаемных сотрудников и самой лагерной администрации сводится лишь к оказанию им помощи.

Сам лагерь в чем-то напоминал независимую республику. Здесь имелся собственный "монетный двор" — местная типография, печатавшая квитанции (боны), за-

менявшие государственные казначейские билеты. Правда, лагерные "дензнаки", хотя и имели стоимость, не признавались государственными даже на территории лагеря. По этой причине действовали обе денежные системы, втягивающие в свою орбиту не только осужденных, но и вольнонаемных. Бонами и те и другие расплачивались в ларьках, столовых, закрытых магазинах-распределителях.

Боно-денежная система дополнялась еще и карточной. Вольнонаемным полагались карточки розового цвета с соответствующей пометкой для членов семьи. Заключенным, получавшим усиленный паек, — зеленого, производственный, — синего, основной, — желтого.

С последними этапами в лагерь прибывали в основном рецидивисты — социально вредный элемент. И хотя их разбросали по разным точкам, толку от этого было мало. Они постоянно нарушали лагерный распорядок, отказывались от работы, крали казенное имущество и вещи заключенных. Трудовой порыв во имя "искупления вины перед обществом" в них никак не пробуждался. И тогда начальник лагеря придумал вот какую штуку. Он распорядился собрать по всем отделениям обитателей ШИЗО и вывести к местам работы ударных бригад, видимо, тайно надеясь музыкай пил, топоров и лопат разбудить несознательные души. А для большей убедительности приказал организовать в этот день выдачу премиальных пирожков.

Стыд, однако, почему-то никак не пробирал воров. Посмеиваясь над ударниками, они запускали в их адрес едкие реплики, а то и просто обкладывали матюгом. Дело кончилось конфузом. Разгоряченные работой и издевательствами, ударники потихоньку стали приближаться к лагерным трутням, сжимая в руках черенки лопат и кирок. Охране пришлось срочно прервать воспитательную экскурсию.

Еще одной попыткой как-то воздействовать на совесть злостных нарушителей явилась "местная амнистия в интересах производственно-хозяйственной деятельности". В считанные часы опустели штрафные изоляторы и арестные помещения: освободились арестованные в административном порядке на срок до тридцати суток, были прекращены следственные дела, за которые провинившемуся грозила отсидка в ШИЗО...

Чего-чего, а такой подлянки от руководства лагеря основная масса заключенных не ожидала. Ведь высвободившаяся из заточения "лагерная шерсть", вмиг рассы-

павшись по баракам, принялась за кражи вещей и продуктов работяг, ударились в пьянки, разборки и мордобой.

На головном лагерном пункте Свистку не удалось надолго задержаться. Начальник третьего (оперативно-чекистского) отдела всех блатных и приблатненных этапировал на самые отдаленные нефтепромысловые и лесозаготовительные точки. Свисток попал в лагпункт "Зиманский" в бригаду лесорубов.

К вечеру он уже владел полной информацией. Воровскую группировку на лагпункте возглавлял Мутный — мужик крутой, успевший уже здесь, в лагере, получить "десятку" за нанесение тяжких телесных повреждений одному из заключенных, который вскоре скончался. Случившееся не образумило ворюгу, напротив, он сколотил группу из семи рецидивистов, нещадно грабившую всех. Восьмым в нее вошел Свисток, разумеется, не сразу, а после того, как проявил себя приверженцем "кодекса арестантской чести", а биография его была перепроверена по воровским каналам.

Больше года бесновались Мутный и его молодцы, а у начальства все не доходило руки, чтобы навести порядок на лагпункте. Наконец вся восьмерка угодила в ШИЗО, но и там не успокоилась. Пятерых сокамерников изнасиловали, одного забили до полусмерти, а заключенного Шахиманоглы довели до того, что он сам, дабы не лишиться зубов, поснял ножом золотые коронки.

Терпение администрации лопнуло лишь тогда, когда сидельцы оглушили миской дежурного коменданта Родина. На этот раз воров этапировали в следственную тюрьму и после разбирательства отдали под суд. Тройка УНКВД быстро вынесла приговор: молодые первоходки, взявшие вину на себя, были приговорены к расстрелу; Мутный и Свисток получили новые сроки, которые поглотили предыдущие, поскольку в те годы отсчет начинался с даты последнего осуждения.

Обострение криминогенной обстановки в исправительно-трудовых лагерях требовало активности руководства. Чтобы обуздать "неисправимый элемент, дезорганизуя жизнь лагеря", а проще говоря — лидеров преступных группировок, в 1935 году была утверждена инструкция "О порядке направления заключенных в срочные тюрьмы из ИТЛ". Санкцию на это давало руководство ГУЛАГа.

Свистка как неисправимого на год заключили во вторую вологодскую тюрьму. Тюрма для него была куда роднее нена-

вистного лагеря: здесь никто не понуждал работать, питание было регулярным и довольно-таки сносным, зимой не ощущалось дыхания вьюг и трескучих сибирских морозов, летом не одолевала мошкара. Однако год пролетел незаметно, а дальше судьба занесла его на строительство магистральной Москва-Калуга, вел которое Калужский ИТЛ. Отбирали сюда заключенных, у которых срок предстоящей отсидки не превышал пяти лет и, стало быть, чья голова не была занята одними только мыслями о побеге. Брали таких не случайно: подвижный характер работ не позволял организовать надежную охрану.

А тем временем в практике ГУЛАГа назревали существенные перемены. Новый нарком внутренних дел Н.И. Ежов оценил исправительно-трудовую систему как дезорганизованную, слабо управляемую, нуждающуюся в решительном укреплении режима.

В 1937 году в лагерях начались массовые расстрелы "уголовно-бандитствующего, антисоветского и иного элемента". В первую очередь кара обрушивалась на неоднократно судимых. Свисток не стал дожидаться своей участи и с одним из корешей — таким же авторитетом, как и сам, совершил побег. В Киеве, где оба осели, дружки помогли легализоваться. Тамашняя банда работала по-крупному: деньги, драгоценности, антиквариат. Но грянул сорок первый...

Запрятав в тайнике ценности и прихватив с собой денюжат на первое время, Свисток подался на восток. Ушел один, осел в Свердловске. В армию его не взяли по инвалидности.

В победном сорок пятом он съездил в Киев, затем перебрался в Саратов, где купил небольшой домишко.

У неработающего инвалида времени пруд пруди, и теперь любимым его занятием стало вычисление карманников на базарах, в магазинах, на транспорте. Постепенно почти все они оказались в его руках.

Возраст давал о себе знать: на дело он не ходил, но как советник и финансист молодых волчат преуспевал. Краденого не скупал, в залог не брал, но деньги постоянно пускал в оборот, и они росли. Так и жил — не шикуя, но и безбедно.

4. СЫНОК.

По всей видимости, гены сыграли свою зловещую роль, и перед войной сын Катерины, прижитый ею от Свистка и ни разу

не выдавший своего родителя, тоже вступил на воровскую стезю.

Были те годы непростыми. За 1937-1940 годы обстановка в местах лишения свободы существенно изменилась. Избежавшие "ежовых рукавиц" преступные группировки и их главаря заатаились. Активность проявлялась только во время побегов.

Баламут — так с детства окрестили сына Свистка — первую свою ходку за кражу совершил в конце 38-го. Попал в колонию для малолеток. Воровские наклонности прорезались у мальчика еще в школе, классе в четвертом-пятом. Он не мог спокойно пройти мимо того, что плохо лежало, и ни уговоры матери, ни частое битье не помогали.

Отсидев два года, Баламут вышел на свободу. На работу устраиваться и не думал, промышлял мелкими кражами. В мае сорок первого опять залетел: с двумя друзьями увели со двора и зарезали овцу, а когда попытались продать мясо, всю тройцу накрыли. На этот раз Баламуту грозило лет пять отсидки, но коллегия по уголовным делам Мособлсуда скостила срок до одного года с содержанием в ИТК.

Между тем обстановка в местах не столь отдаленных менялась буквально на глазах. На присоединенной к СССР территории Прибалтийских государств, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии находилось немало тюрем, но все они потребовались для локализации антисоветски настроенных сил националистического подполья, ориентированного прежде всего на гитлеровскую Германию. Тут уж не до вора. И 6 ноября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривающий пересмотр приговоров и решений, вынесенных тамошними судами до установления советской власти. Подпали под него лица, осужденные за бандитизм, грабежи, убийства, систематические кражи. В тех случаях, когда заключенный находился за решеткой свыше предельно установленного в РСФСР срока, но его освобождение было нежелательным (в силу особой опасности), дела пересмотру не подлежали.

Немало уголовников двинулись этапами по дорогам страны. Союзным ворам это пополнение с Запада ничего доброго не сулило. Прозванные "польскими ворами", те, где по незнанию, а где и с умыслом, нарушали кодекс воровской чести, задирались и даже пытались диктовать свою волю. За это "поляков" стали преследовать, расправляться как с самозванцами.

Введение в 42-м году инструкции, регулиющей порядок содержания осужден-

ных в годы войны, тоже наложило свой отпечаток на обстановку в местах лишения свободы. Ею предусматривалось приращение оружия не только при нападении на работников администрации, охрану, но и при отказе осужденного приступить к работе после двукратного предупреждения. Под суровым воздействием инструкции воровское сообщество и прежде всего его лидеры вынуждены были вспомнить о самоистязаниях и членовредительстве. Под кожу частенько стали вводить керосин, к ранам прикладывать мыло с солью или лепестки ядовитых цветов. Появилась масса ухищрений с применением табака.

Ответ был незамедлительным. За членовредительство по статье 58, пункту 14 заключенные попадали в разряд судимых по составу контрреволюционных преступлений...

Начались побегі во спасение воровской чести. Не сумевшие уклониться от работы пополняли ряды "отошедших".

Баламут, прибывший отбывать наказание под Челябинск, тоже какое-то время пытался увильнуть от работы или выходил вместе со всеми из барака, но возвращался назад, так и не стукнув палец о палец. Организовав небольшую группу уголовников, он всячески провоцировал несовершеннолетних осужденных на совершение краж у работавших "мужиков". В конце концов администрация ИТК вынуждена была перевести его в тюрьму. Но 11 апреля 1942 года Баламут бежал.

Поддельные документы помогли, но (война есть война) его вскорости зачислили в рабочий батальон, из которого ему удалось дезертировать в марте сорок пятого. Скрывался в Красноярском крае, пока не был арестован в мае 49-го. Темнил сколько мог, пока 4 сентября, уже в Обском ИТЛ, не был установлен как "Слепцов Владимир Владимирович, уклонившийся от отбывания уголовного наказания вследствие побега из колонии в 1942 году".

С. КУЗЬМИН,
доктор юридических наук.

(Продолжение следует)

Писатель и время

Обмануть нас можно, победить нельзя!

В году 50-летнего юбилея Победы было немало встреч, так или иначе связанных с великой датой. Нынешние войны принимали ветеранов. Официальные приемы для участников Великой Отечественной войны "по категориям" устраивали главы администраций, руководители всех рангов.

Зачастую за парадной шумихой, за треском фейерверков мы с трудом слышали живой человеческий голос. То, что всегда называлось связью поколений, времен связующей нитью, нередко отсутствовало или едва улавливалось. А жаль. Ведь это именно то, чем мы живы будем, мы — россияне.

Именно поэтому я решил записать мысли, высказанные за круглым столом писателями, долгое время плодотворно работающими в военной теме. Перу М. АЛЕКСЕЕВА принадлежит несколько романов, ставших поистине классикой современной русской литературы, назвать хотя бы такие произведения, как "Хлеб — имя существительное", "Вишневый омут", "Ивушка неплакучая", "Драчуны". Ф. ЧУЕВ известен не только как самобытный поэт, но и как публицист, автор нескольких книг-бесед с выдающимися политическими деятелями нашего государства. Л. ВАРДАНЯН — ответственный секретарь ассоциации писателей баталлистов и маринистов.

Стенограмму этого разговора и предлагаю читателям журнала "На боевом посту".

Владимир ЮДИН.
г. Тверь

Раздвигая после праздника

М. Алексеев. Я фронтовик, воевал под Сталинградом командиром минометной роты, поэтому самой дорогой и священной для меня в литературе и моем творчестве стала память о незабываемых годах войны. Сейчас я работаю над романом "Сталинград". Кроме этого, у меня есть немало произведений о жизни русской деревни, в которых главный герой — крестьянин, сеятель и хранитель Отечества, кормилец земли русской. Недаром крити-

ки часто причисляют меня к известному направлению в современной литературе — "деревенской прозе". Собственно, эти две темы — фронтовая и деревенская — сливаются у меня в одну, центральную, ведь основные трудности преобразований в России вынесло на своих плечах крестьянство, оно же и составляло костяк армии, защитившей мир от фашизма, обеспечивало фронт хлебом, одеждой, денно и ночью работало в тылу. Наша

армия победила потому, что была поистине народно-армией, защищала Отечество, Родину, наших матерей, отцов, жен и детей.

В.Юдин. Если верить большинству средств массовой информации, наша армия сегодня не обеспечена морально-политически. Вы, как военный человек, отдавший много лет службе в войсках, можете с этим согласиться?

М.Алексеев. Тут и не военный человек легко разберется. В годы битвы с фашизмом у нас был высокий патриотический дух, нередко именно он определял исход сражений. Невольно сравниваю ту армию и нынешнюю. Увы, мало чего осталось общего. Возьмите хотя бы грозненскую операцию. Она не была обеспечена морально-политически, общественное мнение совершенно не было подготовлено, видимо, кому-то очень нужно — и там, за океаном, и в Москве, — чтобы эта кровавая катавасия не заканчивалась. Мне очень больно наблюдать за тем, что творится в Чечне, больно, убежден, каждому гражданину России. За Отечество больно, за российских солдат, которых пытаются оболгать. Да уж, не под залпы орудийные в России хотели мы встретить полувековой юбилей исторической Победы над фашизмом.

Но нашему поколению нечего стыдиться: мы сделали свое дело, отстояли Родину. Мы исполнили свой долг. Мы же победили! И каково, представьте, нам сейчас смотреть на происходящее в родных пределах. Кому-то вдруг показалось: с Советским Союзом враз покончено, растерзали его, разорвали в клочья, но Россия-то, дескать, еще большая, держится она, так надо пойти по второму заходу, довести ее до размеров Московского удельного княжества...

Л.Варданян. В дополнение мысли, высказанной Михаилом Николаевичем, скажу: будучи в длительной зарубежной командировке, я встречался с небезызвестным Збигневом Бжезинским. Он говорил, что еще в пору "холодной войны" с СССР Запад планировал оторвать от Советского Союза Польшу, Венгрию и Чехословакию и на базе этих государств создать буферную зону между Советским Союзом и НАТО. Это была их хрустальная мечта. Мы же умудрились до самой Чечни

разделить огромную державу. Сейчас идет дальнейший развал государства.

М.Алексеев. Дело не только в физическом развале России. Не менее страшен ее духовный распад, перерождение нравственного сознания нации, наплевательское отношение к своей истории, священной памяти предков. Я много раз бывал во Франции, Англии, Бельгии, Голландии. Всюду, даже в Италии и Испании, то есть бывших фашистских странах, есть улицы, площади с названием "Сталинград" в честь исторической битвы. 50-летие разгрома гитлеровцев под Сталинградом французы отмечали более торжественно, чем мы, победители. Всюду за рубежом мне подчеркивали и стар, и млад, что там, под Сталинградом, мы спасли не только Россию, но и всю Европу. Везде есть память о Сталинграде — только в одной стране ее фактически нет. Догадайтесь — что это за страна такая? Россия. Сталинград за рубежом не ассоциируется с именем Сталина — как бы к этому человеку ни относиться. История — категория объективная, из нее недопустимо выбрасывать ни строчки в угоду сиюминутной конъюнктуры. Я 30 лет мучаюсь со своим сталинградским романом только потому, что исчезло имя "Сталинград". Что теперь прикажете писать — "волгоградская битва"?

Л.Варданян. Оппоненты нашли иезуитский выход: "битва на Волге". Будто не было на Волге других битв с фашистами, в том числе очень горячей при освобождении города Калинин.

М.Алексеев. Сталинград — и никак иначе! Это символ начала разгрома фашистской Германии, военного перелома в ходе войны. Конец фашистской чумы — вот что такое Сталинград, а вовсе не увековечение имени вождя.

Стыдно признаться, но мы, фронтовики, сегодня уже стесняемся надевать свои боевые награды. Я был трижды ранен, помню еще Халхин-гол. В одном из лицеев Франции ко мне приходили дети и целовали мои фронтовые знаки, с восхищением смотрели на меня — живого участника сражения под Сталинградом — как на какое-то чудо. Я был очень расстроган таким сердечным приемом и, главное, пониманием величайшего значения битвы под Сталинградом. Что мы потеряли у себя в стране, так это историческую память. Этим самым мы грабим не только

современников, мы грабим будущее, выбиваем духовную опору из-под ног поколений, которые придут через десять, сто, тысячу лет. Мы не оставим для них свидетельств нашего героического прошлого, как это сделали для нас предки, мы не оставим для них святую память о героях Сталинграда. Сегодня это самые страшные потери — духовные.

Ф.Чуев. Нынче все в нашей истории стараются перевернуть вверх ногами, беспрестанно льют грязь на великих деятелей прошлого. Беседуя с маршалом Жуковым, я как-то поинтересовался: "Какие у вас были отношения со Сталиным?". Он ответил: "К моему глубокому сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум". Это были отношения двух людей, понимавших значение друг друга. Дальше Жуков горько заметил: "Сталин меня снимал, понижал, но не унижал". А потом, подумав, добавил: "И попробуй кто меня при Сталине обидеть — Сталин за меня голову оторвет!". Сейчас пошла такая омерзительная тенденция — сталкивать Сталина и Жукова, чтобы еще больше Сталина принизить, хотя это бесполезно: Сталин в защите не нуждается, с моей точки зрения. Почему-то о Петре Первом такое не говорят, памятники ему не уничтожают, хотя он истребил двадцать процентов населения России, практически каждого пятого...

В.Юдин. Известно, что вы встречались и беседовали со многими выдающимися людьми, о чем свидетельствует хотя бы вызвавшая в свое время огромный интерес книга "Сто сорок бесед с В.М.Молотовым". Не апологизируете ли вы Сталина и сталинизм?

Ф.Чуев. Я располагаю неопровержимыми свидетельствами и документами. В ответ на антисталинский шабаш маршал Руденко заметил: "Я не раз был свидетелем разговоров Сталина и Жукова. Со стороны Сталина это было отношение Верховного Главнокомандующего к талантливому полководцу. Со стороны Жукова это было отношение, как принято в армии, младшего по званию к старшему по званию и должности, выдающемуся государственному и политическому деятелю".

В.Юдин. Но ведь в современных книгах и кинофильмах показаны ничем не оправ-

данная жестокость, волюнтаризм и даже военно-стратегическое невежество Сталина?

Ф.Чуев. То, что показывают в некоторых фильмах, где играет артист Ульянов, не соответствует действительности, как и то, что пишут озлобленные клеветники в своих книгах. Жуков никогда не открывал дверь к Сталину левой ногой и никогда с ним так не разговаривал. У меня есть фотография: Жуков сидит при полном параде и рассматривает снимок, на котором изображен артист Ульянов в роли Жукова, докладывающий Закариадзе-Сталину (кадр из фильма "Освобождение"). Жуков при этом саркастически заметил: "А ведь Ульянов похож на меня — п о ч т и!". Сам Ульянов ни разу с Жуковым не встречался, с ним не беседовал. А ведь мог бы! Значит, не так уж нужна была историческая правда.

В.Юдин (вопрос к М.Алексееву). Как вы сами оцениваете удельный вес русского национального содержания в своих произведениях? Что вы вкладываете в понятие "русский национальный характер"?

М.Алексеев. Кроме общечеловеческой боли, у меня есть и своя, национальная боль русского человека за судьбу Родины, которая оказалась нынче попорченной. Никто меня не лишит права гордиться своей национальной принадлежностью. Я много раз говорил и повторяю с предельной искренностью: я благодарен судьбе за то, что она местом моего рождения определила Россию. Я против национальной спеси, национального самообольщения, но я за национальную гордость. Нынче слово "интернационализм" как бы выбросили на задворки. Но я считаю, что самый короткий путь к сердцам других народов лежит через сердце собственного народа. Я никогда не поверю человеку, который будет клясться, что он любит чужую мать и не любит свою. Это противоестественно. Это ненормально. Я очень связываю это с русским национальным духом — как бы ни третировали народ, как бы нас ни оскорбляли, называя "почвенниками", "духовниками", "красно-коричневыми"... Мне хотелось бы закончить словами одного поэта: "Я со своей земли ни шагу: с нее я встал, в нее и лягу".

Л.Варданян. Отслужив сорок пять лет, я ушел в запас и стал работать в ассоциа-

ции писателей баталистов и маринистов на должности ответственного секретаря. Наша ассоциация создана в 1990 году, она объединяет более тысячи писателей баталистов и маринистов во всех республиках бывшего Советского Союза. Президент нашей ассоциации — писатель и драматург Юрий Виноградов. Мы установили творческие контакты с писателями США, Японии, Китая, Болгарии, Польши, Ирана. Развивая мысль Михаила Николаевича Алексеева, скажу: в целях исторического просвещения народа России мы разработали федеральную комплексную программу духовного возрождения Отечества под названием "Художественная летопись России". Программа предусматривает издание 50-томника "Художественная летопись России" — от Рюрика до наших дней. На базе этого создаем сценарий для большого многосерийного фильма "Россия". Планируем создать фильмы для детей и юношества, а также двадцатиминутные мультфильмы для самых маленьких зрителей. Мечтаем о создании в Москве театра российской пьесы. Это очень большая федеральная программа, в ней будут задействованы лучшие писатели, поэты, драматурги России и других республик бывшего Союза. Программа, конечно, очень дорогая, в поисках спонсоров все пока делаем на общественных началах.

Наша работа только начинается. Издаем первое полное собрание сочинений Валентина Пикуля в 30 томах. Намерены издать 7-томник лучших произведений о Великой Отечественной войне и подготовить антологию российской художественной маринистики XX века.

М.Алексеев. Меня очень радует грандиозная творческая программа, о которой поведал нам Варданян. Дай-то Бог, чтобы ее осуществлению не помешали, как случилось с нами в журнале "Москва", когда мы решили печатать "Историю государства Российского" Карамзина... Я был тогда главным редактором этого журнала и хорошо помню, как вынашивали замысел напечатать впервые за все годы советской власти этот выдающийся труд. В течение двух лет ведомство небезызвестного Яковлева терзало нас: "Прекращайте печатать! Прекращайте печатать!". Возмущаюсь и спрашиваю: "В чем дело?! Народ так обрадовался, жаждет получить "Историю" Карамзина". У нас, к слову, и до этого тираж был большой — 600 тысяч, а как стали печатать Карамзина, подскочил до

миллиона! Народ тянулся к правде о своем Отечестве. "Чего же вы боитесь?" — спрашиваю. "Нет! — отвечают оттуда. — Прекращайте печатать! Опять начнется демонстрация чувства великодержавного русского шовинизма..." Вот чего боялись идеологи ведомства Яковлева. Но мы все-таки напечатали весь этот капитальный труд, потому что понимали: любовь к своей великой Родине начинается с маленького клочка земли, где родился, рос. Нас же пытались воспитывать в другом ключе. Помните расхожий идеологический штамп: "Мы все родом из Октября"? Очень "революционно" звучало! Но позвольте, а куда же мы дели тысячу лет нашей дооктябрьской истории? По сути дела, мы были лишены истории Отечества, нас отрезали от ее глубинных пластов. А сейчас повторяется то же самое, только с обратным знаком: сейчас хотят отрезать наше подрастающее поколение уже от истории Советского Союза, будто не было этих семидесяти лет, в которые мы и выросли. Другими словами — вычеркнуть из истории наше поколение, наши жизни, судьбы.

Нашу молодежь пытаются уподобить траве перекаати-поле: куда ветер подует, туда, дескать, и побегут. А уж какие ветры и откуда сейчас дуют — нетрудно увидеть. Вы знаете, как можно справиться с любым народом? Проще всего — грубой силой оружия. Но есть еще более коварный иезуитский способ: лишить этот народ исторической памяти — и нет уже народа, остается быдло, без мысли и чувства, с которым можно делать все что угодно, лепить из него любое послушное существо. Вот почему Яковлева и его команду встревожила публикация "Истории государства Российского".

Но самое примечательное здесь то, что эти же яковлевы нынче стали правоверными "демократами", они опять диктуют нам свои идеологические — теперь уже мнимо общечеловеческие лозунги. Содержание лозунгов поменялось, а принципы давления на неугодных, искоренения патриотического сознания русских людей — остались прежними.

Ф.Чуев. Я беседовал с Крючковым — председателем КГБ СССР при Горбачеве. Спросил: "Правда ли, что вы принесли на одно из последних заседаний Политбюро досье на Яковлева, в котором говорилось о его причастности к американским разведывательным службам?". На это Крючков

ответил мне: "Правда". Тогда это считалось государственным преступлением. А сейчас — как доблесть, "почетное" дело по установлению "демократии".

В.Юдин (вопрос к М.Алексееву). Есть ли тут и наша вина, вина русских людей?

М.Алексеев. Наверное, есть. Это наше извечное простодушие, наша невероятная доверчивость. Наши противники, мечтавшие о развале Советского Союза, совершенно не ожидали, что так быстро добьются успеха. Мы все повинны в том, что обманщиков часто принимали за честных людей, верили им на слово. К примеру, вышеупомянутой Яковлев — тот человек, который длительное время был главным идеологом и не где-нибудь, а в Центральном Комитете КПСС, был первым лицом при Президенте СССР Горбачеве. Он диктовал все условия игры. А мы ему верили, не могли не верить: говорил-то он тогда правильные вещи...

Ф.Чуев. У меня начались неприятности с властью с самого юношества, когда я, только что принятый в Союз писателей, написал стихи против Хрущева. Стали таскать в Комитет госбезопасности, на чем свет стоит меня ругали такие поэты, как Окуджава, Евтушенко. Они кричали: "Правильно! Его надо уничтожить как антисоветчика!". Ныне эти "борцы за коммунизм" раскрылись, стали доблестными "демократами". Моим стихотворением, направленным против политики Хрущева и XX съезда партии (за которое меня исключили из КПСС), заинтересовался Молотов и одобрил его. Это послужило поводом для многолетней дружбы и общения с Молотовым, Жуковым, маршалом авиации Головановым и другими выдающимися людьми. Я до сих пор поддерживаю самые добрые отношения с семьей Георгия Константиновича Жукова. Недавно дочь маршала Мария пожаловалась мне, что ей стало материально трудно жить, многие вещи уже проданы. Тогда я ей посоветовал: "Маша, у тебя же есть одна вещь, которой практически цены нет, — это ковер, на котором мы сидим: ковер самого Гитлера, из его кабинета в рейсканцелярии. И пусть он сейчас износился, потрепан, потемнел — любой антиквар предложит тебе за него огромную сумму". Во время нашего грустного разговора в комнату вбежал сын Маши, названный в честь своего легендарного деда Георгием.

Он выпалил: "Мама, нам сегодня в школе давали гуманитарную помощь: вот кулек сухого молока из ФРГ". Я весь содрогнулся от возмущения и ярости: внук маршала Жукова! Получил кулек из Германии... Вспомнился рассказ Марии: немецкие магнаты, трепетавшие от одного имени Жукова, прислали после войны Георгию Константиновичу роскошный автомобиль. Но этот лимузин доехал только до Бреста: маршал приказал вернуть подарок. А тут "гуманитарная помощь". Кому?! Победителям 1945 года и их потомкам! Какое унижение! После этого я написал стихотворение, которое так и называется

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

*Май,
А у немцев иней в душах.
Конец войне.
Капитуляцию принял Жуков.
Мы на коне!
Третья война мировая,
Флаг над Кремлем сорвав,
Лучших людей убивает
Милостынью держав.
Родина — поле боя.
Клево, о'кей, зер гут,
Коль молоко сухое
Школьникам выдают.
Снова живем под маской,
Дай Бог, авось, а вдруг?
Принял кулек германский
Маршала Жукова внук.*

*Я был тому свидетель.
Видел бы это дед,
Как несмышленым детям —
Фантики от конфет,
Липовую свободу,
Предательства благодать
Преподнесли народу,
Чтобы его продать.
Эта уметость ловких
Страну протерла до дыр.
Но знайте — лишь в мышеловках
Бывает бесплатный сыр.
Истину непреложную
Я повторяю, друзья:
Что обмануть нас можно,
Но победить нельзя!*

Авторов этой подборки не надо судить строго. И дело вовсе не в том, что для каждого из них это поэтический дебют. Просто строки о войне вырывались в большинстве своем как крик, заклинание, стон.

ЧЕЧЕНСКИЕ МОТИВЫ

Иван МУРАТОВ,
капитан запаса

ПЛАЧЬ, МОЙ ГОРОД

Плачь, мой город,
плачь, мужчина, плачь.
Этой боли не унять иначе.
Только изувер или палач
Вместе с нами в горе не заплачет.
Я, тебя увидев, не узнал.
В страшном сне такое не приснится:
На колени рухнувший квартал,
Вместо окон — черные глазницы...
В жизни часто городу везло
На людей и знатных, и красивых.
Как же так нас круто занесло
В эту уголовную трясицу?!
Разгребать завалы — нам самим.
Хоть еще сердца обида гложет,
Выдержим, коль дружбу сохраним.
Выстоим,
коль Бог нам в том поможет.
Знаю твердо: городу расти,
Новый облик с веком принимая.
И меня, любимая, прости —
Я своей прописки не меняю,
Остаюсь я в Грозном навсегда.
Мне теперь он стал еще дороже.
Шли мне телеграммы иногда
И звони, коль дозвониться сможешь.
г. Грозный.

Елена ИВАНОВА,
жена офицера внутренних войск

НАШЕ ВРЕМЯ

Друг мужа, раненный в Чечне,
Историю поведал мне:
Он в тот же госпиталь попал,
Где и отец его лежал
Тому назад полсотни лет...
О, время страшных эстафет!

ПЛАТОК ПРИМИРЕНИЯ

В горах, где гордый дух живет,
Где места не было Иуде,
Теперь кровавый торг идет,
Позоря славный древний род.
Очнитесь, люди!

Кавказ из-под седых бровей
На новоявленных князей
Глядит тревожно.
Кто и куда ведет народ,
Зачем к оружию зовет —
Понять не сложно.

Но мудрость где твоя, джигит,
Тот, кто отцов обычай чтит,
Кто неподкупен?
Ничто исламу не грозит.
Обман, как меч, того сразит,
Кто сам преступлен!

Кавказ силен. Разгневан он,
Лавинной смертью окружен.
Он полон мщенья.
Из недр могучая волна
Землетрясений и война...
Конец терпенью.

Между враждующих сторон
Войны неписанный закон —
Смерть, разоренье...
И как стремительный поток,
Меж ними падает платок —
Знак примиренья.

Благословен обычай гор!
Сними свой головной убор,
Жена Кавказа.
Пролей скорей на смертный жар
Поток из шелка! И пожар
Утихнет сразу.
г. Санкт-Петербург.

Эндрю ГАРВ

Пепел "Лоды"

Приключенческая повесть

Часть 3

Понятно, что возвращался я в Москву в самом мрачном настроении. Сомнений не было: отец Марии был именно тем, о ком писала русская газета. Для чего он выдумал себе прошлое? Несомненно, Ракзинский бывал во Львове, но вовсе там не родился. Может быть, оказался там во время войны с немецкой армией? Вполне возможно, что тогда и был ранен...

Конечно же, он мне лгал. Более того, Ракзинский обманывал не только меня, но и свою дочь. Неужели все это вранье вызвано страхом перед возмездием?

Но даже теперь, после получения доказательств, я не мог представить отца Марии в роли предателя. С виду он казался добрым, приятным человеком, чадлюбивым отцом. А с другой стороны, и некоторых самых свирепых нацистов любили дети, а соседи были о них высокого мнения...

Я задумался о Марии. Знала ли она всю правду об отце? Насколько искренна была со мной? А может, и не была она его дочерью? Ракзинский мог где-нибудь подобрать сироту и привезти ее с собой. В то время это было вполне возможно...

Такие соображения теснились у меня в голове по дороге в Москву. Единственное, что я знал твердо: не отступлюсь, пока не докопаюсь до правды.

Вернувшись на Арбат, я позвонил Павлову и попросил о встрече.

На моем столе было несколько писем. Одно из них от Марии. Естественно, первым я вскрыл этот конверт.

"Дорогой, я много передумала после твоего письма. Мне стало стыдно за свое поведение. Я не должна была так поступать..."

Конечно, будет великолепно, если ты найдешь доказательства невиновности моего отца. Все наши беды будут позади. И на Рождество мы будем опять вместе. После твоего отъезда я поняла, что не могу без тебя".

Совсем недавно такое письмо привело бы меня в восторг, а теперь оно вызывало только горькую иронию. Состояние было просто невыносимое.

Сначала Павлов принял меня довольно холодно. Ему, конечно, доложили о моем неожиданном вояже.

— Говорят, вы съездили во Львов? Это один из прекраснейших наших городов. Что, необходим был отдых?

— Нет, — ответил я. — Надо было разузнать кое-что о Стефане Ракзинском.

— Почему именно там?

— Этот человек сказал мне, что родился и провел все детство во Львове...

— Ну и что удалось выяснить?

— Ракзинский обманул меня: он не родился и не воспитывался в этом городе.

И я рассказал обо всем услышанном.

— Как теперь относитесь к нему, лорд Квейнтон? Продолжаете думать, что он не виноват в преступлении, за которое его осудили?

— Увы, сделать сейчас это трудно.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Нужно съездить в Англию. Если возможно, помогите мне с визой.

— Помогу. Но как воспримет неплановое возвращение ваша газета?

— Не хочу пока и думать об этом.

— Хотите с ним сразиться?

— Намереваюсь спросить, почему он мне лгал. И где он действительно родился. Я должен знать пусть горькую, но правду.

— Это ваше право, конечно. Помните только одно — дочь ведь не отвечает за грех отца...

Мы распрощались.

Я заказал билет до Лондона, а потом запаковал чемоданы и задумался. Мой патрон Кол, конечно, не будет в восторге от моего неожиданного и внеурочного появления. Тем более что я не смогу объяснить ему причину этого. Постараюсь лишь заверить, что дела газеты из-за меня не пострадают.

Вскоре мне позвонили и сообщили о том, что виза готова. Секретарь Павлова сказала также, что разрешение на мою поездку на Украину получено.

— Мистер Павлов спрашивает, не поедете ли вы сначала туда, а потом в Лондон? — раздалось в трубке.

Я заколебался.

— Если ехать, то когда?

— Через день, утром. Тем не менее Павлов просил передать, что он не настаивает на каком-то варианте, выбор — за вами.

— Весьма благодарен. Позвоню вам минут через десять, ладно?

Повесив трубку, я задумался. Мне хотелось видеть Ракзинского, переговорить с Марией, но Кол никогда не простит мне такого трюка. Исходя из всего этого, я решил побывать раньше на Украине.

На следующий день мне некогда уже было думать о Ракзинском. Предстояли отъезд, а с ним и многочисленные дорожные хлопоты. У меня даже не было подходящей одежды, рассчитанной на российскую зиму. С собой решил взять рюкзак с продуктами: бекон, икру, шоколад, водку,

некоторые вещи, книгу для чтения, фонарик, карту Украины и документы.

Днем я отправился в нарк, чтобы встретить своего гида-переводчика. В этой роли должен был ехать со мной Андрей Корженко, высокий мордастый украинец лет сорока. Говорил он по-английски неважно, но я его понимал. Мы с ним дружески встретились, и он показал мне карту Украины, гораздо лучшую, чем моя. Маршрут был таков: сначала посещаем один из колхозов, потом едем в Киев, где можно поговорить с администрацией о зимних проблемах этого региона. Дальше — Донбасс и беседы с рабочими и начальством, Кривой Рог и, наконец, Одесса. План мне показался очень удачным.

На следующий день в десять утра мы должны были встретиться с Корженко в аэропорту.

Однако жизнь внесла свои поправки. В восемь мне позвонил Корженко и сказал, что из-за плохой погоды рейсы отменяются и нам придется ехать поездом. Я, конечно, согласился. У нас было отдельное купе, и всю дорогу мы мирно проболтали. Мой гид рассказывает, что он из Полтавы, где его отец работает в кузнице. В Москве — жена и трое детей. Он знал, что я лорд и сын лорда. Его интересовало, как это ощущается. Я ответил: наверное, так же, как и то, что он сын кузнеца. Проехав километров пятьсот, мы пересели на местный поезд, который доставил нас в район Глубни, что недалеко от города Конотоп. Нас должны были встретить на станции, чего, однако, не случилось. Корженко пошел звонить, но скоро вернулся рассерженный.

— Получилась неувязочка, — пробормотал он. — Придется пока посидеть здесь. Скоро прибудет машина и довезет нас до места. Давайте поьем чайку.

Мы отправились в станционный буфет, где нам предложили нечто напоминающее чай в грязных стаканах. Вскоре появился автомобиль, мы уселись и поехали в таинственную для меня глубинку, которую раньше не приходилось видеть. Здесь я готовился встретиться со всеми прелестями провинции: с плохим отелем, с борщом и кашей, а ночью, вдобавок, с клопами.

Следующее утро оказалось ясным, ярким от снега, приятным от легкого морозца. Пришел Корженко и объявил, что ехать предстоит на санях, так как дорогу завалило снегом. Впервые в жизни мне довелось путешествовать таким манером.

Две лошади, сани и извозчик. Это было что-то необыкновенное! Пушистые волны снега, свежий воздух, розовые и желтые блики солнца. Какая-то хрустальная сказка вокруг! Ощущались простор, безграничная широта, безбрежность этой страны!

Наконец мы подъехали к крошечному селению, похожему на городок в табакерке. Зашли в один из домиков, глотнули чайку, а извозчик напоил лошадей. Дальше наслаждение от поездки поостыло. Задул сильный ветер, пошел острый, как бритва, снег. На глазах от мороза выступили слезы, щеки заоченели. На что Корженко — местный житель, и тот признался, что замерз. К счастью, вскоре мы подъехали к деревне, которая называлась "Колхоз имени Ленина".

Здесь я встретился с председателем, его заместителем, со звеньевыми и с колхозниками. Меня интересовали проблемы, возникающие у них зимой, — тут бывают такие морозы, что пальцы примерзают к металлу, а дети не могут ходить в школу. Мы провели вместе почти четыре часа. Люди были доброжелательны и откровенны. Они рассказали о нехватке кормов для скота и стройматериалов, о больших потерях урожая из-за невозможности его вывезти вовремя. Люди гордились тем, что у них зимой организуются лекции, показывают фильмы, некоторые умеют делать красивые вещи...

Корженко вечером организовал банкет. Вино и водка лились рекой, столы ломились от угощений. Много было пустых речей, никому не нужной болтовни.

Только в полночь все разошлись. На следующее утро колхозный автомобиль отвез нас на ближайшую станцию. Она оказалась очень уютной. Низенькое деревянное строение, окна разрисованы морозом, внутри чисто, много свежего воздуха. Поезд прибыл в девять часов. Я был рад: хотелось увидеть новые места, опять задавать вопросы. Следующий пункт, куда мы должны были прибыть, назывался Красной Церковью.

Когда мы вышли из вагона, погода испортилась: небо покрыли снежные облака, задул сильный ветер. Автомобиля пришлось ждать почти до вечера. Наконец часам к шести транспорт прибыл. Шофер считал, что к ночи может начаться буря, лучше переждать на станции до утра. Но у Корженко были свои планы, и мы поехали.

Дорога действительно оказалась ужасной: ревел ветер, он врвался в каждую

щель. Вскоре повалил снег, сухой, колючий, режущий лицо. Шофер не различал дороги, видимость почти исчезла. Пришлось остановиться. Положение было тяжелым. Ночевать в холодном автомобиле посреди степи — дело незавидное.

Корженко пошел в разведку, а вернувшись, заявил, что нашел пристанище. Надо было перенести туда вещи. Другого выхода не предвиделось. Дом был заперт. Корженко надавил плечом, и дверь отворилась.

— Нам повезло, — сказал он, — приглашаю вас в "прекрасный отель".

Это действительно была удача: во-первых, укрылись от бурана, во-вторых, посреди жилища оказалась печь и куча дровишек перед ней. Воды не было, но мы набрали снега и растопили его.

Шофер затопил печку. Когда она весело затрещала, мы вынули водку и закуску (колбаса и чеснок были припасены Корженко). Похлебали горячего чайку. Стало тепло и уютно. Показалось, что здесь лучше, чем в любой гостинице России.

Перед сном я вышел во двор. Разыгралась такая пурга, что чуть не свалила меня с ног. В двух шагах ничего не было видно, даже огонек из окна затерялся в снежной кутерьме. И я потерял этот ориентир. Вместо того чтобы приближаться к дому, вероятно, отдалялся. Потом вообще остановился и закричал. Никакого ответа, только вой пурги. Теперь я понимал, что оказался в страшной опасности. Если не найду избушки, то неминуемо погибну. На мгновение мной овладел ужас, но нельзя было поддаваться панике. Надо все обдумать спокойно. Хижина должна быть где-то недалеко, Корженко увидит, что меня долго нет, и придет на помощь. Тем не менее стоять на месте нельзя, замерзнешь. Надо ходить кругами и следить, не появится ли где свет. А снег валил все гуще, даже дышать становилось трудно...

Не знаю, как долго я блуждал, но неожиданно наткнулся на что-то твердое. Осветив предмет фонариком, понял, что это бетонная труба. Блеснула надежда: если двигаться вдоль трубы, то можно достичь какого-нибудь строения. Теперь я только боялся потерять свой ориентир, кое-как плелся, падал и снова поднимался. Внезапно мне пришла в голову мысль — влезть в трубу. Отверстие было достаточно широким. Кое-как я вполз вовнутрь. Стало тише и теплее. По всей видимости, я задремал, а когда очнулся, то почувствовал, что едва могу двигаться. Сквозь от-

верстие трубы я увидел дневной свет. Выбрался наружу. Снег больше не шел, и ветер совсем утих. Я огляделся: изба была совсем недалеко, Корженко и шофер стояли около нее и смотрели во все стороны, однако меня не заметили. Несмотря на слабость, я вспыхнул от злости: они не собирались меня искать. И тут же я услышал слова:

— Хорошо получилось, сам сдох, — про-

говорил шофер. — Не надо брать грех на душу.

— А вдруг жив? — заметил Корженко. — Нам надо его найти. По инструкции я должен доставить тело в Москву.

— Отыщем после завтрака: далеко он не ушел в такую ночь. Сработано отлично, Андрей Андреевич. Несчастный случай, и все тут...

Часть 4

Они зашли в дом, а я сел на снег, скорчившись от ужаса и полного недоумения. Неужели эти слова действительно прозвучали? Такое не случалось с корреспондентами. Возможно, ослышался? Нет, конечно. Свет в избе ночью погас тоже не случайно. Меня никто не собирался разыскивать. Наоборот, было задание убить, а тело привезти обратно. Корженко получил приказ из Москвы, и он только ожидал подходящего момента. В бурю такой повод возник, и если бы не труба, я бы погиб.

Но что же делать дальше? Гнев — плохой советчик, надо спокойно все обдумать и на что-то решиться. Можно было спокойно войти в хижину и притвориться, что ничего не слышал. Просто рассказать о своих ночных похождениях. Это было очень соблазнительно: я мог отогреться, поесть, собраться с силами. Но дело в том, что Корженко будет искать другой "несчастный случай". Теперь, правда, меня голыми руками не возьмешь. Нет, иди туда — значит второй раз положить голову в пасть льва. Расспросив меня обо всем, они поймут, что я слышал их разговор. Иллюзий больше не было, надо уходить отсюда. Одет я тепло, но нет еды. С собой только фонарик, паспорт и деньги, даже карты нет. По-видимому, я находился милях в тридцати от железной дороги. Если даже вернусь в Москву, меня не оставят в покое, а здесь они будут искать мое тело. Не найди, догадаются, что я выжил. Попросят подмоги... Правда, тут у меня два козыря: у них не было телефона, а машина по снегу ползет медленно. Самое разумное — быстрее уходить.

Но сразу же возникла новая проблема. Как только я выйду из-за трубы, меня могут увидеть из окна избышки. Мне были видны две головы — и Корженко, и шофера, но они не смотрели в мою сторону. Однако любое движение по снегу могло

привлечь их внимание. Следовательно, снова риск. Придется подождать, пока они уйдут. Нехотя я опять полез в трубу... Но неожиданно блеснула новая мысль: надо пробираться внутри трубы.

Через некоторое время я выбрался и был уже невидим из домика. Недалеко от меня оказалась наша застрявшая машина.

Усевшись под деревом и стряхнув снег с одежды, я направился прямо к ней. Хорошо бы кого-нибудь встретить и расспросить, куда ведет дорога. Вокруг было пустынно. Я забрался внутрь машины и обнаружил там настоящие драгоценности — большой кусок колбасы и буханку черного хлеба. Все это рассовал по карманам и пошел искать дорогу. Следы от колес были засыпаны снегом, дорогу найти было трудно: не встречалось ни деревьев, ни птиц, ни людей. Никогда не чувствовал я себя так одиноко. Постепенно выбился из сил. Вытащив колбасу и хлеб, начал их грызть и заедать снегом. Это немного подбодрило. Еще через несколько часов я услышал отдаленный шум автомобиля. Наверное, Корженко пробирается по моему следу. Мне стало страшно: здесь нигде спрятаться даже полевой мыши. Вскоре я увидел машину, но в ней сидел один незнакомый человек. Слава Богу, у меня еще остался шанс. Шофер был совсем молодой мальчишка. Поравнявшись со мной, он открыл дверцу и удивленно на меня посмотрел.

— Какого черта вы здесь торчите, товарищ? — спросил он.

— Моя машина сломалась прошлой ночью, и я не могу добраться до дороги, — объяснил я.

— А, так это ваша машина? Километров двадцать отсюда. Вам бы лучше остаться там.

Он говорил с сильным украинским акцентом, и я с трудом его понимал.

— Собирался ехать в Красную Церковь, когда начался буран. В машине я провел ужасную ночь. Если бы погода не изменилась, я бы замерз. А куда вы едете?

— В Негорелое. Это деревня в пятнадцати километрах отсюда. Хотите, подвезу?

— С удовольствием. Там есть телефон?

— Нет. Но завтра я сам поеду в Красную Церковь и доставлю вас туда.

Я с благодарностью влез в автомобиль.

— Знаете, вы спасли мне жизнь, товарищ.

Он улыбнулся.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Иван Иванович Скорбин. А вас?

И я назвал первое имя, которое мне пришло в голову.

— Павлов Алексей Алексеевич.

Он кивнул.

— Вы из города?

— Из Москвы. Я журналист из газеты "Вечерняя Москва". Меня послали выяснить положение с посевом озимых здесь.

— Могу сразу сказать: паршивое положение. Снег выпал слишком поздно, и посевы вымерзли. Говорят, что зерно закупают в Канаде. Надеемся, так и будет, а не то...

— Где вы работаете?

— Да недалеко от деревни Погорелое. Летом трактористом, а зимой шоферю.

Молодой человек был болтлив, и мы проговорили всю дорогу.

— Вам придется заночевать с нами.

— Спасибо за доброту, — отозвался я.

— Вы можете рассказать нам о Москве и о своей работе в газете? Мы никогда не встречали журналистов.

— С удовольствием.

— Вам, наверное, хорошо платят. Вон у вас какая шуба!

— Перепадает кое-что.

Мы проехали еще километра два, и скоро я заметил домики. Появилась деревушка, вся из маленьких избушек, стоящих ровными рядами. В окнах уже горел свет.

— А что, если ваш друг не захочет меня принять?

— Не откажет. Или он мне больше не друг.

Вскоре мы зашли в дом к Александру Гречко, приятелю Ивана, который называл его просто Сашей. Это был широкоплечий с крепкой шеей человек лет около

сорока, светловолосый, как многие украинцы. Иван нас познакомил и рассказал мою историю. Хозяин встретил гостей очень сердечно, пожал мне руку и пригласил войти. Его жены не было дома, и мужики решили устроить мальчишник. Водка тут же появилась на столе, и никто, по крайней мере, не мешал. В доме было тепло, пахло варевом, и я был счастлив. На стене висел большой портрет Хрущева, а в углу — маленькая икона. Видно, хозяева молились сразу двум богам.

После изрядной выпивки и обильной еды я попросился на печь, так как никогда еще не спал таким образом. Подстелив шубу, уснул мертвым сном.

Пробудившись утром, я снова стал думать о своей судьбе. Корженко и шофер не нашли труп и поняли, конечно, что я жив и бежал. Мои следы и следы автомобильных шин на снегу могли многое рассказать этим людям. Они доберутся до телефона, позвонят, и меня тут же обнаружат. Надо было срочно уезжать отсюда в Красную Церковь и переодеться, чтобы меня не узнали.

Мои новые знакомые спали крепким сном, одежда их валялась на полу. Я выглянул в окно: снег больше не шел. Автомобиль стоял около дома. Порывшись в карманах у Ивана, я нашел ключ от "Москвича".

Я переживал лишь об одном: вдруг спящие проснутся и увидят, что я надеваю чужое? Раздумывать было некогда: я натянул брюки Ивана, нахлобучил его старую ушанку и шмыгнул к двери. Самое трудное было открыть щеколду. Когда это удалось, я бросился вон, уже не думая ни о чем. Улица была пустынной, я подскочил к машине, завел мотор. И тут я увидел Сашу, который выскочил на шум и несколько мгновений не мог понять, что случилось. За мой поступок прощения не было, но ничего другого мне не оставалось.

Когда деревушка наконец скрылась из глаз, я воспрянул духом. Машина шла хорошо. Горючего до Красной Церкви мне вполне хватит.

Глянув в зеркало, я едва узнал себя: за два дня подбородок покрылся щетиной, одежда делала меня похожим на украинского колхозника. Я надеялся, что такой маскарад поможет скрыться от преследователей.

Километров через десять вдали замаячил купол церкви. Там, вероятно, был поселок, но я направился по другой дороге,

ведущей, по-видимому, к станции. Ехать дальше — значит привлечь внимание. Я оставил автомобиль и пошел пешком.

На станции в зале ожидания уже было довольно много людей, а у меня с собой ни чемоданчика, ни даже узелка. Купив хлеба, колбасы, сыру, минеральной воды, я кое-как рассовал все по карманам и уселся в уголке ожидать поезда на Москву. Вскоре зал опустел, так как большинство пассажиров сели в одесский поезд. Чтобы не бросаться в глаза, я решил на время уйти. А когда глянул на то место, где оставил автомобиль, то с удивлением увидел там еще одну машину. Вокруг нее вертелись трое, на них были васильковые фуражки. Надо было что-то мгновенно решать. Состав на Одессу был уже под парами. Я заметил старика, спешащего на этот поезд. Задержав его, попросил продать билет.

— Заплачу вам пятьдесят рублей, — сказал я и показал ему деньги. Он недоуменно уставился на меня: билет стоил рублей 10. — Опаздываю на работу, необходимо сейчас уехать. Нате вам сотню, а вы уедете завтра.

Наконец-то до него дошло, он сунул мне билет, и я бросился в вагон движущегося поезда. Уже в окно я увидел: старик все еще любитесь неожиданно приплывшим богатством.

А я забрался на верхнюю полку и затих. Дышать в вагоне было нечем; кричали дети, кудахтали куры, громко переговаривались пассажиры. Состав еле тащился и останавливался буквально у каждого столба. Если помощники Корженко сообразят, где я, то могут обыскать поезд. К счастью, никаких признаков опасности не было. Вскоре состав пошел быстрее, и я услышал, что до Одессы больше не будет остановок.

Опустились сумерки, в вагоне зажегся свет. Я стал размышлять, что буду делать по приезде, подумал о Марии, будто она была на другом конце света. Увижу ли я ее когда-нибудь снова?

Первые огоньки Одессы появились после девяти часов. Люди начали собирать вещи. Я нахлобучил на глаза ушанку Ивана и двинулся к двери. Вдруг поезд затормозил, проводник открыл дверь вагона. Появилось несколько мужчин в тех

же васильковых фуражках, значит, НКВД. Они проверяли документы. Я похолодел и решил перейти в другой вагон, но и там была проверка. Было ощущение, будто нож гильотины поднят над моей головой.

— Документы, товарищ, — сказал человек, обращаясь ко мне, и смерил меня таким долгим и подозрительным взглядом, что мурашки забегали по спине.

Я полез в карман, сначала хотел сказать, что потерял их, но решил, что это будет выглядеть еще хуже. И вдруг я обнаружил под рукой твердые корочки. Документы Ивана. Молча я протянул их. "Васильковый" осветил их фонариком.

— Совсем не похожи, — сказал он.

Я заставил себя улыбнуться.

— Небрит и фотография старая.

— Где вы работаете?

— В колхозе имени Микояна около деревни Негорелое. Зимой шоферу, а летом на тракторе.

— Зачем едете в Одессу?

— У меня командировка.

— А где ваш багаж?

— В багажном отделении.

— Пойдемте туда, — сказал он.

Я пожал плечами и отправился за багажом. Энкавэдэшник последовал за мной. Не оставалось никакой надежды. У меня не было никаких вещей, кроме кочана капусты, который я купил еще в Красной Церкви, чтобы больше походить на колхозника. Теперь это мне помогло, я схватил кочан и бросил его в лицо "васильковому", удар пришелся, вероятно, по глазам. Человек на мгновение потерял ориентировку и упал. Я же, увидев рядом пустой грузовик, прыгнул в кузов. Поезд в это время прогромычал мимо. Сквозь шум колес я слышал крики, но скоро все стихло. Я спрятался, как мог, и просил Бога, чтобы поезд не остановился. Но он, проскрипев сотню ярдов, снова затормозил. И опять раздался топот ног. Теперь надо было бежать. Позади кто-то засвистел, несколько голосов завопили: "Вот он!". Преследователи были близко. Подбежав к железнодорожному забору, я обнаружил в нем дыру, пролез в нее, вскарабкался на какую-то стену, спрыгнул и оказался на пустынной улице. Я мчался из последних сил, улица вдруг кончилась, передо мной был захлащенный пустырь. Силы оставили меня, и я потерял сознание.

Часть 5

А когда я очнулся и огляделся, то понял, что лежу на куче тряпья. Уже смеркалось, трудно было понять, где я и как долго находился без чувств. Голова болела, но теперь была ясной. Я вспомнил, что упал и что меня преследовали! Лежа стал прислушиваться. Вокруг ни звука. Все-таки я был начеку. Подвигал рукой, ногой, ощущал себя. Боль была, но переломов вроде бы нет. Достав фонарик, я осветил им и с трудом поверил своим глазам, так как лежал на дне узкой глубокой канавы. Слева и справа от меня туннели уходили в темноту. Они были довольно глубокие и широкие. Наверху они были прикрыты крышей. Это сооружение напоминало хорошо сделанные катакомбы. Двигаясь по этим ходам, я читал надписи на стенах: "Смерть немецким оккупантам!", "Вся власть Советам!" Значит, катакомбы эти существовали еще со времен революции в России.

Лабиринт напомнил мне миф об Ариадне. По-видимому, он использовался и сейчас молодежью Одессы. В одном из отсеков я нашел запас продуктов, сделанный недавно. Была и одежда, с помощью которой мне удалось согреться. Надо сказать, несмотря ни на что, мне повезло. Теперь необходимо было обдумать дальнейшие шаги.

Подзакусив колбасой и сыром, я стал задавать себе вопросы. Почему русские хотят меня убить? Что я такого сделал? Наверное, все связано с Ракинским. Без разрешения съездил во Львов, самостоятельно нашел свидетеля Скалыгу и разговаривал с ним. В результате, так ничего и не решив, я крепко заснул.

Проснулся тогда, когда свет заглянул в мое убежище. Накат был не таким основательным, как мне показалось в темноте. Рядом я увидел отверстие, в которое вливался свет и были слышны голоса. Вскоре раздались шаги. По всей вероятности, "васильковые фуражки" напали на мой след. Около самой дыры раздалось:

— Если он в катакомбах, то мы должны найти его.

Второй голос продолжал:

— Вы правы. У меня есть дядя, который во время войны жил там больше года. Он был в партизанах, может указать путь.

Еще один заметил:

— Нам бы надо посмотреть вниз. Полежай, Юрий.

Услышав это, я собрал свои нехитрые пожитки, рассовал что возможно по карманам и углубился в туннель, а когда дошел до первой развилки, остановился и прислушался. "Васильковые" уже, по-видимому, были в подземелье. Они освещали себе путь фонарями. Вдруг один из них воскликнул:

— Смотрите, валенки!

Я догадался, что они наткнулись на мою изорванную обувь, которую я сбросил, найдя здесь новые ботинки. Обругав себя за неосмотрительность, я все же решил ждать. Начнут они меня сейчас же разыскивать или выйдут наверх за инструкциями? Не хотелось похоронить себя в незнакомом лабиринте... Дальше медлить было нельзя: они направлялись в мою сторону, и резкий свет почти ослепил меня. Я повернулся и побежал. Один из преследователей услышал мои удаляющиеся шаги и бросился за мной. Он бежал почти по пятам. Еще мгновение — и мой силуэт оказался в свете его фонаря. Человек закричал, а я помчался изо всех сил, почти не разбирая дороги.

Мало-помалу шаги позади меня начали затихать. Неожиданно шум совсем стих. Видно, погоня сбилась с пути и оказалась в другом отсеке. Я остановился и прижался к стене, едва дыша. Куда теперь и что делать? Возможно, я и вовсе не смогу выбраться из лабиринта. А если повезет, найду выход. Батарейка в фонарике почти села. К счастью, в одном из коридоров я нашел свечи. Правда, спичек осталось всего семь.

Туннели напоминали прожилки огромного листа, протянувшегося под центром города. Положение мое становилось отчаянным: сожгу все спички и окажусь в полной темноте. Откуда-то дунул ветерок, и свеча погасла. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел впереди слабый свет. В лабиринте, очевидно, было несколько выходов в город. Я понимал: мои преследователи знают, что я в катакомбах, поэтому они, наверное, обследовали всю местность и могут караулить около каждого выхода. Несмотря ни на что, оставаться под землей я больше не мог, поэтому выбрался и огляделся — передо мной было футбольное поле, а вдалеке здание какой-то фабрики. Кругом пусто и тихо. Никакого снега, только черная земля. Моя зимняя одежда совсем не соответствовала теплой одесской погоде. Кое-как я проковы-

лял по грязи до ворот и вышел в город. Там было полно людей. Велосипедист прокатил мимо, насмешливо озирая мой "туалет". Надо было зайти в магазин и купить что-нибудь более подходящее, а то я походил на чучело. Однако в толпе никто не обращал на меня внимания.

Время шло, улицы пустели, приближалась ночь. Сейчас мне прежде всего необходимо было приобрести билет до Москвы. И я направился на станцию, но, только взглянув на станционное здание, тут же понял, что это место не для меня. "Васильковые фуражки" были на всех углах и проверяли документы. Даже если бы удалось купить билет, я бы не смог уехать.

Расстроенный и уставший, побрел я в сторону. При виде этих "васильковых" на меня напала страшная апатия. Что делать дальше? Меня уже, наверное, засекли. В городе я оказался, как в капкане. И едва ли удастся выбраться.

С такими мыслями поплелся я куда глаза глядят, и вскоре оказался в парке. Местность здесь была холмистая, а в некоторых местах сохранились руины старых зданий. На одной возвышенности расположился ресторан. Тут я вспомнил, что ничего не ел и решил подкрепиться. Войдя, сел у окна и заказал котлеты, жареный картофель и кофе.

Вид на гавань был великолепный. В порту тьма кораблей под разными флагами. Один из них довольно большой — канадский. Я позавидовал команде: они свободные люди и скоро отправятся в свою страну. А для меня даже Москва была почти недосыгаема. В голове крутились мысли: бездействовать нельзя — надо бороться.

Купив план Одессы, я уселся на скамейку около ресторана и принялся его изучать. И вскоре понял, что надо двигаться по прибрежной полосе, где много пляжей и нет милицейских кордонов. Берег был пустынным, стояли лишь несколько лодок, привязанных к деревьям. На одной из них, видно, собирались отплыть: в ней лежали одежда и весла. Неожиданно я остановился. Весла!.. Посмотрел на гавань, там стоял канадский пароход. Сумасшедшая мысль поразила меня. Но разве у меня была другая возможность избежать тюрьмы? Опасность грозила на каждом шагу. Необходимо рискнуть...

Столкнув лодку с берега, я подхватил весла и прыгнул в нее.

Море было спокойное, грести было легко. Спустились сумерки, но пока не

стемнело. Мозоли все-таки появились на руках, как я и ожидал. Перед моим взором теперь была вся гавань. Пароход стоял на якоре. Если он скоро отплывал, то команду не спустили на берег. Ярко освещенное судно было от меня в четверти мили. На борту не заметно особой активности. Только рядом на воде болтался катер, по-видимому, с людьми, проверяющими всех прибывающих на корабль.

С великим трудом мне удалось попасть незамеченным на судно. Я сделал это! Хотя далось нелегко: не было ни тренировок, ни сил, но подгоняла безысходность. Теперь я стоял на палубе, мокрый от пота и дрожащий от волнения. Пока нельзя было показываться: вдруг русские присутствовали на борту? Пришлось спрятаться в шлюпку на верхней палубе, притаиться и ждать.

Следующие несколько часов показались вечностью, так как я не знал, что происходило на корабле. Кроме того, мне было неизвестно, сколько он пробудет в гавани. Иногда слышалась русская речь. Однажды раздался смех и звон бокалов. Наконец судно было готово отчалить. Зазвучала сирена, заработали механизмы. Вскоре почувствовалась вибрация. Корабль тронулся по-настоящему. Слава Богу, мы плывем!..

Я выбрался на свет Божий. Двое матросов работали на палубе. Один из них обернулся на шум шагов, и челюсть его буквально отвисла.

Мгновение он смотрел на меня, а потом обратился к товарищу:

— Джо, посмотри на это пугало огородное. У нас на борту русский.

Капитан, крупный, выдавший виды моряк по имени Нельсон, просмотрел мой паспорт и выслушал мою странную историю. Он выдал мне морскую форму, угостил индюшкой и рождественским пудингом. Все, что случилось со мной, даже мне самому казалось невероятной, страшной сказкой.

— Вам необходимо, конечно, вернуться в Англию.

— И как можно скорее, — кивнул я.

— Могу высадить вас в Стамбуле. А оттуда уже долетите, я думаю.

— Это было бы прекрасно!

— Деньги-то у вас есть? Настоящие деньги.

— На первый случай достаточно.

— Тогда все в порядке. Ложитесь-ка и отдохните.

309

Он все еще удивленно и недоумевающе поглядывал на меня.

— У русских были, по-видимому, серьезные причины так преследовать вас, Квейнтон. Вы не догадываетесь какие?

— Понятия не имею, — ответил я.

И, пожалуй, говорил искренне. Никакой вины за собой не чувствовал и был так измучен, что не мог ни о чем думать.

Утром — другое дело. После мертвого ночного сна мозги освежились и тело отдохнуло. И снова встал вопрос: что же мне делать? Обида на русских отошла теперь на второй план. Осталось недоумение: почему в России так поступили с аккредитованным корреспондентом, к которому там всегда хорошо относились? Они бы никогда не стремились убить меня, если бы я не представлял для них какую-то серьезную угрозу.

Но чем я был опасен?

И снова пришлось вернуться к Ракзинскому. Он мог быть единственной причиной. Постепенно я вспомнил все, что касалось моих разговоров о Ракзинском в Москве.

Сначала просил Павлова помочь мне, и тот с охотой согласился. Поговорил с одним, с другим свидетелем, по своей инициативе съездил во Львов. Но во всем этом не было никакого криминала. Вернулся с еще большим недоверием к Ракзинскому и намеревался поехать в Англию и там продолжать выяснять дело. Павлов одобрил и обещал мне визу. Но тут подвернулась поездка на Украину. Если бы не это!

Павлов посоветовал поскорее туда отправиться, быстро все оформил. Будто хотел избавиться от меня. Вероятно, это он составил план "несчастливого случая"...

А вдруг русские не хотели, чтобы я узнал правду о Ракзинском от него самого? Они боялись, что тот скажет, что обвинение в газете было сфабриковано. Сама заметка не казалась теперь достаточно серьезной. Показания свидетелей были весьма туманны, особенно того, из Тулы. Закралась мысль, будто, обвинив раньше Ракзинского, они теперь хотели защитить его.

Странно, как Ракзинскому удалось выжить в условиях лагерей. Он не изменил своего имени и не скрывал своего пребывания в лагере "Лода". И Львов недаром назвал местом своего рождения. Лишь со времен войны этот город стал русским, и поэтому фактически ничего нельзя было там узнать. Исчезновение документов списывали на войну. Свидетель Луткин

знал подозрительно мало, а другой — Скалыга — слишком много. Даже Мария пользовалась только слухами. Этот человек появился в Европе с маленьким ребенком и вырастил дочь как англичанку.

Я задумался о Ракзинском, о его душевных качествах. Он не смог бы предать своих товарищей-заключенных. Если говорить о его здоровье, то удивляет его необъяснимое постоянное беспокойство, тревожное состояние. А что касается его карьеры ученого-химика, началась она блестяще, и непонятно его теперешнее незначительное прозябание в лаборатории косметической фирмы...

Наконец мы переплыли Босфор. И к восьми вечера должны были прибыть в Стамбул. Я поблагодарил капитана Нельсона за теплый прием, пообещал вернуть ему одежду, которую он мне дал, и меня отвезли на берег.

Когда я прибыл из России без визы и на корабле другой страны, эмигрантская общественность Турции была, мягко выражаясь, удивлена, и мне пришлось рассказать больше, чем я хотел. Мое повествование долго не принимали всерьез, но потом удалось все-таки доказать, что я не обманщик и не сумасшедший. В Турции я был более осторожен, чем в России. Снял комнату в скромном отеле и спокойно провел ночь. Первое, что я сделал, это позвонил помощнику моего патрона и сообщил, что еду домой. Он тут же перевел мне деньги, и я купил билет до Лондона. В субботу утром я был наконец в своем городе. Он встретил меня плохой погодой — было темно и моросил дождь. Прямо из аэропорта я послал телеграмму Колу, обещая по приезде связаться с ним. Я наскоро позавтракал в ресторане, взял такси и отправился на Северную окружную дорогу, а по ней в Уэлвин. На месте был уже около одиннадцати. Остановился в городе и спросил у полисмена дорогу в лабораторию "Флориа продактс". Он минутку подумал и сказал, что заведение находится на хартфордской дороге слева, приблизительно в двух милях.

Через несколько минут я уже был там и увидел большую черно-белую вывеску на воротах: "Флориа продактс ЛТД, Уэлвинское научно-исследовательское объединение".

Сама лаборатория находилась позади этого здания, ярдах в пятидесяти. Она стояла особняком, окруженная густым лесным массивом. Дом был одноэтажный, белоснежно чистый, со множеством окон.

Внутри горел свет, так как погода была пасмурной. Я увидел несколько фигур в белых халатах. Ракзинского среди них не было. Около ворот никто меня не остановил, поэтому я свободно вошел. Застекленная дверь открывалась в маленький холл. Кругом ни души. Я заглянул в лабораторию. Там пахло так же, как когда-то от Ракзинского. Человек, держащий пробирку, посмотрел на меня и спокойно продолжал работу. Я постоял, огляделся. Никто не обращал на меня внимания. Потоптавшись на месте, я вышел и обогнул дом: там располагалась стоянка машин. Около дюжины было припарковано. Здание обнесено низким заборчиком с незапертой калиткой, поэтому я выбрался наружу. Отсюда шла тропинка в густой лес, а дальше — высокая ограда, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть. Но что это? В какую-то долю секунды мне показалось, что я увидел там свет. Рядом со мной раздался шаг, и чей-то голос произнес: "Могу ли вам помочь, сэр?". Это был высокий плотный человек в форме, на фуражке красовалась эмблема того заведения, в котором он служил. Непонятно, откуда он появился.

— Здесь работает мой знакомый, — сказал я ему. — Доктор Стефан Ракзинский. Он несколько раз приглашал меня посмотреть, где служит, а мне все было некогда. Наконец заглянул, но его, по-моему, нет.

Незнакомец как-то странно на меня взглянул.

— Он не пришел сегодня, сэр.

Вежливо, но настойчиво незнакомец вывел меня за калитку.

— Будьте любезны, назовите себя.

— Квейнтон, — ответил я. — Лорд Квейнтон...

Я попрощался и пошел к машине, но заметил, что он записал номер моего автомобиля. Я проехал обратно с полмили и увидел железнодорожную ветку, которая вела в лес. Пошел по ней пешком. Под ногами была грязь, кусты ежевики цеплялись за ноги, но я пробирался вперед и, пройдя около четверти мили, оказался на открытом месте. Передо мной вырос высокий забор, а поверх него натянута проволока. Я подошел поближе. Неожиданно залаяла собака... Я прошел вдоль ограды, гадая, где бы заглянуть внутрь. Снова послышался лай, теперь гораздо ближе. Из-за деревьев появился мужчина в форме, ведущий на поводке огромного дога.

— Что вы здесь делаете? — проговорил он командным тоном и подошел к забору.

— Гуляю, — ответил я.

Он смерил меня злобным взглядом.

— Идите откуда пришли. Здесь частное заведение. Все принадлежит "Флориа продактс". Прочь отсюда.

Однако я узнал многое, а самое главное, что заведение не имело ничего общего с косметикой.

Теперь многое встало на свои места. Ракзинский был крупнейший ученый. После войны он появился в Европе, сказал, что приехал из Польши, но это была ложь. Работал Ракзинский в секретном учреждении. Когда я начал копаться в его прошлом, русские попытались убить меня. Все эти годы Ракзинский работал не на себя, а для России. Он советский разведчик!

Интересно, знала ли обо всем Мария?

Часть 6

Честно говоря, я не был уверен, должен ли один заниматься всем этим. Если мое заключение правильное, возникает несметное количество вопросов. Может, обратиться к властям, но что они подумают о моих приключениях? А вдруг я не прав? Тогда вообще окажусь в смешном положении, ни за что ни про что обвиняя Ракзинского, даже не поговорив с ним. Больше всего я опасался, что Ракзинский, услышав о моем возвращении, скроется. Рисковать было нельзя, и я решил поехать к ним домой без телефонного звонка. Выра-

жение лица хозяина, когда я появлюсь у них, мне многое скажет.

С тяжелым чувством шел я в эту квартиру. Счастье, если бы там никого не оказалось. Но автомобиль хозяина был припаркован, а в окнах горел свет. На шторе видна была тень Марии. Против воли я позвонил. Она сама мне открыла. Можно было ожидать любой реакции, кроме равнодушия. Однако лицо девушки не выразило ни удивления, ни радости.

— Входи, — сказала она тихо.

Лицо ее было бледным, круги под глаза-

ми. Видно, без меня разыгралась драма. Я был явно не в своей тарелке.

— Разве ты ждала меня?

— Да, уже некоторое время.

— Возможно, тебе тогда известно, почему я здесь?

— Кажется, да.

— Мне нужно поговорить с твоим отцом, Мария.

Девушка отрицательно качнула головой.

— Мой отец умер, — прошептала она, повернулась и ушла в комнату.

А я стоял как громом пораженный. Потом все-таки вошел.

— Как это случилось? — пробормотал я, запинаясь.

— Он принял что-то... Какой-то яд.

— Когда, Мария?

— В четверг.

— А ты была дома?

— Нет, в Ирландии, на работе. Мне позвонили из полиции, и я только вчера прилетела.

— Кто его нашел?

— Полицейские. Он написал туда перед смертью.

— Для тебя отец что-нибудь оставил?

— Описание своей жизни... — Она отвернулась и подала конверт. — Это касается и тебя. Возьми и прочти.

Девушка ушла в спальню и закрыла дверь.

Печальное послание заняло несколько страниц. Датировано оно было четвергом и содержало следующее:

"Моя дорогая Мария!

Пришел момент, когда я должен рассказать всю правду о себе, хотя надеялся ее скрыть. Я русский, а не поляк. Родился не во Львове, а в Ленинграде, тогда он назывался Петроград. Мой отец — инженер, мать — школьная учительница. Оба они были горячими сторонниками революции и принимали в ней активное участие. Меня воспитали в большевистском духе и вере в марксизм. В Ленинградском университете я занимался химией и подавал большие надежды как будущий ученый. Женился на твоей матери, тоже ленинградке, перед Отечественной войной. Мы очень любили друг друга.

Когда началась война, мне пришлось оставить ее и уехать в Москву на работу. Потом немцы подошли к столице, и каждый человек был на счету. Я ушел в ополчение, провоевал только две недели и

был ранен в колено. После выздоровления меня послали в Свердловск продолжать работу. В начале 1942 года я получил известие из Ленинграда, что ты родилась. А в городе начались ужасные дни и ночи. У меня кусок не лез в горло, когда я думал о вас. Вскоре узнал, что моя жена умерла от голода. Положение мое было безвыходным: меня решили послать как одного из лучших специалистов за рубеж. Предполагалось, в Англию или Америку. Я не намеревался работать в разведке. Мне представили дело так, что надо досконально изучить производство врага и потом помочь России стать самой сильной и непобедимой страной в мире. Я ненавижу капиталистов Запада, а немцев в особенности. И еще меня подкупили тем, что обещали вывезти моего единственного ребенка из голодного Ленинграда и разрешили взять дочь с собой за рубеж.

Я, конечно, все понял: меня готовят к работе разведчика. И моя дочь будет воспитываться на Западе. Она не узнает, что русская и что отец ее шпион. На меня крепко давили, и пришлось согласиться. Я прошел серьезную подготовку. Я должен был выдать себя за поляка, родившегося во Львове. Я поехал на некоторое время в Польшу, изучал язык и обычаи. Жил несколько лет среди польских коммунистов. Перед самой победой меня заслали в лагерь, чтобы проработать легенду. Так я оказался в "Лоде". После пробыл некоторое время во Львове для изучения города. Потом меня забросили на Запад.

История о будто бы моем предательстве в лагере вымышленная.

Когда я приехал на Запад с тобой, Мария, с трехлетним ребенком на руках, то вызвал симпатию окружающих. Все считали меня советским интеллигентом, убежавшим из России. Я объяснял всем, что после смерти моей жены соседи во Львове позаботились о тебе. У меня была наша свадебная фотография с твоей мамой. Это тоже мне очень помогло. Первые годы в Англии были сравнительно благополучными. Я не боялся, что кто-нибудь на Западе узнает меня и выведет на чистую воду. Моя работа в Лондоне была довольно трудной и важной, но секретной. Единственный контакт с Россией я поддерживал через агента, который называл себя Франком. Он жил здесь, в Хемпстеде. И окно его квартиры выходило на мой кабинет. У нас обоих были лампы с красными абажурами. И если мы хотели встретиться, то открывали шторы и давали друг другу знать.

Шли годы, и я снова начал беспокоиться о тебе. Ты росла как английский ребенок. Когда тебе исполнилось семь, я начал просить, чтобы меня вернули домой, но из Москвы пришло распоряжение, что я должен остаться.

Тут и началось мое прозрение и разочарование. К этому времени мной как ученым многое было достигнуто. Большинство моих друзей были англичане и поляки, репутация моя была незапятнанной. Когда меня намеревались повысить в должности, один из сотрудников нашел документ, что меня обвинили в предательстве. Но это пошло мне на пользу, укрепило мой антисоветский имидж. Однако никто из тех, с кем я дружил, не верил в обвинение. Англичане считали, что русские выдумали эту историю, чтобы не дать мне работать на Запад. Меня назначили помощником директора секретной лаборатории в Уэльсине. Я поднялся высоко и теперь понял, что наступило время активной шпионской деятельности, для чего меня готовили в Москве. Мне доверяли теперь самую секретную информацию, которую я должен был передавать в Союз. Казалось, сообщать все было моим долгом, но со временем я стал ощущать какой-то внутренний надлом, разочарование в идеологии моей Родины. Под влиянием моих друзей-поляков я стал понимать, что свобода в России — пустая фраза. Разговаривая с людьми, которые побывали в лагерях в Союзе, я еще больше укрепился в своем мнении.

Была и личная причина: много лет я любил Люси, мечтал жениться на ней, но не мог заставить ни в чем не повинную женщину жить двойной жизнью, как приходилось мне. Поэтому я молчал. Прошли годы, и здоровье от постоянного напряжения стало сдавать. Я больше не мог работать по-настоящему и наивно надеялся, что меня отпустят. Ничего подобного: мне было заявлено, что необходимо продолжать трудиться на благо России. А если я буду возражать, то они разоблачат меня перед английским правительством. Я понимал, что выбора у меня не было.

Потом в нашей жизни появился Тим, и я понадеялся, что он вырвет тебя из этой круговерти. А здесь произошла вся эта история. Русские испугались, что Тим засветит меня и работать станет опасно. Возможно, придется поехать в Союз. Тима всеми средствами хотели уничтожить, чтобы он не вернулся в Англию. Только так я мог спокойно продолжать начатое.

Убийца на каждом шагу ждал Тима. Мне нужно было решить, что делать. Сначала я

хотел обратиться к властям и выдать себя, но меня бы ждали позор и тюрьма. Все это отразилось бы на вас обоих. Поэтому я решил сойти со сцены. Конечно, для тебя это страшное горе, но лучшего ничего придумать нельзя. Я написал письмо в полицию и в советское посольство. Когда найдут труп, в России тут же все узнают и Тиму нечего будет бояться.

Постарайтесь соединиться и жить счастливо. Прощай, доченька".

И подпись: "Стефан Ракшинский".

Какая фантастическая, ужасная и трагическая история! И Мария ничего не знала...

Я постучал в дверь, Мария тут же открыла. Ее лицо ничего не выражало — только застывшая маска усталости. Лучше бы она говорила, плакала, даже ругалась, только не молчала. Я попытался как-то отвлечь ее — бесполезно. Сам того не ведая, я стал причиной смерти ее отца.

Я попытался обратить ее внимание на письмо.

— Знаешь, Мария, в нем много такого, что было тебе не известно. Хочешь, объясню?

— Нет, не теперь... Пока не могу ничего слышать.

— Полиция его видела?

— Нет... Я сама только в прошлую ночь случайно нащупала конверт под подушкой. Ты один знаешь о нем.

— Когда будет следствие?

— В полиции сказали, что во вторник. Они мне позвонят.

— Газеты уже вопят об этом повсюду? Я сегодня еще не видел ни одной.

— Нет пока. Только в "Таймс" было небольшое сообщение о его смерти.

Я кивнул.

— А ты сама, Мария?.. Тебе одной здесь оставаться нельзя.

— Со мной все в порядке.

— После такого шока лучше побыть с кем-нибудь. Поезжай к Тине на несколько дней, а?

— Мне удобней одной. Не волнуйся, из окна не выброшусь.

— Это мне и в голову не пришло, но меня мучает какое-то необъяснимое беспокойство.

— Не выдумывай! А теперь уходи, пожалуйста. — И открыла парадную дверь.

Она не сказала: "И не приходи больше", но я прочел это в ее взгляде.

Ради Марии я готов был порвать письмо Ракшинского, но, к сожалению, не мог. Руководители учреждения должны были знать о

его второй жизни. Скорее всего, им не удастся выйти на след Франка, но попробовать это сделать они были должны.

В воскресенье я посетил Уайтхолл и рассказал о Ракзинском. Там меня замучили вопросами. К вечеру я был как выжатый лимон.

Потом позвонил домой Марии, но там никто не ответил.

А в понедельник утром необходимо было явиться в офис повидать Джона Кола. Встреча была довольно холодной, так как мне приказали ничего не сообщать о Ракзинском и о своем побеге из России до тех пор, пока все не выяснится. Телефон Марии не отвечал ни дома, ни на работе. На коротком допросе она показала, что отец страдал депрессией. После этого девушка тут же уехала, и я не смог с ней поговорить. Решение суда было простым — самоубийство на почве депрессии.

Наконец я узнал, что Ракзинского будут кремировать в четверг.

Провожать его пришло несколько сослуживцев. Там, конечно, была Мария, совсем одна, даже не пригласила подругу. Когда кончилась печальная церемония, я подошел к девушке.

— Позволь мне проводить тебя домой, — предложил я.

— Доберусь одна, — холодно проговорила Мария, но не ушла, а стояла одинокая, нерешительная.

Мне надо было действовать, поэтому, открыв дверцу машины, я чуть не силком усадил ее в автомобиль и повез. По дороге мы не сказали ни слова, но в ее квартире я больше не мог играть в молчанку.

— Послушай, — сказал я, — все понятно: мне нет прощения. Если ты не можешь выносить меня больше, тогда мне... Я был слишком упрям, поэтому убил твоего отца, а начав раскапывать всю эту историю, не мог остановиться. Делал это ради того, чтобы между нами не было вранья... Но ты же видишь во мне только убийцу. Это тоже можно понять.

— Нет, ошибаешься. Я не виню тебя.

Я уставился на нее.

— Тогда почему бежишь от меня?

— Я обожала отца. Он стольким пожертвовал из-за меня!.. Очень любила и уважала его. Отец представлялся мне честным, храбрым, прошедшим немецкие лагеря. А он оказался вероломным обманщиком, двуличным человеком. Каждый день и час обманывал меня. Я никогда не прощу ему.

Так вот в чем дело!

— Он превратил мою жизнь в мошенничество. Заставил верить, что я полька, когда я русская. Доверяла отцу во всем, а он обманывал. Теперь совсем пусто и холодно на душе.

И она залилась слезами.

— Как он так мог? Это гнусно, невыносимо!

Я понимал, конечно: человек на такой службе вынужден лгать самым близким людям.

— Это его работа. Не думай, что он наслаждался, исполняя ее.

— Надо было отказаться.

— Отец твой верил, что служит своей стране.

— И ты еще защищаешь его?

— Нет, но попытаюсь понять. Он был русским человеком, патриотом и коммунистом. Его труд не был легким, но каждый человек сам выбирает свой путь.

— Но шпионаж!..

— Ясно, грязное слово, но все страны использовали шпионов во все времена. Твой отец служил, как ему казалось, светлым идеалам мира, дружбы, свободы. А фактически работал на тиранов, монстров. Он выбрал неправильный путь, но не надо его шельмовать, он достоин жалости. Тем более что так жестоко расплатился за это. Ты не должна его стыдиться. Постарайся успокоиться и забыть. Мы как-то должны выжить.

— Мы?

— Да, поженимся, вдвоем будет легче.

— Сейчас это невозможно... Ты просто жалеешь меня.

— Нет, только люблю и никогда не переставал любить. Хочу быть с тобой и не могу без тебя...

Вскоре я ушел, так и не получив никакого ответа. Мария выглядела ужасно, и пытаться ее вопросами больше было нельзя.

Вечер и ночь провел я как в дурмане, не сомкнул глаз, а утром должен был идти на службу. Не мог представить, как буду работать: в голове носились мысли и о Ракзинском, и о Марии.

Неожиданно в фойе отеля нашел записку. Дрожащими руками разорвал конверт, думая, что в нем последнее прощанье...

Там была только одна строчка:

"Дай мне время, дорогой. Пожалуйста, дай мне время".

Становятся доброй традицией наши знакомства с творчеством профессиональных писателей, в чьи биографии вписаны годы службы во внутренних войсках. Анатолий Кузьмичевский — один из них. Он родился в 1947 году в калужской деревеньке Тягаево. После восьмилетки учился в машиностроительном техникуме, работал на турбинном заводе техником-конструктором, мастером, старшим инженером. После срочной окончил Московский государственный университет им. Ломоносова и Литературный институт им. Горького. Выпустил около десятка поэтических книг, член Союза писателей. Живет в Москве.

БЕРЕЗОВЫЙ КРАЙ

Анатолий КУЗЬМИЧЕВСКИЙ

ПИСЬМО ОТЦУ

+++

В поздний час, когда шумит осока
И трепещет на осине лист,
Станет зябко вдруг и одиноко
На земле, где только ветра свист.

Рухнет вдруг души моей опора,
И повеет с луговых низин
Холодом вселенского простора,
Где остался я совсем один.

В этот час мучительно и долго
Постигаю собственную суть.
Сельская бугристая дорога
Плавно переходит в Млечный путь.

А вокруг мерцают то ли звезды,
То ли голубые светляки,
То ли уплывающие годы
По теченью вечному реки.

Но дрожа от стыни на рассвете,
Обходя зияющий овраг,
Думаю о жизни на планете
Как о высшем из вселенских благ.

ТРЕВОГА

Ах, если бы еще немного
Поспать тебе,
Но ты — солдат.
Вот прозвучал сигнал:
"Тревога!" —
И одеяла прочь летят.

И мы, друг друга обгоняя,
Несемся —
Больше не до сна:
Никто не знает —
Боевая
Или учебная она...

Как будто разбуженный улей,
За окнами солнечный май.
Весенние ветры подули,
От сна пробуждая наш край.

Наверно, цветы голубые
Весна повела по лугам.
И раны твои фронтовые
Все чаще болят по ночам.

Все чаще, наверное, снится,
Чтоб памятью горестной жечь,
Десант из Новороссийска —
На Феодосию, Керчь...

Близится праздник Победы —
В избе соберется родня.
В солдатскую форму одеты,
С портретов глядят сыновья.

Украсится через недельку
Листвою березовый край.
Ты двигайся, хоть помаленьку,
Ты только...
не умирай.

+++

Когда на сердце станет пусто,
Я поспешу в свое село,
Где от берез, растущих густо,
И в дни ненастных светло.

Туман затопит всю округу
Поутру, словно лунный свет.
Пройду по выцветшему лугу,
Знакомому с далеких лет.

В лесу косоного повстречаю,
Пугну сохатого в глуши.
И все невзгоды и печали,
Как снег, сойдут с моей души.

332

Сам себе тренер

РУССКИЙ БОЙ УДАЛЫЙ

Тема занятия: освобождения от захватов

На этом уроке все освобождения будем рассматривать в двух вариантах: мирном (свалка-сцеплялка в игровой форме и конфликтная ситуация, в которой не исключена возможность примирения с нападающим) и боевом (задача — нокаут).

В отличие от самбо и айкидо, здесь нет двух-трехэтапных приемов (перехват конечности, перевод в партер, добивание и т.д.). В русском кулачном бою освобождения выполняются в одном движении, в маятнике, и по времени укладываются в темп удара. Отрабатывать же их на занятиях следует как можно нежнее.

Освобождение рук

Мирный вариант. При захвате рук (и выше локтя, и ниже) сводим локти вместе, максимально выкручивая кисти наружу — до удара тыльными сторонами ладоней друг о друга. При этом — сгрудка, никакой сутулости. Затем локти упираются в таз, и тазом — энергией маятника — направляются в сторону лица противника, выталкивая последнего из стойки и опрокидывая, если необходимо (рис. 1а).

До того времени, пока не разомкнется захват, не надо тянуть руки на себя, провоцируя контратаку. Все делается мягко, без напряжения. Работаем только по осевой, качая маятник. По возможности, наступая на ногу противника и разворачивая таз, перекрываем ответную работу ногам.

Были в русской традиции и различного рода забегания (т.е. работа вне осевой), но их как приемы из борцовского арсенала рассматривать мы не будем. Опустим также и многое другое (например, работу на пальцы) — на проведение таких приемов в круговом бою нет времени.

Боевой вариант (рис. 1б) предельно прост: делаем сгрудку, отводя прямые руки назад-в стороны с одновременным боковым (прямым) ударом или отмашкой коленом в корпус (ребра, диафрагму, под лопатки). Удары в пах, принятые на Востоке, для нас нетипичны: во-первых, негуманно, во-вторых, неэффективно (нет нокаута).

“Коленце” можно дополнить техникой мирного варианта — для дальнейшего ухода вперед или вращения рук в противоположную сторону — при отходе назад (в этом случае противник кладется плашмя).

Отрабатывать боевой вариант надо на полную катушку, ударяя грудью, как в “петушином бою”, но колено, естественно, пропускается мимо корпуса — иначе можно нанести партнеру травму.

Показанный прием эффективен и при других захватах (за грудь, горло, голову). При этом мы прижимаем ладони противника к себе, чтобы не убежал (в традиционном исполнении хватается одна рука, и не пальцами, а основанием ладоней).

Освобождение руки при двойном захвате

Мирный вариант (рис.2а). Здесь мы делаем такой же маятник с упором локтя в бедро, как и в предыдущем приеме. Следите за тем, чтобы захваченная рука (освободившись, она движется к лицу противника) не выходила из осевой плоскости. Наши ладони, по аналогии с вариантом на рис.1а, разворачиваются тыльными сторонами друг к другу, но теперь они работают "враздрай" — на максимальном усилии устремленной вперед левой руки ребро правой, на себя, срубает руку противника. По мере его опрокидывания "срубленная" рука отводится в сторону или к себе на грудь.

Выполняя этот и другие приемы освобождения, как в защите и при нанесении ударов, надо стремиться к контакту тазом (в конце маятника корпус наклонен от противника). В борьбе (дзюдо и т.п.) всегда наоборот.

Боевой вариант (рис.2б) напоминает наружную защиту: захватив свободной рукой ближайшую руку противника (дабы он не пустился наутек), продерживаем его по осевой на себя обеими руками, а сами по дуге обходим руки и работаем коленом (на тренировке, разумеется, мимо).

Обратите внимание, что за счет сгрудки лицо ваше всегда вне досягаемости вражьего лба.

Все мирные варианты, как бы враскачку, могут перейти в боевые, если их трудно осуществить из-за ловкости или агрессивности противника.

Во время схватки с сильным соперником

бывает необходима имитация мирного варианта с последующим выходом в боевой: небольшой натяг в одну сторону и рывок — в противоположную.

Освобождение от захватов выведением локтя на осевую

Мирный вариант (рис.3а). Выведение захваченного локтя, в отличие от приемов на рис.1,2, можно производить, качая маятник как вперед, так и назад. Захватить нас могут одной или двумя руками — работаем на любую. Фиксируя руку противника одноименной рукой на груди (шее, голове), прижимая ее к себе, другой рукой бьем в локтевой сгиб сверху-к осевой-на себя, делаем маятник назад и разворачиваем плечи на 90 градусов. В момент удара надо "помочь" партнеру согнуть локоть — приблизиться к нему своей сгрудкой. Противник не сможет ничем ответить при выведении его локтя на осевую. Это положение нужно поймать — оно и будет правильным. В мирном варианте необходим глубокий маятник — тогда мы без труда положим соперника на живот. Можно качнуть маятник обратно, перейдя на залом, и опрокинуть нападающего на спину.

В боевой схватке выводить противника из равновесия нет необходимости, достаточно слегка развернуть его и подать бочком на удар коленом. Тут делается маленький маятник, и отходящая нога, при толкнута, отскакивает от земли, нанося удар по ребрам. Прием выполняется в одно движение: колено идет одновременно с вытягиванием локтя на себя. Возможен и

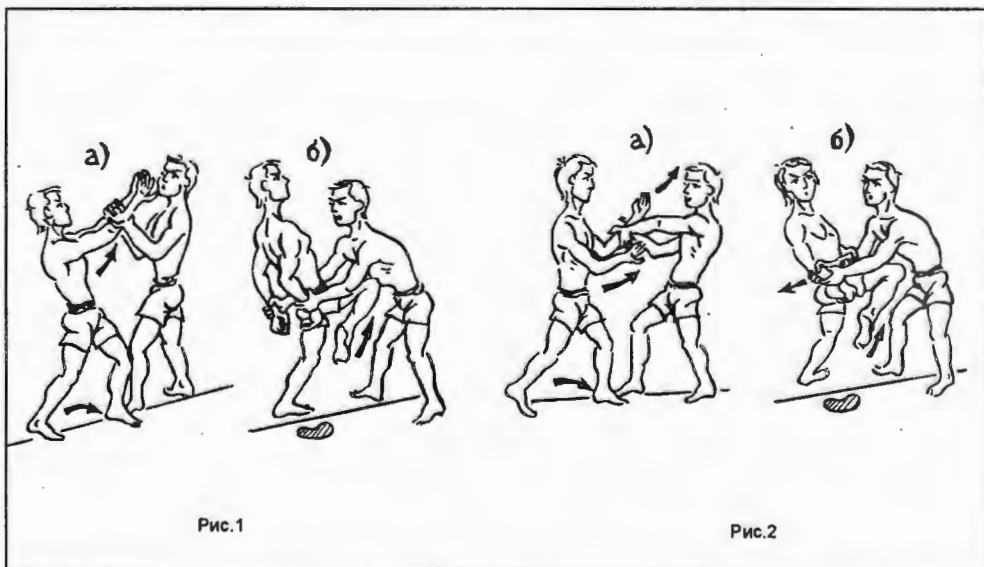

Рис.1

Рис.2

933

Рис.3

Рис.4

другой вариант: вместо того чтобы выбить локоть нападающего на осевую левым кулаком, можно взять его снизу правой рукой и рывочком на себя и вверх опрокинуть противника или подать на "коленце".

При захвате руки выше локтя (рис.3б) необходима незаметная сгрудка, руки слегка притягиваются на себя (рис.3а), и когда ладонь партнера ляжет на грудь, накрываем ее одноименной ладонью, защемляем обе ладони локтевым сгибом и завершаем прием, выводя локоть на осевую за счет вращения кисти. Корпус не наклоняется — маятник назад. Это универсальный вариант — тут не имеет значения, как захвачена рука, изнутри или снаружи, главное — контакт с ладонью нападающего на своей груди.

Точно так же можно вытащить локоть на осевую, защемив ладонь в подмышке (при захвате за грудь или за рукав). Затем — маятник вперед, и противник лежит на спине. Попутно отметим: любой маятник может переходить в боевую фазу не только с "коленцем", но и с подхлестом локтем.

Мирные варианты сгрудки (рис.1а и 2а) тоже можно завершить выведением локтя, чтобы положить нападающего плашмя. Для этого одна из рук не освобождается до конца, а другая, освободившись от захвата, идет на локоть.

Другим, еще более эффективным способом выведения локтя является разворот ладони противника большим пальцем вниз (ладонь и локоть находятся в осевой плоскости). Для этого ладонь нападающего прижимается там, где был произведен захват (грудь, горло, волосы и пр.) ударом коленом или без него. Левый наш локоток накидывается на локоть противника и осаживает его вниз. Захват ладони (а делается он двумя руками) не ослабляется. Здесь, как и во всех предыдущих вариантах, выполняется двойной болевой — на кисть и на локоть.

Освобождение от захвата горла продергиванием по осевой

В мирном варианте накладываем свои ладони на ладони противника и вжимаем их в собственное горло (грудь). Далее, обходя по дуге (рис.2б) кисть партнера, сгибая и разжимая ее своей шеей, продергиваем руку по осевой на себя. Сильная динамика: плечи — от противника, таз — навстречу, до момента удара, который может перейти в бросок. Для того, чтобы положить нападающего на землю, достаточно усилить, дожимая левым локтем его плечо, продергивание маятником назад. Затем можно откатнуть маятник обратно.

Продергивание — надежный вариант при набрасывании на горло веревки или при захвате за ворот.

Боевой вариант выполняется сразу на продергивании — прямой (боковой, от-машка) левым (рис.4а) или правым (рис.4б) коленом на возврате маятника, как в наружной защите (рис.3 в журнале №7) или при освобождении от захватов локтя (рис.3). Этот вариант дает большие преимущества при защите от таких агрессивных действий, как скрестное удушение, захват за лацканы, удавка и пр., т.к. в любом случае кисть противника раскрывается. К тому же не надо тратить время на отрыв руки от горла или одежды.

Нетрудно заметить, что все наши освобождения, как и защитные приемы, взаимозаменяемы, чего нет в современных восточных школах. Удобны они и тем, что к ним хорошо "приклеиваются" самбистские (тоже русские) концовки — на задержание или бросок. Но это применимо только в поединке и не годится для круга.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ,
преподаватель фольклорной студии.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Не один десяток лет рыбачу, овладел немалым опытом — и вдруг такой конфуз!

Случилось это на Волге. Все шло привычно — так, как и должно быть. И подсек леща вовремя, и притомил, вываживая. Вдобавок голову над водой приподнял, дал воздуха глотнуть. А лещ все не унимался, упорно не хотел идти к берегу. Чешуя отликает темным золотом — матерый! Черные плавники и хвост напоминают крылья птицы. Мощные рывки, каскад водяных брызг, буруны! Однако мне не впервой вываживать подобные экземпляры, и с этим справлюсь. Грешным делом, в душе уже праздновал победу. Но не зря сказывают: "Не говори гоп..."

Оставалось подтащить еще немного, подвести подсачек — и пожалуйте в садок. Невесть откуда набежали добровольные со-

ветчики. Один считает, что рыбину следует резким броском послать на берег, пока не опомнилась. Другой ни в коем случае не велит этого делать — снасть наверняка не выдержит. Поводить, подольше поводить следует, измотать гиганта...

Среди прочих оказался у меня в тот раз еще один

Ни чешуи ни хвоста

Узелок на память

болельщик. Не просто говорун, а — помощник. Он молча схватил подсачек и профессионально погрузил его в воду, выжидает, когда поближе подтащу, чтобы снизу подхватить. Все это мне не очень нравилось, но не станешь гнать — не до того. И то хорошо, что не пустослов, дело знает не понаслышке. То-то, мелькнуло в сознании, рассказов будет о пойманной царь-рыбе! Пусть и в соавторстве, кто станет разбираться.

Думаю, не любит не только рассказывать, но и вспо-

минать мой добровольный помощник о том, что случилось дальше. Когда казалось, что дело уже в шляпе, лещ, оттолкнув крутым боком подсачек, хватил по нему мощным хвостом, вышиб из рук — и был таков. Последовала немая сцена, а помощник, понурив голову, поспешно ретировался. И до сих пор не знает, что виновен в неудаче вовсе не он, а я сам, нарушивший непреложный закон: прежде чем идти на рыбалку, следует проверить снасти. В тот раз я этого не сделал. Понадеялся, что удочки в порядке. А ведь в прошлую рыбалку у меня схлестнулись снасти, и чтобы долго не возиться и не прозевать самый клев, я оборвал именно эту удочку, связал концы обрыва в надежде устранить непорядок на досуге. И забыл совсем. Именно на узле и не выдержала леска, она оборвалась на мгновение раньше, чем под рыбу был подведен подсачек.

Вот такой получился узелок на память.

Прапорщик в отставке
П. ДМИТРИЕВ.

Рассказы у костра

Как Патрикеевна хапуг наказала

Как-то два мужика, прибыв на пруд, с ходу забросили несколько сетешек на амортизаторах (резинках). Карась шел так, что едва успевали вытаскивать из воды браконьерские снасти и выбирать рыбу. На ночь сети не вынимали в надежде, что к рассвету хапнут побольше.

Изрядно хлебнув горячительного, заснули. В полночь один из дружков при проверке своих поставушек не обнаружил сторожков, а на некоторых сетях была порвана леса. Что за чертовщина, неужели напарник напортил? Разбудил его. Тот заявил, что не в курсе дела. Осмотрели его сети — аналогичная картина. Резиновые лодки, рюкзаки, термоса, другие вещи не тронуты. Поискали еще и нашли вначале один сторожок, потом и остальные. На них были заметны довольно глубокие вмятины. В полном

недоумении снова установили свои орудия добычи.

Все прояснилось под утро. Едва стало рассветать, как один из приятелей услышал осторожный шорох и сопение. В страхе привстал и увидел... лису, которая мгновенно скрылась в тумане. А все лески опять оказались порваны, пропали и сторожки. Их нашли поблизости основательно погрызенными. Тогда и дошло до дружков, что это проделки Патрикеевны. Сторожки, которые они часто брали руками, сильно пахли рыбой. Зверь и пробовал их на зуб, путая снасти.

Этот случай рассказал мне давний товарищ, к которому я приезжал отдохнуть. С горечью он заявил: "Сейчас у нас разве что лисы борются с браконьерством, больше никому".

Полковник в отставке
В.ЖУКОВ.

Рыбы наших вод

Карпа надо искать

Среди рыбаков немало тех, кто увлекается ужением карпа. Охотники за этой весьма распространенной у нас рыбой знают, что поймать ее не так-то просто. Конечно, речь идет не о маломерках по 150-200 граммов, а об экземплярах весом от полутора до двух килограммов.

Из своей многолетней практики я убедился, что карпа надо искать, как, к примеру, зимой окуня. Стайки этой рыбы постоянно перемещаются по водоему и обычно долго на одном месте не задерживаются. Но карп — не окунь, обнаружить которого можно за 10-15 минут. На карпа надо, забросив удочки и обязательно подкинув к поплавкам прикормки, посидеть этак с часок.

Для поисков карпа желательна лодка, нужно также соответствующим образом оборудовать удочки (преимущество этой снасти в том, что насадка находится среди заброшенной прикормки), необходимо еще несколько разных насадок и непременно большое терпение.

Признаком наличия карпа на каком-либо участке водоема является довольно частое

вскидывание его из воды, а в тихую погоду — большое количество на поверхности воды пузырьков воздуха, идущих из глубины.

Весной и осенью карп нередко держится на неглубоких (1,0-1,5 м) местах у водной растительности. В середине лета, особенно утром, его чаще всего можно найти на косах, отвалах, выходах из ям с глубиной не более 2-3 м. Не следует обходить стороной места, куда на водопой пригоняют скот, и неглубокие илистые заводи, которые подчас бывают богаты мотылем и другой живностью. Если в них еще имеются и родники, то карпих непременно посещает. Особенно в ветреную погоду, когда вода хорошо насыщается кислородом. Не так уж редко случается, когда карпа удается найти именно в таких местах, причем даже на немислимых, казалось бы, для этой рыбы глубинах — менее полуметра.

На успех ловли карпа в середине лета можно надеяться до 13-14 часов. В сентябре этот гигант порой в середине дня клюет лучше, чем утром и вечером.

Ю. ЮСУПОВ

Советуем прочитать

На волжских зорях

(записки рыбакова)

Юрий Константинович Юсупов — наш давнишний знакомый, хорошо известен читателям журнала: его заметки о рыбалке регулярно публикуются в разделе "Калейдоскоп интересов" вот уже на протяжении многих лет. Тем более приятно сообщить, что недавно у нашего постоянного автора произошло радостное событие — в Приволжском книжном издательстве НПК "Аникон" вышла его книга "На волжских зорях (записки рыбакова)". Издание имеет твердый переплет, цветную вкладку, вмещает 352 страницы текста и рисунков. Впечатляет его тираж — 100 тысяч экземпляров, что уже само по себе кое о чем говорит.

Новая работа Ю. Юсупова интересна и полезна не только для тех, кто только приобщается к рыбной ловле, но и для любителей рыбалки со стажем. Читателя ждет знакомство с рассказами о рыбах наших водоемов, об особенностях самых разнообразных способов охоты на обитателей подводного царства, он почерпнет из "записок" массу секретов, которые Юрий Константинович накапливал ни много ни мало — аж 40 лет. Здесь же множество советов о том, как толково оборудовать снасти, когда и какие насадки, приваду использовать, как дольше сохранить трофей, какие вкусные блюда можно приготовить из пойманного, и о многом, многом другом.

К сказанному можно лишь добавить, что все это написано интересно, а умелая композиция издания позволяет легко найти нужную информацию, иллюстрации помогут воспроизвести на практике те или иные рекомендации.

Для тех, кто заинтересовался книгой и не имеет возможности ее приобрести на месте, сообщаем адрес Приволжского книжного издательства: 410071, г. Саратов, Театральная площадь, 15.

В. ВАЛЕНТИНОВ.

Природа и мы

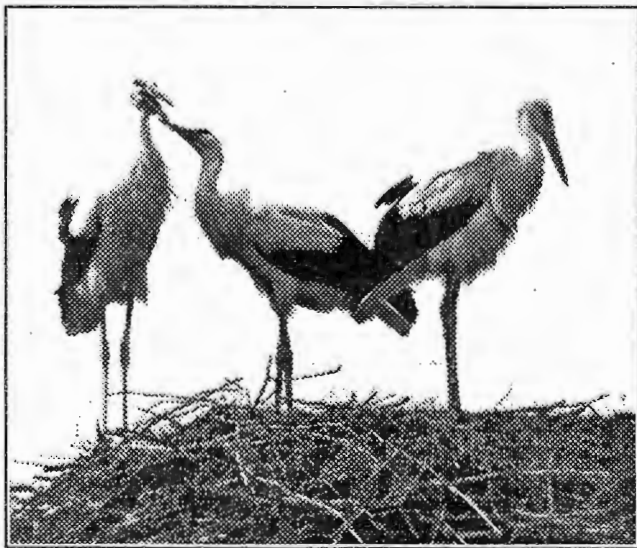
Бегущие по волнам

Еще в начале своих охотничьих походов сидел я как-то летним утром в шалаше на берегу небольшого плеса среди кочковатого болота, обильно поросшего различными видами осоки. Утро было тихим-тихим. Солнце еще не показалось из-за горизонта. Я внимательно следил за пяточком, где плавали два деревянных чучела чирковых уток. Вдруг из-за одиноко торчащей кочки выбежала птица и свободно побежала по зеркальной глади. Что за диво, подумалось, расскажи — никто не поверит. А птица между тем продолжала свое удивительное шествие по воде. К ней присоединилась вторая такая же чудо-птаха. Вскоре они оказались рядом с моим шалашом, и я их смог как следует рассмотреть. Величиной со скворца. На тонких темных ногах с довольно длинными пальцами, между которыми не было перепонки. Клюв ко-

роткий. Светло-коричневый фон оперения пересекали небольшие темно-коричневые, с сероватым оттенком пестрины. Короткий острый хвостик вздернут вверх почти под прямым углом, подхвостье светлое. Головка как бы немного сплюснута с боков.

Возвратившись с охоты, полистал справочники-определители наших пернатых. Оказалось, что моими соседями были обыкновенные погоньши. Вторая загадка, почему птицы бегали по воде, не погружаясь в нее, была разгадана раньше: дело в том, что плес весь зарос. Если смотреть на зеркало воды с берега, растительность не видна, и передвигающаяся по скрытому зеленому ковру птица, самая легкая в наших краях — всего несколько десятков граммов, кажется бегущей по воде.

Ф.САВИНСКИЙ.

Третий лишний.

Фотоэтиюд В.Стерлева.

**Короткие
советы**

Неплохой приманкой для рыбы может быть...песок. Для этого его надо лишь прожарить в сковороде с небольшим количеством растительного масла (можно использовать остатки подгоревшего масла, которое всегда отстает после приготовления пищи). Пропитавшись запахом масла, песок будет хранить его все время вашей рыбалки и привлекать обитателей подводного царства. К тому же песок не сносит волной и течением, на дне он ложится точно в назначенное место. А это тоже важно.

Бамбуковые удилица от длительного употребления стареют, в них со временем появляются трещины.

Однако этот недостаток несложно устранить. Возьмите старую детскую игрушку из гуттаперчи и растворите ее в ацетоне до нужной густоты. Полученную смесь нанесите кисточкой на удилице в месте трещины. После высыхания снасть будет как новая.

У перьяных поплавок, что продаются в магазинах, часто выскакивают колечки. Есть простой способ сделать новое колечко. Берется выпрямленный рыболовный крючок достаточного большого размера и вставляется в перо. Бородка будет хорошо удерживать его в поплавке. Для надежности можно крючок предварительно смазать клеем БФ-2.

В.СЕДОЙ.

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

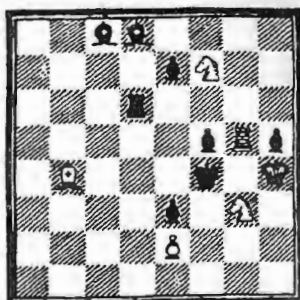
№ 22

№ 23

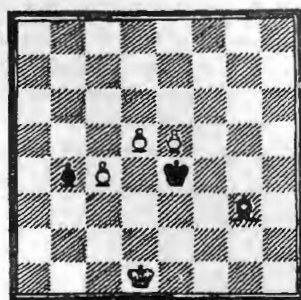
№ 24

Мат в 3 хода

Мат в 4 хода

Ничья

Секреты первых двух задач вы, наши читатели, откроете без особого труда. Решение же № 24 приводим. 1. d6 С:e5 2. d7 Cf6/c7 3. Крс2 Крд4 4. Крб3 Крс5 5. Кра4! Кр:c4 6. d8Ф! С:d8, пат; если же 5...Cd8, то 6. Крб3 Cf6 7. Кра4 Cd8 8. Крб3 — позиционная ничья. Не решает 1. Крс2? С:e5 2. Крб3 Cd6. Плохо также 1. e6? Cd6! Ничего не дает черным 1... Крд3? 2. d7 Ch4 3. c5 Cg4 4. c6 b3 5. c7 b2 6. d8Ф+, и выигрыш у белых.

Любителям гетеродоксальных жанров приводим две задачи, попробуйте найти решение.

№ 1. Крf4, Са1, Ке4 /3/ — Крb1, Лb3, пп. a2, b4 /4/, кооперативный мат в 3 хода.

№ 2. Кре6, Фd5, Лс7, Лf6, Са3, Се4, Ка5, Кg7, пп. h6, h7 /10/ — Крf8, Ch1, Кb4, Кf7 /4/, обратный мат в 4 хода.

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА

В сериале "Семнадцать мгновений весны" есть сцена, в которой пожилая дама, садясь к шахматной доске, сказала Штирлицу:

— Я буду играть защиту Каро-Канн!

Защита эта с таким странным названием есть полуоткрытый дебют 1. e4 c6 и потом 2. d4 d5 3. Кс3 или 2. Кf3 d5 3.Кс3. Дальнейшая игра имеет ряд вариантов. Например, в системе Капабланки после 2. d4 d5 3. Кс3 развитие такое: 3...de 4. К:e4 Cf5 5. Кg3 Cg6 6. h4 h6 7. Кf3 Kd7 8. h5 Ch7 9. Cd3 C:d3 10.Ф:d3, и шансы сторон примерно равны.

Первыми исследователями дебюта были англичанин Г. Каро и австриец М. Канн, их фамилии и образовали его загадочное название.

ШАХМАТНЫЕ "ГРАНДЫ"

ФИДЕ опубликовала рейтинг-лист, т. е. список сильнейших шахматистов мира, по итогам первых трех месяцев этого года. У мужчин в первую десятку входят: Г. Каспаров — 2805,0, А. Карпов — 2776,1, Г. Камский /США/ — 2730,7, В. Иванчук /Украина/ — 2725,9, А. Широв /Испания/ — 2724,8, В. Ананд /Индия/ — 2715,0, В. Крамник /Россия/ — 2715,0, В. Салов /Россия/ — 2694,3, Б. Гельфанд /Беларусь/ — 2693,1, Е. Бареев /Россия/ — 2670,4. Н. Шорт на 21-м месте, у него 2639,6. Как известно, ФИДЕ не включала в рейтинг-листы прошлого года Каспарова и Шорта, но сейчас общий язык с президентом ФИДЕ Ф. Кампоманесом найден.

Любопытно, в мужском списке сильнейших 27-е место занимает венгерская шахматистка юная Юдит Полгар, в мужских турнирах она добивалась высоких результатов, ее рейтинг 2630,0. Она возглавляет женский рейтинг-лист, в котором далее Жужа Полгар — 2562,9, чемпионка мира китайянка Се Цзюнь — 2555,0, Пиа Крамлинг /Швеция/ — 2520,1, Майя Чибурдаидзе /Грузия/ — 2502,1. Сильнейшая россиянка Светлана Матвеева на десятом месте, ее рейтинг 2430,0, экс-чемпионка мира Нона Гаприндашвили на 21-м, у нее 2390,0.

Опубликованы также списки сильнейших юниоров — 20 юношей и 20 девушек не старше 20 лет. В них опять Юдит Полгар, в юношеском на четвертом месте, в девичьем — на первом. В юношеской двадцатке шесть россиян, в девичьей, увы, нет.

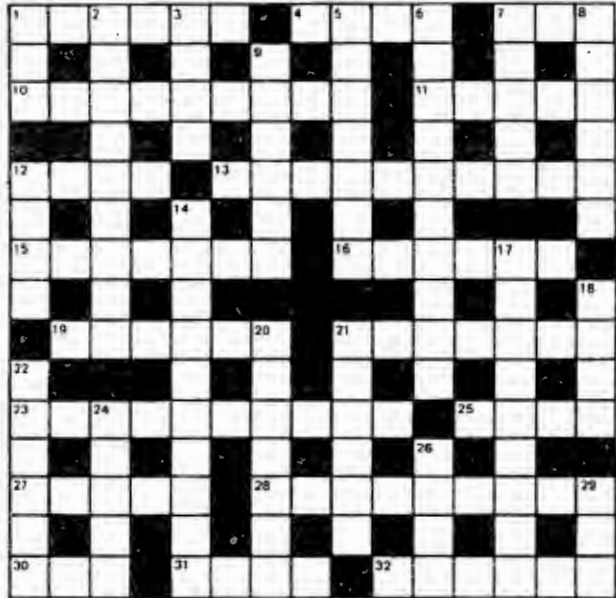
ФИДЕ планирует публиковать рейтинг-листы каждый квартал /ранее они публиковались дважды в год/.

По горизонтали:

1. Серия отечественных искусственных спутников Земли. 4. Простейшее полевое укрытие для личного состава. 7. Кора древесных и травянистых растений с длинными волокнами. 10. Русский генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года. 11. Машина, предназначенная для замены человека при выполнении работ, опасных для жизни. 12. Освежающий напиток, известный еще в Киевской Руси. 13. Соглашение на основе взаимных уступок. 15. Войсковое соединение. 16. Государство в Карибском бассейне. 19. Территория, имеющая определенные границы и суверенитет. 21. Город в Московской области. 23. Похвала, лестные слова. 25. Похищение автосредства. 27. Залив при впадении реки в море. 28. Должностное лицо в России в XV—XVI вв., управляющее уездом. 30. Семья, совокупность пчел. 31. Таджикский писатель, общественный деятель. 32. Титул принцев королевского дома в Испании и Португалии.

По вертикали:

1. Правильный шестигранник. 2. Тот, кто подает сигналы. 3. Драгоценный камень. 5. Наркотическое растение. 6. Отверстия на фото- или киноплёнке, в которые входят зубья лентопротяжного механизма. 7. Система контор и агентств крупных монополий, оказывающих давление на законо-

КРОССВОРД

дателей. 8. Легкая, полупрозрачная льняная или хлопчатобумажная ткань. 9. Лодка индейцев. 12. Государство Латинской Америки. 14. Кубинский шахматист, чемпион мира 1921—1927 гг. 17. Областной город в Казахстане. 18. Зодиакальное созвездие. 20. Житель одной из Закавказских республик. 21. Физкультурно-спортивное общество. 22. Оптическая система, обращенная к глазу наблюдателя. 24. Правитель Золотой Орды, организатор походов на русские земли. 26. Предводитель аргонавтов. 29. Самое крупное млекопитающее.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 7**По горизонтали:**

3. Кожедуб. 5. Гондола. 10. Челомей. 11. Диплом. 13. Поныри. 14. Василевский. 17. Авария. 18. "Динамо". 19. Тито. 20. Опал. 23. Мценск. 24. "Катюша". 27. Минирование. 30. Припой. 31. Ереван. 32. "Соловьи". 33. Флагман. 43. Мортира.

По вертикали:

1. Ожегов. 2. Конвой. 4. Учение. 6. Одесса. 7. Приклад. 8. Бове. 9. Морозов. 12. Малиновский. 13. Пикирование. 15. Манизер. 16. Парашют. 21. Эмбарго. 22. Засада. 25. Мипора. 26. Пасько. 27. Монтаж. 28. Окоп. 29. Ерошин.

ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ

Эверест (Джомолунгма). Высочайшая вершина нашей планеты в Гималаях (8848 м).

*Весь мир на ладони —
ты счастлива и нем,
И только немного
завидуем тем,
Другим — у которых
вершина еще впереди.*

Это непередаваемое чувство, воспетое Владимиром Высоцким, сполна испытал офицер внутренних войск В. Кореньков (на снимке), в составе группы альпинистов покоривший Эверест. Материал об этом восхождении читайте в одном из ближайших номеров журнала.

Орден Мужества

Статут ордена Мужества

Орденом Мужества награждаются граждане за самоотверженный поступок, мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, во время стихийных бедствий, пожаров, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, а также за смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского, гражданского или служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни.

Орден Мужества носится на левой стороне груди и при наличии других орденов Российской Федерации располагается после ордена "За заслуги перед Отечеством" 4-й степени.

Описание ордена Мужества

Знак ордена Мужества из серебра и представляет собой равноконечный крест с закругленными концами, рельефным бортиком по краю и рельефными лучами. В центре — рельефное изображение Государственного герба Российской Федерации.

На оборотной стороне по горизонтали — рельефная надпись "Мужество", исполненная стилизованными буквами, и номер ордена. По краю — рельефный бортик. Расстояние между концами креста 40 мм.

Знак ордена при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета с белыми полосками вдоль краев. Ширина ленты 24 мм, ширина полосок 2 мм.